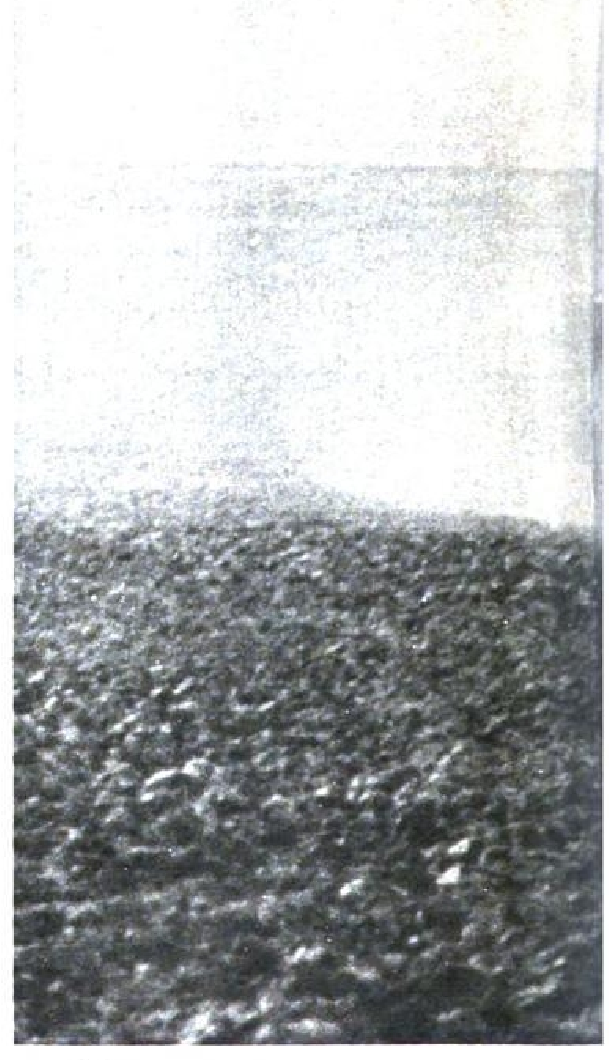

ОГОНЁК
№ 14 МАРТ 1964
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Погрузка суперфосфата для Таджикистана в речном порту Термеза (Узбекистан).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

42-й год издания

№ 14 (1919)

29 МАРТА 1964

ВЕСНА ИДЕТ!
ВЕСНА В БОЛЬ

Весенний сев на полях колхоза имени XXII партсъезда Ширабадского производственного управления. Фото Г. Копосова.

Весна!
И снова на заречье
Цветут
Вишневые сады.
Весна!
И в сердце человечьем
Горячей юности
Следы.
Весна!
И вновь растет тревога,
И не уснешь ты
До утра,
Как будто ждут тебя
В дорогу
Заправленные трактора,
Как будто вновь
Тебе заданье
В поход с бригадой плугарей,
Как будто там, в степи,
Свиданье
С далекой
Юностью твоей.

Иван КОВАЛЕВСКИЙ

Ростов-на-Дону.

ПОХОД ЗОВЕТ!

ПЛОДОТВОРНЫЙ ВИЗИТ

Во время визита в Советский Союз президент Йеменской Арабской Республики маршал Абдалла ас-Саляль был принят в Гагре Председателем Совета Министров СССР товарищем Н. С. Хрущевым. Между ними состоялась дружеская беседа. «Эта встреча,— отметил маршал Абдалла ас-Саляль,— была полезной для дела свободы и для мира во всем мире».

21 марта в Большом Кремлевском дворце были подписаны Договор о дружбе между СССР и Йеменской Арабской Республикой и другие советско-йеменские документы.

Во время встречи маршала Абдаллы ас-Саляля с товарищем Н. С. Хрущевым.

Фото В. Соболева. (ТАСС)

ОКНО В НОВЫЙ МИР

На советской торгово-промышленной выставке в Генуе.

В эти дни Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгин нанес визит Председателю Совета Министров Италии Альдо Моро.

Девушки в национальных русских костюмах подносят золотые ножницы. Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгин передает ножницы министру внешней торговли Италии Маттарелла. Тот разрезает ленту, и торгово-промышленная выставка СССР в Генуе открыта. Начиная с этого мгновения в здания «Фьера дель Маре», где расположена советская выставка, потянулся бесконечный людской поток. Около ста тысяч итальянцев побывали на ней только за один день.

«Вся жизнь 230 миллионов граждан отражена в 10 тысячах самых разнообразных экспонатов — от марок до самых современных электронных машин»,— сообщила газета «Паэзе сера».

В своем приветствии посетителям советской выставки в Генуе Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев выразил надежду, что выставка будет способствовать дальнейшему укреплению и развитию отношений и взаимопонимания между нашими странами.

ПРАЗДНИК ОСВОБОЖДЕ

Соглашение, заключенное между Венгерской Народной Республикой и Советским Союзом, открывает новые перспективы перед венгерской алюминиевой промышленностью. На снимке: алюминиевые блоки на Секешфехерварском заводе.

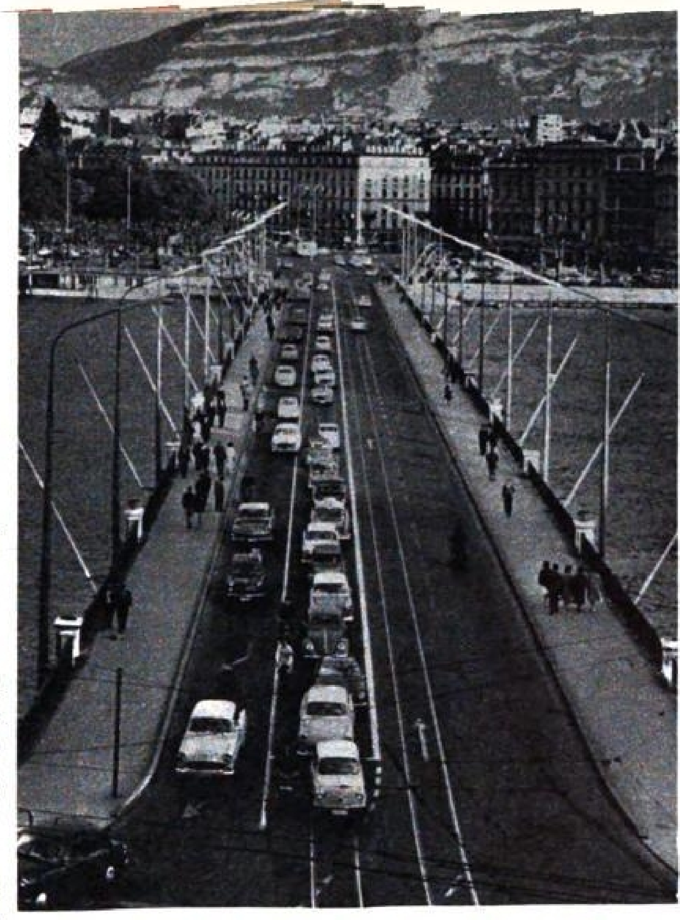
На будапештском заводе фарфора и фаянса в последнее время разработаны новые технологические процессы. Завод также выпускает предметы декоративного искусства.

Новый жилой квартал в Будапеште в районе моста Арпада.

Женева:

Найти путь к сотрудничеству

Мост Наций в Женеве — городе конференции.
Фото С. Голякова

Генеральный секретарь ООН У Тан ударом молотка возвестил об открытии в Женевском Дворце наций Всемирной конференции по торговле и развитию. В зале представители 122 стран, министры, их заместители, торговые эксперты, уполномоченные и наблюдатели ООН и других международных организаций.

Канун открытия в Женеве Всемирной конференции по торговле и развитию совпал с закрытием Международного автосалона 1964 года. И в последний день к выставочному залу устремились тысячи людей. Среди посетителей было много делегатов конференции и, конечно, журналистов (их здесь более четырехсот).

Женевский автосалон явился демонстрацией западных мод, с той лишь разницей, что в роли манекенщиц выступали машины, обутые в каучук и резину, одетые в сталь, украшенные хромированными, стеклянными и пластмассовыми выкрутасами. Но среди броских визитных карточек десятков крупнейших фирм напрасно было бы искать название автозавода какой-нибудь молодой африканской или азиатской страны. Таких предприятий еще нет.

Статистикой не подсчитано, сколько недель могло бы питаться население какого-нибудь африканского города на ту сумму денег, которая обозначена на ветровом стекле «ролл-ройса» или «бьюика». Но статистикой уже точно подсчитано, сколько миллиардов долларов потеряли развивающиеся страны в результате грабительской политики «ножниц», непрерывно обесценивающей сырьевой экспорт этих стран. Если в сфере мировой торговли все останется без изменений, то внешнеторговый дефицит развивающихся стран через 3 года составит свыше 20 миллиардов долларов!

Надо покончить с этим, надо разбить цепи, которыми монополии душат экономику развивающихся стран, рассечь путы, которыми монополии связывают международную торговлю.

Советский Союз и другие социалистические государства выступают за широкую взаимовыгодную международную торговлю, за экономическое сотрудничество, не знающее дискриминации и искусственных барьеров. Торговля должна служить миру и социальному прогрессу, разумному и справедливому международному разделению труда — эту позицию Советского Союза представляет наша делегация. Есть, конечно, на конференции деятели, имеющие иные цели, но большинство — за честное и плодотворное сотрудничество. Потому с таким горячим одобрением было встречено дружеское послание главы Советского правительства Н. С. Хрущева, пожелавшего доброго успеха участникам женевской встречи в их трудной и благородной работе.

Виталий МЕНЬШИКОВ,
Вера ШАГИНОВА

Женева,
по телефону.

НИЯ И ДРУЖБЫ

За 19 лет, прошедших после освобождения нашей страны от фашистских захватчиков, в Венгрии были созданы тысячи новых предприятий, школ, детских садов. На карте страны появились новые города — металлургов, химиков, шахтеров. Народ наш, в прошлом всегда недоедавший, теперь по потреблению продовольственных товаров на душу населения занимает одно из первых мест в мире. Развитию культуры новой Венгрии могут позавидовать передовые капиталистические государства. Число студентов на 10 тысяч человек населения у нас больше, чем в любой буржуазной стране Европы. В стране издается столько книг, что на каждого жителя приходится в год более четырех!

Экономическое сотрудничество с Советским Союзом дало нашему народу очень многое. Химическая промышленность и транспорт республики работают в значительной степени на нефти, поступающей по нефтепроводу «Дружба». В Венгрии недавно закончена электрификация всех городов и сел. По проводам линии высоковольтной электропередачи «Мир» бежит ток в районы, прежде отсталые. На новых гигантах отечественной индустрии — на Дунайском металлургическом комбинате, Секешфехерварском алюминиевом заводе, Печской ТЭЦ — работают машины с надписью: «Сделано в СССР». На полях сельскохозяйственных кооперативов и государственных хозяйств сеют советские сорта гибридной кукурузы и пшеницы, работают комбайны советских марок. В то же время ответные крупные заказы нашей индустрии, рассчитанные на много лет, способствуют быстрейшему развитию ряда отраслей венгерской промышленности.

Теперь можно сказать словами нашего поэта Шандора Петефи, мечтавшего о счастливом времени,

когда любой сумеет брать
от счастья полными горстями,
когда за стол закона все
придут почетными гостями.

Каждый раз 4 апреля, в годовщину нашего освобождения, мы оглядываем пройденный путь и радуемся тому, чего добились в упорном труде. А праздник сегодняшнего года для нас будет совершенно особенным, радостным вдвойне: к празднику освобождения и дружбы с народом СССР в нашу страну прибудет советская партийно-правительственная делегация во главе с Н. С. Хрущевым!

Будапешт, по телефону.

Иштван КУЛЬЧАР, корреспондент АПН

КОММУНИСТ

ТРИБУНА ПАРТИЙНОЙ МЫСЛИ

Сорок лет назад, в начале апреля 1924 года, в Москве вышел первый номер журнала «Коммунист», тогда он назывался «Большевик». Политико-экономический двухнедельник ЦК РКП был задуман еще при жизни Владимира Ильича Ленина; решение о создании журнала принято 19 ноября 1923 года. В конце 1952 года журнал переименован в «Коммунист», который стал выходить один раз в двадцать дней.

«Коммунист» — теоретический и политический журнал Центрального Комитета КПСС, боевой орган ленинской партии, последователь известных большевистских изданий «Вперед» и «Пролетарий». Он начал свой путь в тяжелые для советского народа дни, когда умер В. И. Ленин. Журнал призван был разрабатывать ленинское теоретическое наследство, творчески развивать марксизм-ленинизм, бороться за построение социалистического общества.

В первом номере журнала редакция «Большевика» писала: «Уже теперь производится покушение на самое ценное достояние мирового рабочего класса — на чистоту принципов ленинизма. Здесь мы будем вести самую беспощадную борьбу. Никому и никогда российские большевики не позволят «приспособить» ленинизм к оппортунизму, независимо от того, являются ли подобные попытки результатом злостных измышлений или добросовестных заблуждений...

Мы хотим быть органом всегда пытливой, критической большевистской партийной мысли».

Журнал остался верен этой позиции, занятой сорок лет назад; он много сделал для пропаганды ленинизма, для изучения и разъяснения теории и политики Коммунистической партии. На страницах журнала впервые увидели свет более 80 ленинских работ, в том числе такие, как «К вопросу о диалектике», «Очередные задачи Советской власти» (главы первоначального варианта статьи), «Письмо к съезду» и другие. Журнал опубликовал рефераты всех томов четвертого издания Сочинений В. И. Ленина.

«Коммунист» публикует важнейшие документы партии, ее Центрального Комитета. В журнале выступают руководители партии со статьями по актуальным проблемам теории и политики. За последние годы журнал опубликовал работы Н. С. Хрущева «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа», «К новым успехам литературы и искусства», статьи членов Президиума и секретарей ЦК КПСС, секретарей ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии. Журнал стал высокой трибуной международного коммунистического движения: он печатает статьи руководящих деятелей социалистических стран, братских марксистско-ленинских партий. Начал журнал с тиража в 15—30 тысяч экземпляров; сейчас у него более 630 тысяч подписчиков в Советской стране и за рубежом.

Важнейшие события за сорок лет получили в «Коммунисте» марксистско-ленинскую оценку. Особенно активизировалась партийная мысль в последнее десятилетие, когда развитие теории стало коллективным делом всей партии.

— Мы существенно перестроили нашу работу в последние годы,— сказали нам в редакции.— Мы стараемся идти в ногу с нашим замечательным временем, помогать партии по мере своих сил в ее величайшей работе. Редакция стремится представить коллективное мнение коммунистов по главным проблемам времени, по узловым вопросам строительства коммунизма. Журнал стремится освещать вопросы теории в тесной связи с жизнью, с практикой коммунистического строительства и мирового освободительного движения, он борется за широкое развертывание идеологической, научной работы, против всех и всяческих искажений марксизма-ленинизма. После XX съезда на страницах журнала была развернута борьба против культа личности и его последствий.

Мы хотим добиться,— отметили работники редакции,— чтобы каждая статья, публикуемая в журнале, была глубокой по содержанию, яркой по форме, написана в лучших традициях нашей партийной публицистики.

Свое сорокалетие коллектив журнала встречает в сосредоточенной работе — готовится очередной номер «Коммуниста». Здесь, в особняке на улице Маркса — Энгельса, где расположена редакция, идут напряженные творческие поиски. Этому способствует и обязывающее соседство: в том же доме находится Музей Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Из окон редакции видно, как люди идут в музей, чтобы приобщиться к жизни основателей научного коммунизма, чтобы лучше почувствовать биение их бессмертной мысли.

В. ВОРОНОВ

Мстислав Ростропович и Бенджамин Бриттен во время репетиции.

Фото А. Конькова (ТАСС)

«ГАГАРИН ВИОЛОНЧЕЛИ»

В начале нынешнего музыкального сезона даже видавшая виды музыкальная Москва была удивлена большой афишей с длинным списком имен известных композиторов и их произведений. Тридцать шесть симфоний, концертов, вариаций для виолончели с оркестром, созданные за последние 300 лет, составили целый фестиваль виолончельного искусства. Все это взялся сыграть Мстислав Ростропович один, правда, с тремя оркестрами и целым штатом дирижеров.

Пожалуй, со времен «Исторических концертов» Антона Рубинштейна музыкальный мир не знает подобных циклов, в котором одних премьер — шестнадцать!

Каждую программу Ростропович повторяет в Ленинграде. А между выступлениями в Москве он совершил большое турне по США, побывал на Горьковском фестивале, гастролировал в ГДР и играл в камерных концертах. И вся эта гигантская исполнительская работа прекрасно совмещалась с уроками студентам и аспирантам Московской и Ленинградской консерваторий.

Чтобы постигнуть естественную закономерность такого творческого взлета, обратимся к событиям почти 20-летней давности.

1945 год. На Всесоюзном конкурсе музыкантов-исполнителей высшую награду завоевал Слава Ростропович, которому едва исполнилось 18 лет. Но это пока первая ступень. Он еще три раза удостаивался первых премий на Международных конкурсах в Праге, Будапеште и снова в Праге.

В двадцать четыре года Ростропович сыграл шесть сюит Баха, что во все времена считалось артистическим подвигом, и исполнил вместе с Святославом Рихтером пять сонат Бетховена.

Позднее он повторил баховский цикл в Берлине, Дрездене, Праге, Копенгагене, Эдинбурге и других городах.

Казалось, на этом можно бы и остановиться. Есть же замечательные исполнители — «классики», которые, избегая рискованных экспериментов, играют с успехом произведения, проверенные на эстраде.

Но Мстислав Ростропович артист другого склада. Это музыкант-романтик, жаждущий открытий нового музыкального мира (не случайно его называют «Гагариным виолончели»), и советская музыка становится широчайшим полем его деятельности.

Сегодня десятки партитур и клавиров посвящены этому выдающемуся музыканту в благодарность за то, что он первый открыл их слушателям, оживил их своей интерпретацией, отдав частичку большой музыкантской души.

Концерты Прокофьева, Шостаковича, Вайнберга, Глиэра, Бабаджаняна, Голубева, Книппера, концерт-рапсодия Хачатуряна, сонаты Мясковского и Кабалевского — все это написано для М. Ростроповича.

Для него сочиняли видные зарубежные композиторы — Л. Пипков (Болгария), А. Сориано (Уругвай), А. Согэ (Франция).

Совсем недавно в Москве и Ленинграде прошла премьера Симфонии для виолончели с оркестром Бенджамина Бриттена. Влюбленный в талант советского виолончелиста, выдающийся английский музыкант приехал в нашу страну, как он сказал, «счастливый оттого, что его новорожденное дитя появится на свет в Москве. Я не могу подумать,— продолжал он,— ни об одном исполнителе, кроме Ростроповича; не могу представить себе, что к моему произведению первыми прикоснутся руки другого музыканта...»

Мстислав Ростропович готов играть везде, где есть слушатели. Он выступает при любых условиях: в сопровождении оркестра и под баян, в первоклассном концертном зале, на полевом стане и на площади. К рабочим Сормова он приезжал с сонатами Прокофьева и Шостаковича. А на Кубе, когда небольшой отряд бойцов, несший службу в горах, куда не мог пройти даже вездеход, захотел послушать М. Ростроповича, он пришел к ним пешком с инструментом в руках, и в солдатском окопе, на передовой, звучала бессмертная музыка Баха и Генделя.

Как-то Ростропович сказал, что современный исполнитель — это добытчик, работающий в содружестве с композиторами, подталкивающий их творческую мысль. Таким и представляется нам Ростропович — вечный искатель и искусный гранильщик музыкальных алмазов.

М. КАПУСТИН

ПРАВДИВЫЙ СПЕКТАКЛЬ

В год своего сорокалетия Театр имени Моссовета поставил спектакль «Совесть» (по одноименному роману Д. Павловой, инсценировка В. Токарева). Постановщики Юрий Александрович Завадский и Александр Леонтьевич Шапс создали произведение искусства, в котором характеры героев настолько рельефны и многоплановы, а конфликт так заострен, что зритель невольно становится участником спектакля.

Удача спектакля предопределяется тем, что его главные герои Мартьянов, Зеленкевич, Валя (в прекрасном исполнении Г. Некрасова, М. Погоржельского, И. Саввиной) просто, последовательно и принципиально, без назиданий и декламаций, всем своим поведением утверждают коммунистическую мораль — «самую справедливую и благородную мораль, выражающую интересы и идеалы всего трудящегося человечества» (Программа КПСС). Они — носители новых качеств человека и прежде всего коммунистической совести. Творческий коллектив артистов настолько проникся этой идеей, что доносит ее до зрителя животрепещущей, страстной, волнующей.

Контакт между актерами и зрительным залом на протяжении всех трех действий не ослабевает ни на минуту потому, что творческому ансамблю удалось теснейшим образом объединить личный и общественный планы пьесы. Разыгрывается ли на сцене семейная драма Мартьянова и его жены Наташи (арт. Т. В. Бестаева), происходит ли заседание парткома института или райкома, зритель реагирует чутко и заинтересованно. Он видит свою повседневную жизнь, со всеми ее делами, заботами, противоречиями, трудностями и радостями.

Спектакль рассказывает о событиях 1954 года, когда последствия культа личности еще были весьма ощутимы в сознании некоторых руководящих работников. В пьесе со всей беспощадностью развенчиваются и демагоги, прикрывающиеся модными фразами, и подхалимы, бесхребетно лавирующие в ответственные моменты, и бездушные догматики, не понимающие духа марксизма. Эти «герои» — не схемы и не одноплановые куклы, которых, к сожалению, часто показывают в современных пьесах, а живые люди, убежденные, что именно они стоят на высокоидейных позициях и ведут правильную партийную линию.

«Совесть» — это по-настоящему партийное произведение, или, как выразилась работница электролампового завода В. Коринская, «самый современный из всех современных спектаклей».

Полностью разделяя мнение многочисленных зрителей, мы считаем спектакль «Совесть», выдвинутый на соискание Ленинской премии, достойным этой высокой награды.

Доктор филологических наук, академик
Н. ГУДЗИЙ,
Кандидат филологических наук,
П. ПУСТОВОЙТ

Мартьянов — Г. Некрасов, Прошин — С. Годзи.

Фото В. Петрусовой.

ГЕРОИ ВЕЛИКОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Побывав на спектакле «Совесть» в Театре имени Моссовета в постановке режиссера Ю. А. Завадского и А. Л. Шапса, не могу не выразить своего глубокого и искреннего восхищения творческой удачей театрального коллектива и его замечательных режиссеров.

...Спектакль утверждает ленинскую правду, учит с яростью бороться против фальши, ложной показухи.

«Совесть» долгие годы останется на сцене как действенное средство воспитания советского народа и особенно молодежи.

Присуждение Ленинской премии Ю. А. Завадскому и А. Л. Шапсу, создавших новый спектакль и открывших новых героев великого десятилетия, было бы достойной оценкой творческих заслуг театра и его режиссуры.

Маршал авиации Г. ВОРОЖЕЙКИН

На лыжах через

Клубится в бешеном беге снег; среди ропаков он стихает, потом, вырвавшись на простор, сбивает с ног людей и собак. Видимость слабая, ориентироваться трудно, впереди — 413 морских миль полярных льдов. А потом, может быть, самое трудное — открытая вода.

Мы уже писали о норвежце Бьёрне Стайбе и его экспедиции (см. «Огонек» № 12). Она не смогла выйти в намеченный срок к Северному географическому полюсу.

В последние две недели перед отправкой неприятности одна за другой грозили сорвать путешествие. В заполярном гренландском городе Туле, где высадились норвежцы, ударили 57-гра-

Испытание саней, сконстру

дусные морозы и разыгрались штормовые ветры. А тут еще поломка одного из самолетов, на котором экспедиция должна была перебазироваться на северную оконечность острова Элсмира, задержала норвежцев на несколько дней. На острове Элсмира возник конфликт с канадскими властями, потребовавшими, чтобы экспедиция покинула этот район, где расположены военные объекты НАТО.

Пришлось отказаться от создания базового лагеря на севере острова Элсмира.

Планировалось перебросить на самолете двух радистов на ледовый остров в Арктике. Но один из них — спутник Тура Хейердала по плоту Кон-Тики, Торстейн

Бьёрн Стайб.

ПОЛЮС

Робю, умер от разрыва сердца.

Обнаружилось, что упряжные сани конструкции Стайба, над усовершенствованием которых так много работал норвежец, оказались недостаточно прочными. При большой скорости сани стали расшатываться.

Позволят ли они путешественникам пройти по льду большую часть из 2 200—2 500 километров и достичь широких полос открытой воды? Тогда, избавившись от всего лишнего, Стайб и его спутники будут пробиваться на юг на каяках, питаясь мясом белых медведей, моржей и тюленей...

Генрих АНОХИН

ированных Б. Стайбом.

Главный маршал артиллерии Николай Николаевич Воронов открывает школьный музей.

Фекла Терентьевна, мать дважды Героя Советского Союза Бориса Сафонова, рассказывает ребятам о сыне. Рядом с ней — Герой Советского Союза Захар Сорокин.

Фото Л. Бородулина.

ВСЕГДА С НАМИ

— Ребята, я отдаю вам очень дорогие для меня вещи: последнее, что подарил мне сын,— говорит Фекла Терентьевна, мать дважды Героя Советского Союза летчика Бориса Сафонова.

В 199-й школе Октябрьского района Москвы идет собрание — открывается музей героев Великой Отечественной войны.

В президиуме этого необычного собрания почетные гости — Главный маршал артиллерии Николай Николаевич Воронов, Герой Советского Союза Захар Сорокин, мать и сестры героя-разведчика Ивана Маркеева, мать Сафонова, жена капитана Андрея Флерова и жена профессора консерватории Абрама Дьякова... Гости рассказывают детям о себе, о сыновьях и дочерях, о мужьях и однополчанах.

Устроили музей ученики 6-го класса «А» пионерского отряда имени Ивана Маркеева. Здесь хранятся фотографии, письма, личные вещи славных защитников Родины. Все стенды ребята делали сами на уроках труда.

...5 сентября 1963 года «Комсомольская правда» напечатала очерк о разведчике майоре Иване Маркееве, который незадолго до окончания войны ценою своей жизни выиграл неравный бой с противником.

Елена Петровна Муратова, классный руководитель, прочитала очерк своим ученикам. Ребятам захотелось побольше узнать об этом отважном человеке. Разыскали его мать, сестер, одноклассников. Завязалась переписка. А на зимние каникулы всем классом поехали на родину Ивана Маркеева, в село Красное, Горьковской области.

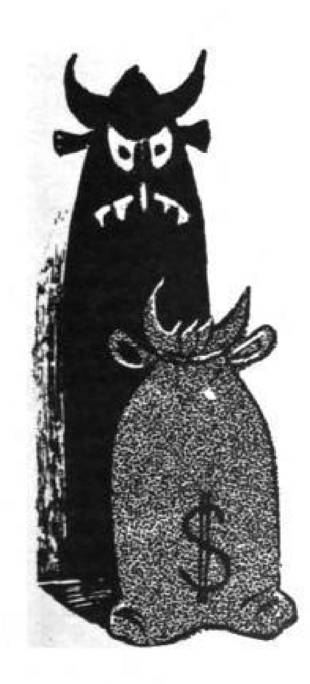
Радостно встретили ребят родные героя, особенно мать Мария Ивановна. Для нее их приезд был настоящим счастьем.

О пятидесяти двух героях войны, прославленных и безвестных, сложивших свою голову за родину, собраны материалы в этом музее.

...Когда открылась торжественная линейка пионерского отряда имени Ивана Маркеева, председатель отряда отдал рапорт Главному маршалу артиллерии Н. Н. Воронову. И маршал принял рапорт пионеров.

Т. ТРОИЦКАЯ

САТАНА ТАМ ПРАВИТ БАЛ...

Международный фельетон

В. НИКОЛАЕВ

В Соединенных Штатах оперное искусство, как известно, особым почетом не пользуется. Оперных подмостков там мало. Вероятно, поэтому американский конгрессмен Райт Патмен использовал недавно в качестве таковых трибуну конгресса. Перед своей привычной аудиторией он исполнил весьма своеобразные вариации на тему одной известной арии.

Сам по себе этот экстравагантный поступок не очень удивил бы конгрессменов, повидавших на своем веку много всякой всячины. Поразило их другое — репертуар Патмена. Он поведал своим коллегам о том, что люди гибнут за металл. Патмен особенно напрягал голосовые связки, когда доходил до слов «сатана там правит бал».

Но даже и это могло бы сойти в конгрессе за обыкновенное фиглярство, если бы Патмен не уточнил, где же все-таки сатана правит бал. Оказалось, что по адресу: Соединенные Штаты, Нью-Йорк, Уолл-стрит.

Истина, разумеется, старая. Открыл Патмен Америку! Но тем не менее подобное откровение конгрессмена не может не привлечь нашего внимания.

Итак, обратимся к первоисточнику — стенограмме заседаний конгресса. Патмен, в частности, говорил:

«Вы можете наложить вето абсолютно на все предложения самого американского президента. Вы можете наложить вето на все, что предлагает конгресс, и вы действительно делаете это. Вы заходите слишком далеко».

Эти обличительные слова он обрушил на Альфреда Хейса, президента Федерального резервного банка в Нью-Йорке. Досталось от Патмена и другому банкиру, председателю правления Федерального резерва Уильяму Мартину, который, по словам Патмена, обладает «наибольшим могуществом в цивилизованном мире».

Правда, американская пресса, комментируя это определение Патмена, не соглашается с такой персонификацией образа сатаны. Многие склонны считать, что в условиях современной Америки образ этот является собирательным.

Патмен потребовал, чтобы конгресс установил контроль за деятельностью банковских воротил. Он вполне обоснованно говорил о том, что вся их деятельность покрыта мраком неизвестности. Ясно лишь одно, сетовал Патмен: ключи от всех финансовых тайн хранятся в сейфах банкиров Уолл-стрита, а сам Федеральный резерв — один из рычагов Уолл-стрита.

Вот тут бы и раздаться аплодисментам, завершающим достойную арию Патмена. Но оваций не последовало. Запланированный триумф сорвал банкир Уильям Мартин. Недаром Патмен назвал его могущественнейшим из смертных! Что стоит такому омрачить заслуженное торжество рядового конгрессмена!

Мартин не стал полемизировать с Патменом по существу дела, не стал опровергать его обвинений. С проницательностью финансиста он легко разгадал истинный смысл высказываний Патмена и с прямолинейной грубостью власть имущего заявил, что банкиры всегда сами делали деньги, без посторонней помощи, то есть без политиков. А Патмену и его коллегам так хотелось бы самим делать деньги, но этой привилегии им не видать как своих ушей! «Единственная в своем роде сила банкиров,— резюмировал Мартин,— всегда заключалась в том, что они не позволяли политикам контролировать денежную машину».

Одним словом, ходить конгрессмену Патмену и дальше на золотой цепочке банкира Мартина. Если, конечно, последний простит ему эту недостойную выходку в конгрессе.

Генеральный конструктор Сергей Владимирович Ильюшин.

Штурмующий небо

Г. ГОФМАН,
Герой Советского Союза

Будущий создатель «ИЛов» Сергей Владимирович Ильюшин был одиннадцатым ребенком в семье бедного крестьянина деревни Дилялево, что лежит неподалеку от Вологды. Сереже исполнилось всего десять лет, когда старшие братья ушли в город на заработки. Отцу за шестьдесят, и мальчику приходилось работать по хозяйству, как взрослому мужчине. Но каждую свободную минуту Сережа проводил у сельского учителя, с которым успел подружиться в начальной земской школе. До сих пор с благодарностью вспоминает Сергей Владимирович этого душевного человека, который бескорыстно в течение пяти лет опекал шустрого паренька.

А когда Сергею исполнилось пятнадцать, он распрощался с родной деревней и по примеру братьев отправился на заработки в окрестности Иваново-Вознесенска. Сначала работал землекопом. Но и эта работа скоро кончилась. Пришлось наняться поденщиком. Гнул спину на заводах Яковлева, Берта, Семенникова. Только разве этим прокормишься? День в работе—неделя в ожидании. И тут кто-то надоумил в Санкт-Петербург податься. Сборы были недолги. Котомку за плечи — и в путь.

Так на комендантском аэродроме неподалеку от Питера появился новый землекоп Сергей Ильюшин. И хотя в руках по-прежнему лопата, жизнь наполнилась чем-то новым. Рядом стрекотали чудо-птицы. Неуклюже отрывались они от земли и, пролетев немного, плюхались на зеленое поле аэродрома. Такого Сергей еще никогда не видел. Словно завороженный, смотрел он на Уточкина, Лебедева, на их собратьев-летчиков... В ту пору на комендантском аэродроме проходила первая в России авиационная неделя.

«Почему самолет летит?», «Почему не может подняться выше?» Много таких «почему» задавал он себе в ту пору. А дома вечерами читал и читал, учился, не оставляя надежды поступить в высшее учебное заведение. И все чаще и чаще мысли его возвращаются к авиации. Воображение рисовало необычные конструкции летательных аппаратов...

Когда разразилась империалистическая война, двадцатилетнего Сергея Ильюшина призвали в армию. После обычной начальной муштры его, как грамотного солдата, назначают писарем. А вскоре — о радость! — солдата Ильюшина переводят в Петербург на комендантский аэродром. Теперь его зачислили в аэродромную команду.

Ильюшин убирает ангары, моет самолеты. Мысленно он пытается проникнуть внутрь фюзеляжа, крыльев. Надоедает техникам вопросами.

Любознательность солдата приметили. Не прошло и трех месяцев, как его назначили мотористом. Вскоре он до мельчайших деталей знал машину, на которой работал. Тут-то и произошло знакомство с капитаном Григоровичем.

Летчику Григоровичу понравился сообразительный, быстро освоившийся моторист. Вскоре он начал брать его с собой в полет в качестве механика. Уходящая вниз земля, необъятный воздушный простор, острые ощущения полета захватили Ильюшина. И однажды он попросил Григоровича передать ему управление. Ощутив в руках ручку управления, почувствовав, как самолет повинуется его воле, Ильюшин понял, что отныне не сможет уже жить без авиации.

С тех пор летчик Григорович довольно часто передавал управление самолетом своему механику.

Прошло еще немного времени, и Сергей Ильюшин окончил школу летчиков Всероссийского императорского клуба.

Свершилась Великая Октябрьская революция, и в начале 1918 года Сергей Ильюшин приехал в родные края. Стал работать в Вологодском совете народного хозяйства, вступил в ряды Коммунистической партии. В мае 1919 года С. В. Ильюшин идет в Красную Армию. Как механика его направляют на 6-й авиационный поезд, который находился в районе Архангельска.

Механик Ильюшин ремонтирует самолеты для красных авиационных частей, а затем его выдвигают на должность комиссара 2-го авиапарка. В феврале 1921 года он начальник Кавказского авиапоезда, который обеспечивает авиацию 9-й Кубанской армии.

Лишь после революции сбылась давнишняя мечта землекопа — учиться в высшем учебном заведении. Это право он завоевал на фронтах гражданской войны. И когда отгремели бои, Ильюшин поступает в Институт красного воздушного флота, а потом переходит во вновь организованную военно-воздушную академию. Здесь он сделал первые свои шаги на конструкторском поприще. Организовав кружки по проектированию и постройке планеров, во время учебы в академии Сергей Владимирович создал пять учебных планеров и два парителя. Его планеры «Мастяжарт», «Рабфаковец», «Москва» показали хорошие летные качества и были по достоинству оценены планеристами.

«Первые планеры и их успешные полеты дали мне для будущей моей деятельности очень много,— рассказывает Сергей Владимирович.— Правда, окончив академию, я не сразу приступил к конструкторской работе. В двадцать шестом году меня назначили начальником одной из трех секций Научно-технического Комитета ВВС. В мои обязанности входило рассмотрение эскизных и технических проектов, составление планов, изучение иностранной авиационной техники. Все это многому научило меня... В тридцать первом году я стал начальником авиационного Центрального Конструкторского Бюро, в котором было несколько бригад, руководимых известными конструкторами — Поликарповым, Григоровичем, Чижевским, Кочеригиным. Не ограничиваясь общим руководством бюро, я создал свою конструкторскую бригаду и приступил к проектированию самолета». Это было в 1933 году.

«ИЛ-2» отправился в боевой вылет...

→ ...и вот штурмовик обрушился на вражескую колонну.

С тех пор, вот уже тридцать лет, Сергей Владимирович Ильюшин возглавляет организованный им конструкторский коллектив. За это время он создал множество самолетов — от первого «ЦКБ-26» до межконтинентального воздушного лайнера «ИЛ-62». А между ними огромное семейство «ИЛов».

На самолете «Москва» конструкции С. В. Ильюшина летчик Владимир Коккинаки совершил беспосадочный перелет из Москвы в Америку. На самолете Ильюшина «ДБ-3» советские летчики громили тылы фашистской армии в годы Великой Отечественной войны.

В канун тяжкого сорок первого года начался серийный выпуск знаменитых штурмовиков «ИЛ-2». Этот уникальный бронированный самолет Сергей Владимирович Ильюшин создал незадолго до начала войны. Штурмовик «ИЛ-2» оказался грозой для немецких танков. «Черная смерть» — так прозвали его фашисты. С высоты бреющего полета обрушивались штурмовики на танковые и моторизованные колонны врагов.

В годы войны я совершил на штурмовике более ста пятидесяти

боевых вылетов. Около шестисот пробоин получил в общей сложности мой самолет за время боев. Среди них были и серьезные. Помню, под Севастополем зенитный снаряд угодил в бензобак, но конструктор предусмотрел заполнение пустеющих баков нейтральным газом, и пожара не произошло. Однажды снарядом отшибло половину киля и начисто сорвало руль поворота, но самолет не свалился, дотянул до аэродрома.

Над Керчью «мессершмитт» угодил снарядом в фонарь кабины. В трех сантиметрах над головой я услышал глухой удар. Бронированная плитка, предусмотренная конструктором для защиты летчика, спасла мне жизнь.

В разгар войны Сергей Владимирович Ильюшин начал создавать новый пассажирский самолет, «ИЛ-12», предназначенный для народного хозяйства. Характеристики этого самолета были значительно лучше, чем у аналогичной американской машины «ДС-3». «ИЛ-12» имел большую рейсовую скорость и брал на борт больше пассажиров.

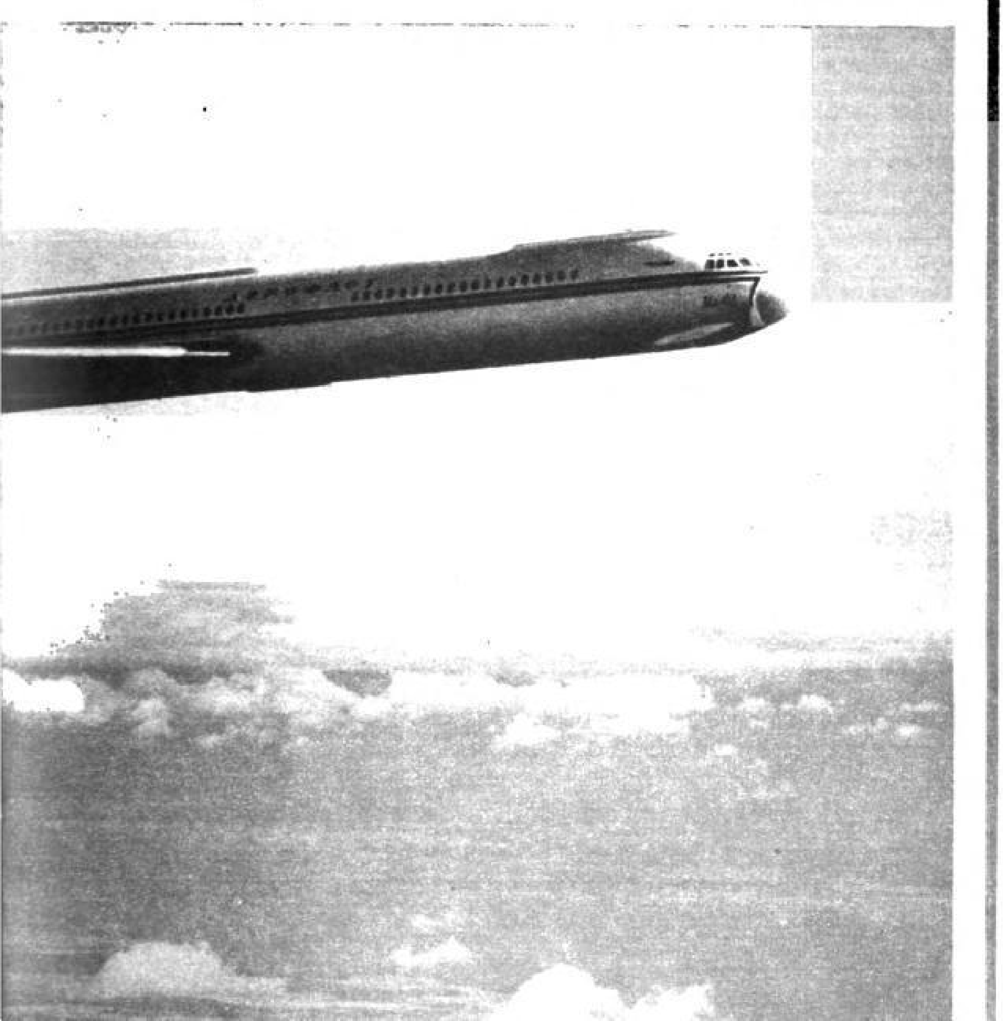
ВВС приняли на вооружение первый советский реактивный бомбардировщик «ИЛ-28», конструкции Ильюшина. Эта машина оказалась очень удачной. Летчики бомбардировочной авиации быстро освоили новую технику и дали самолету высокую оценку.

Сергей Владимирович приступил к созданию реактивного пассажирского самолета. И вот страна получает четырехмоторный воздушный лайнер «ИЛ-18», известный теперь всему миру. За создание этой машины С. В. Ильюшин удостоен Ленинской премии.

Прошло немного времени, и мир узнает о новой победе конструктора — межконтинентальном воздушном гиганте «ИЛ-62». Число пассажиров этого воздушного лайнера составляет 186 человек. Со скоростью, близкой к 1 000 километров в час, эта машина всего за несколько часов будет пересекать океаны, переносить людей с одного континента на другой.

31 марта 1964 года дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии Сергей Владимирович Ильюшин отмечает свое семидесятилетие. В этот день хочется пожелать ему больших скоростей, больших высот и множества новых самолетов.

Межконтинентальный воздушный лайнер «ИЛ-62».
Фото Н. Нилова.

Воспитание душ и сердец

Ник. КРУЖКОВ

Прошел год после исторической встречи деятелей литературы и искусства с руководителями партии и правительства.

Свежий, бодрящий ветер надувает паруса нашего литературного корабля. Горизонт чист, барометр показывает «ясно», компас выверен.

Тогда же, год назад, на Западе буржуазные писаки утверждали, что вот, мол, кончилась «оттепель», начались «заморозки» в советской литературе.

Никаких «заморозков», естественно, не наступало, да и само туманное понятие «оттепель», в которое можно вложить какой угодно смысл, отошло в прошлое. Над нашей землей чистое небо, и яркое солнце бьет в окна нашего дома!

Решения XX и XXII съездов возвестили всему миру торжество ленинской правды, воодушевили весь советский народ светом ленинских идеалов, дали ясные, точные ориентиры в великом деле коммунистического созидания. Все забурлило в нашей стране! И если мысленно окинуть ее взором из края в край, то дух захватит оттого, что увидишь раскованные силы огромных рек, могучие заводы, широкие просторы полей, кипение новых городов, огни электростанций. И всюду советский человек — творец, труженик, работник. Он созидатель: все в его руках!

Молодой поэт В. Белкин, строитель города Дивногорска, каменщик, написал о себе:

Кем я был?
Свинопасом.
Ел картошку в мундире.
Я к созвездиям рвался,
А пьянел от Шекспира.
Я в рабочей рубахе
Выходил на перрон.
Я в эпоху врубался
Топором и пером.

Вот такова наша молодежь, познавшая вкус соленого пота, силу и сладость труда, смело превозмогающая трудности, рвущаяся к знаниям, для которой дороги и близки завоевания культуры и науки. Она врубается в эпоху со всей страстью молодости, и у нее нет, конечно, никаких споров с поколениями Павла Корчагина и Александра Матросова.

На встрече с творческой интеллигенцией Никита Сергеевич Хрущев говорил: «Нашему народу нужно боевое революционное искусство. Советская литература и искусство призваны воссоздать в ярких художественных образах великое и героическое время строительства коммунизма, правдиво отобразить утверждение и победу новых, коммунистических отношений в нашей жизни. Художник должен уметь увидеть положительное, радоваться этому положительному, составляющему существо нашей действительности, поддержать его и в то же время, разумеется, не проходить мимо отрицательных явлений, мимо всего того, что мешает рождению нового в жизни».

Эта двуединая, нераздельная формула партийного отношения к задачам литературы и искусства и является боевым девизом советских писателей.

Да это и понятно. В мире идет колоссальная борьба за умы и души людей. Партия призвала творческую интеллигенцию создать непроницаемую броню для враждебной буржуазной идеологии. Коммунистами не рождаются, коммунистами становятся в борьбе и в труде, в процессе упорной и углубленной воспитательной работы. Кто же, как не писатель, не художник, должен быть на переднем крае идеологической борьбы за души людей, за их сердца?

На встрече с творческой интеллигенцией подверглись серьезной критике некоторые молодые и немолодые прозаики и поэты, которые заблудились в трех соснах, попались на крючок зарубежным ловцам душ. Разговор был серьезный, без скидок, без либеральной снисходительности, но это был отцовский разговор. Целью его было не отсечение, а воспитание, не кара, а возвращение в строй.

Это и было названо буржуазной критикой «заморозками». «Заморозки» эти повредили кое-где распускавшимся росткам враждебной нам идеологии, и отсюда понятно раздражение, вызванное ими на Западе. Советская творческая интеллигенция, выросшая из народа, связанная с ним всеми своими корнями, приняла разговор руководителей партии и правительства с искренним воодушевлением.

Вопрос о долге писателей перед своим народом, ради блага которого они трудятся, был ясен для лучших, передовых представителей общественной мысли еще и в до-

революционное время. Александр Блок еще в 1908 году в статье «Три вопроса», писал: «К вечной заботе художника о форме и содержании присоединяется новая забота о долге, о должном и недолжном в искусстве. Вопрос этот — пробный камень для художника современности; может быть, он одичал и стал отвлеченен до такой степени, что разобьется об этот камень. Этим он докажет только собственную случайность и слабость. Если же он действительно «призванный», а не самозванец, он твердо пойдет по этому пути к той вершине, на которой сами собой отпадают те проклятые вопросы, из-за которых идет борьба не на жизнь, а на смерть в наших долинах; там чудесным образом подают друг другу руки заклятые враги: красота и польза». Художник, думавший так в 1908 году, через десять лет, поняв и приняв великие перемены, происшедшие на его родине, дал народу «Двенадцать».

Если вдуматься, что является наиболее характерным для литературы наших дней, то это будет сближение с подлинной жизнью, творческая смелость. Наши зарубежные злопыхатели, утверждающие, что советская литература вращается в узком кругу «разрешенных» тем, беззастенчиво лгут. Нет тем запрещенных и разрешенных, есть гигантская река жизни, и ее воды питают творчество советских писателей. Всех их объединяет стремление показать в своих произведениях современника, человека 50—60-х годов, со всеми присущими ему чертами, в движении, в развитии, в процессе труда, созидания и нравственного самоусовершенствования.

В произведениях самых, казалось бы, несхожих между собой, таких, как «Тронка» О. Гончара и «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына, «Иду на грозу» Д. Гранина и «Свет далекой звезды» А. Чаковского, «День летящий» В. Кожевникова и «Теркин на том свете» А. Твардовского, «На диком бреге» Б. Полевого и «Люди — не ангелы» И. Стадннюка, при всей многообразности подхода к взятой теме, к жизни, при всем различии в творческой манере и в творческих возможностях каждого из авторов мы наблюдаем вторжение в сложные жизненные проблемы, волнующие миллионы людей. Любая из этих книг может вызывать разное к себе отношение, может нравиться или не нравиться, но никто не сможет отрицать, что само их появление в литературе является знаменательным для нашего времени, озаренного светом XX и XXII съездов партии.

Когда у нас говорят о современной литературе, то нередко сводят вопрос о современности к темам сегодняшнего дня. Это в применении к литературному процессу узко и, следовательно, неправильно. В последнее время вышло несколько примечательных книг, посвященных Отечественной войне: «Живые и мертвые», «Солдатами не рождаются» К. Симонова, «Третья ракета» В. Быкова, «Дикий мед» Л. Первомайского, «Эхо войны» А. Калинина, «Танки идут ромбом» А. Ананьева. В них, опять-таки каждым автором по-своему, рассказывается правда о войне, та правда, которая не могла быть рассказана десять — пятнадцать лет назад. В этих книгах война встает перед нами во всей своей суровости, со всеми своими трудностями, неудачами, невзгодами, со всей пролитой кровью, но тем величественней вырисовывается в них образ советского человека на этой войне, который, несмотря ни на что, выстоял и победил. Если книги, обращенные в прошлое, давнее или недавнее, служат формированию нового в сознании человека, учат его на примере отцов и старших братьев героизму, стойкости, мужеству, если они формируют его характер и укрепляют идейность, столь нужные для больших свершений, они современны в самом прямом смысле этого слова.

В одном из своих стихотворений Гейне говорил, что мир представляется молодой красавицей или брокенской ведьмой, смотря по тому, через какие очки на него взглянуть — через выпуклые или через вогнутые. Одно время в нашей литературе появились молодые люди, вооруженные вогнутыми очками. Скептическим оком они озирали мир, в котором родились и возросли. Они осуждали отцов и старших братьев, которые не в полной мере обеспечили им райское житье. На страницах некоторых прозаических и главным образом поэтических произведений развязные молодчики бродили с пренебрежительно выпяченной губой, хуля и осуждая окружавшую их жизнь, что было сущей клеветой на нашу молодежь.

Партия, естественно, не могла пройти мимо этого явления. Она указала молодым сочинителям с отеческой строгостью на их ошибки. Этим была снята повязка с их глаз. Партия направила молодых литераторов на верный путь и избавила от будущих ошибок, еще более опасных и, может быть, непоправимых.

Буржуазные филистеры немедленно завопили о «конфликте поколений», с вожделением рыскали по страницам советских журналов и газет и вопияли: «Где же они? Где такие-то и такие-то, почему молчат?» Нет, они не молчат. Они заняты новыми работами.

Здоровое дерево всегда дает новые, свежие побеги. Опубликован суровый и мужественный роман Юрия Пиляра «Люди остаются людьми», посвященный советским людям, которые и в фашистском плену не согнули свою спину, продолжали борьбу за свою Родину и честь, смертью побеждая смерть. Появилась первая повесть В. Орлова, «Соленый арбуз», рассказывающая о современных молодых людях, строящих и созидающих с тем же энтузиазмом, с каким их отцы строили Комсомольск в Приамурской тайге.

Раздался сильный голос С. Викулова в поэме «Окнами на зарю», исполненный любви к деревне, к крестьянину-труженику, создающему новый уклад, новую жизнь.

Любовь к Родине и народу должна, по выражению Белинского, быть «не мертвым довольством тем, что есть, но живым желанием усовершенствования». К этому и призвана наша литература.

Г. Марков в своем новом романе «Отец и сын» передал горячее дыхание первых лет революции, рассказав о периоде становления Советской власти, о борьбе крестьян за Советскую власть, «за коммунию». Роман написан как бы о прошлом, но всем своим пафосом он обращен к душам нынешнего поколения советских людей, которые в подвигах отцов находят силы для своих подвигов. Леонид Леонов в повести «Evgenia Ivanovna» дал яркую картину обретения родины человеком, потерявшим ее. Несмотря на сорокалетнюю отдаленность событий, происходящих в повести, переживания ее героев близки всем нам, ибо именно животворное чувство любви к Родине является источником наших творческих свершений во всех областях жизни.

Наша литература, призванная служить народу, строящему коммунизм, живет и здравствует, растет и крепнет. Тому живое свидетельство — прожитый нами литературный год.

Созрело и вступило в жизнь новое поколение советских людей. Им сейчас 18—25 лет. Отечественная война для них — история, ее события известны им по учебникам и литературным произведениям. Они получили готовым то, за что их деды, отцы и старшие братья отдавали свою кровь и жизнь. Но коммунизм строить им! И жить при коммунизме тоже им!

Эту молодежь мы видим и на целинных землях и на наших новостройках. Они действительно «топором врубаются в эпоху». Именно они, а отнюдь не жалкие, развинченные «мальчики» определяют лицо нашей молодежи.

Новому поколению нужен свой герой, подлинный Герой Нашего Времени. Создать этого Героя и должна наша литература, «делать жизнь с кого!». Нужны нынешние Чапаевы, Корчагины, Давыдовы, молодогвардейцы! И не требуется для этого выискивать исключительные ситуации; в простом, всегда зримом, как бы в будничном и обыкновенном, а на самом деле значительном и величественном найдет литература образцы и примеры, способные увлечь за собой души и сердца.

В нашей стране издается много книг, так много, как ни в одной другой стране мира. Иностранцы всегда поражаются неистребимой любви советских людей к книге, проявляемой и наблюдаемой всюду. Но то время, когда писатель пописывал, а читатель почитывал, давно окончилось. Читатель стал активным участником творческого процесса. Он требует хороших книг, нужных ему для жизни. Он остро реагирует на всякую ложь, фальшь, серость, безмыслие. Он не прощает писателю ни идеологической ущербности, ни художественной беспомощности. Как модернистские арабески и выверты, так и примитивное, упрощенческое толкование «нужной темы» в равной степени отвергается читателем.

Необходимо повысить критерий оценки идейно-художественного уровня литературных произведений. Обобщенный опыт социалистического реализма настолько велик, что из него можно бесконечно черпать животворные силы для создания литературы, равной по своей масштабности великой эпохе коммунистического созидания. Литература должна идти не только в ногу с жизнью, но и впереди нее, озаряя прожектором высокой идейности открывающиеся коммунистические дали.

Воспитание душ и сердец, формирование сознания человека сегодняшнего и завтрашнего дня — нет более высокой и благородной цели для советских писателей всех возрастов — и тех, кто поседел в трудах, и тех, кто только что вышел на литературный путь.

Небо не желает позировать: не останавливаются облака перед восхищенным взором художника. Но за эту постоянную неповторимость и любит небо Алексей Алексеевич Шовкуненко. В его пейзажах серебристая голубизна радостно сияет над просторами украинских полей. Косматые шапки туч заботливо одевают черные вершины Кавказа...

Творец великого множества превосходных лирических пейзажей, Шовкуненко вошел в историю украинского советского изобразительного искусства и как основоположник индустриального пейзажа. Может быть, еще детские впечатления научили будущего мастера ощущать добрую красоту жизни.

Художник вспоминает, как он — меньшой сынишка кровельщика — часами простаивал на набережной в родном Херсоне.

— Смотрю, как по реке снуют дубки, груженные доверху овощами. На Карантинном острове за Кошевой дымит завод и сходят на воду яркие, новые, только что выкрашенные суриком баржи...

Сюда, к судостроителям мастерских имени Коминтерна, в 1922 году и пришел А. А. Шовкуненко писать акварели. Молодой живописец из Академии художеств с увлечением посвящает свои картины землякам-рабочим.

И со строителями гиганта тех лет — Днепростроя — опять-таки был Шовкуненко. Его акварели, пленявшие легкостью и прозрачностью, зазвучали по-новому. Серия «Днепрострой», состоявшая из семидесяти работ, по праву заняла почетное место на всесоюзной художественной выставке «Индустрия социализма». Ею восхищались посетители выставок в Венеции, Филадельфии, Лондоне, Шанхае, Париже...

Ученик Кириака Константиновича Костанди и Геннадия Александровича Ладыженского, он впервые успешно выступил на отчетной выставке Одесского художественного училища в 1907 году.

Наш современник — герой картин Шовкуненко. Это прославленный партизанский вожак, дважды Герой Советского Союза Сидор Артемьевич Ковпак. Это партизанка Майя Вовчик-Блакитная...

Целая галерея образов. И все энергичные, волевые, прозорливые люди. Такими сильна наша страна.

Шовкуненко не раз устанавливал свой мольберт в огромных цехах завода, на стапелях судоверфей, возле домен и мартенов Приднепровья, Донбасса, Приазовья, на предприятиях Башкирии... Рабочие останавливались возле мольберта, и их оценка всегда была для автора решающей.

Когда сейчас профессор Киевского художественного института А. А. Шовкуненко наблюдает за работой своих учеников, он тоже неизменно требует правды.

— Пусть будет у вас семь пядей во лбу и дар живописца, — повторяет он, — но если не научитесь рисовать, если хоть один день проведете без кисти, — художник из вас не получится!

И сам Шовкуненко, восьмидесятилетний мастер, действительный член Академии художеств СССР, народный художник СССР, не изменяет этому правилу никогда. Ни дня без кисти в руках!

Инна АНДРИЯЧЕНКО

Киев.

А. Шовкуненко. ДНЕПРОСТРОЙ. СООРУЖЕНИЕ ГИДРОЭЛЕКТРОСТАНЦИИ. 1931 год.

ПОРТРЕТ ДВАЖДЫ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА С. А. КОВПАКА.

А. Шовкуненко.

ДУБЫ.

РАЗЛИВ.

Из новых стихов

Иван РЯДЧЕНКО

МОРСКИЕ МОТИВЫ

Просьба

В порывах шквала вздрагивают мачты,
нос корабля взлетает к облакам.
Вы, женщины, пожалуйста, не плачьте —
воды и так хватает морякам.

Не вглядывайтесь в ветреные ночи,
не пополняйте горечью моря,
тогда пути к вам станут покороче
и вас разбудят наши якоря...

Железный матрос

Уже за полночь.
В рубке ходовой
лишь капитан, да я, да моря ропот,
да электронный авторулевой —
разумный, честный,
но безмолвный робот.
Слегка желтеет градусов шкала,
бежит картушка по немому кругу.
Я с восхищеньем думаю:
«Хвала,
хвала тебе, водителю и другу!»
Тому, кто раньше нá море бывал,
известна тяжесть вахты у штурвала.
А я гляжу на крошечный штурвал —
таких игрушек прежде не бывало.
Штурвалу руки больше не нужны.
Всесильный ток в нем бродит безголосо.

Порывам бурь,
косым броскам волны
не пошатнуть железного матроса!
Он не боится дедовских примет,
и в том его, как видно, достиженье,
что у него привязанностей нет,
за исключеньем градуса движенья.

Но неужель однажды в океан
большое судно вынесется снова
и электронный автокапитан
заменит в рубке теплого, живого?
И так же на рассвете вспыхнет медь,
и так же будут реверсы и галсы,
но капитан не сможет поседеть
в тех бурях, где он смерти улыбался...

И чайки с криком вьются по пятам,
и волны о форштевень бьются чаще...
Давай с тобой закурим, капитан,
хоть третий в этой рубке некурящий.

Одесса.

Иван САВИЧ

МОИ ЗЕМЛЯКИ

Край донецкий привольный, весенний,
Домны, шахты в пшеничном кольце,
И акации желтой цветенье,
И сады, и леса на Донце.
Ночь — и звездами полнятся дали:
На копрах по округе моей.
Ну, а люди! Вы тут увидали б
Удивительных богатырей.
Как закон, их порыв непреложен,
Звук шагов их летит за моря.
Издали терриконы похожи
На былинные шлемы не зря.
Что? Далек этот образ от яви?
Други, в шахту спуститесь, и там
Могут в каждом забое и лаве
Наши Муромцы встретиться вам...
По душе мне их щедрая удаль,
Слава их — путеводный мой свет,
И в дороге от встречного люда
Лишь услышу:
— Дружище, откуда?
— Я с Донца! — говорю я в ответ.

Перевел с украинского
Павел ПАНЧЕНКО.

Старобельск.

Леон ЛЕРМАН

ЛЮБОВЬ

Яблоня

Я в сад еще ночной войду...
Вот яблонька,
Она уснула...
Но по округлому плоду
Росинка светлая скользнула.
И вспомнил я студеный день,
Когда земля — и та звенела,
И на снегу, как жилка, тень
Под тонким стволиком синела...
О молодое деревцо,
Ветвей и веточек смятенье,
Твое весеннее лицо
Я разглядел в дыму метели.
Когда не стало вдруг тепла
И хмурилось недобро небо,
От стужи я укрыл тебя
Верблюжьим одеялом снега.
Огородил забором сад,
Забинтовал больные ветви,
Собой согрел тебя и сам
Укрылся за тобой от ветра...
Я солнце в полдень прикачу,
Чтоб все росинки ослепило,
Чтоб ты, я этого хочу,
Из света яблоки лепила.
В тени листвы я отдохну,
Вдохну июльский сладкий запах...
Тихонько ветку отогну,
И взгляды встретятся внезапно.
Нет, не кору я различу,
А теплое тугое тело...
О яблонька, я так хочу,
Чтоб яблоко твое созрело!
Пусть никогда уже метель
Не мчится, яблонька, над нами.
Ведь до сих пор по веткам тень
Проходит от воспоминаний.

Перевел с еврейского
Бор. РАХМАНИН.

Река Кулой

Римме, дочери.

Ты никогда печальной мне не снилась,
Не признавал разлуки я с тобой...
Звенела бронзой,
мошкарой дымилась
И падала в траву река Кулой.
А я сидел у жердочек сухих,
На скошенной траве у шалаша.
Заря вставала в сумерках лесных,
Твоей зеленой юностью дыша.
С тобою говорил я по ночам,
Когда смерзались брови,
стыли щеки,
А ветер задыхался и качал
Шуршащую промокшую осоку.
Далекая, дремала ты в постели,
Стучала жилка на виске твоем.
А я смотрел в полярные метели,
Любовью согреваясь —
не костром.
Сплавлял я многотонные плоты,
А мне казалось,
рядом над водой
С багром в руке покачивалась ты,
И мне передавался голос твой.
Ничье без боли сердце не живет,
Как на земле не засыпает ветер,
Но в постоянном гомоне работ
Я жил, твоей улыбкою согретый.
О дочь моя!
Ты видишь,
я встаю
С отеческою песней над тобой,
Я эту песню о тебе пою
И о реке
по имени Кулой!

Перевел Андрей АЛДАН-СЕМЕНОВ.

Николай СОКОЛОВ

Любуюсь, радуясь, Байкалом,
живу и чувствую полней...
Как знаем мы Россию мало,
как мало видели мы в ней!

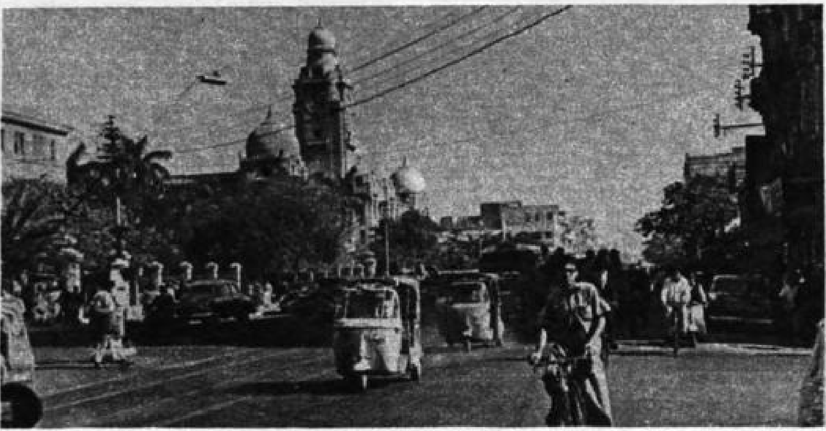
И эти воды голубые,
и эти дебри вековые,
и эти гряды древних гор —
все это ты, моя Россия,
мой дом, мой жребий, мой простор!

Василий ЛЕДКОВ

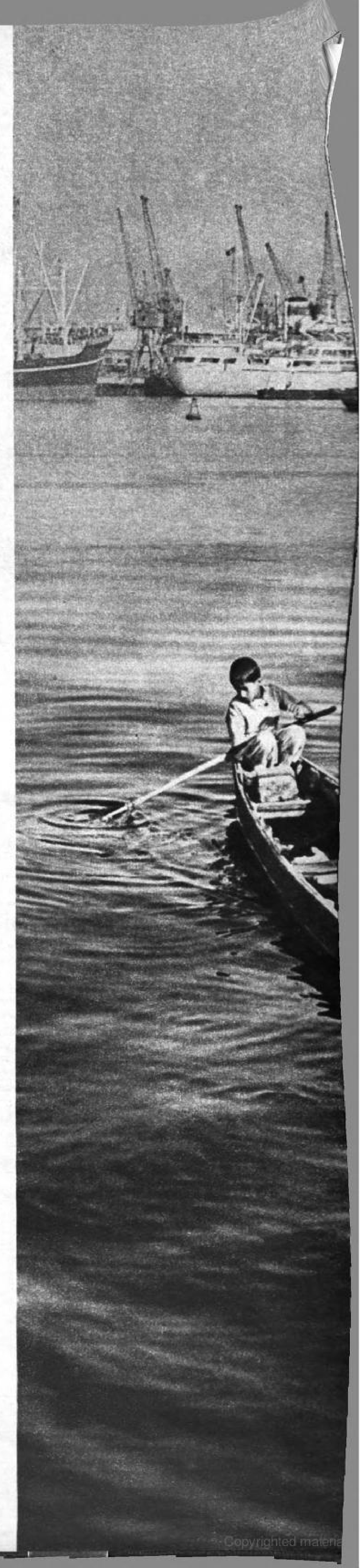
ДЕВЯТЬ РАДУГ

Пришла весна.
И новой думой
Встречаю я ее рассвет.
Встречаю там, где дымных чумов
Уже давно в помине нет,
Там,
Где ольха склоняет лозы
У родникового ручья,
С рожденьем нового колхоза
Родился, кажется, и я.
И с той поры,
рожденный дважды,
Я по весне запоем пью
Родного края воздух влажный
И образ времени леплю...
А надо мною —
девять радуг,
Плывет под ними вся земля.
И даже
солнце всем на радость
Течет нам под ноги, бурля!

Перевел с ненецкого
Николай ЖУРАВЛЕВ.

Одна из центральных улиц Карачи.

→ В торговом порту Карачи

ПОД НЕБОМ КАРАЧИ

Алексей ГОЛИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

В открытое окно моего номера доносится голос муэдзина, призывающего правоверных к молитве. Слышимость отличная — на минаретах установлены мощные репродукторы, и голос записан на магнитофон.

Карачи — столица Республики Пакистан. Это город резких контрастов. Здесь собираются строить атомную электростанцию, а женщины продолжают носить паранджу, и места в трамваях для них отделены металлической сеткой.

Чем выше поднимается солнце, тем оживленнее становится на главной торговой улице города Бандер роуд. Автомобили, двухэтажные автобусы, юркие моторикши, верблюды, запряженные в большие повозки на резиновых шинах, ослики, навьюченные товаром, извозчичьи пролетки... Все это сигналит, кричит и не соблюдает правил уличного движения, которые, кстати сказать, здесь весьма либеральны,— только на самых оживленных перекрестках полицейские стараются создать хоть какой-то порядок.

А на тротуарах кипит людской водоворот. Продавцы предлагают свои товары, парикмахеры, сидя на корточках, бреют клиентов, тут же приготавливают и продают национальные кушанья, лечат зубы, а возле самой мостовой устроились уличные писцы.

В западном Пакистане я был зимой. Утром 22 градуса тепла, но люди кутаются в шерстяные шарфы, надевают шерстяные шлемы. На строительной площадке жилого дома рабочие развели костер и греются, притопывая, как, бывало, наши извозчики в крещенские морозы.

Хотя в Карачи строится немало домов, жилья не хватает, и часто можно встретить людей, которые ночуют прямо на тротуарах. Не так давно в Карачи была эпидемия бешенства среди бродячих собак. Городские власти призвали население содействовать полиции в уничтожении этих животных. Тех, кто живет на улице, просили временно не ночевать на тротуарах. Но власти понимали, что это невозможно: ведь бездомным деться некуда,— и поэтому просили их обозначать место ночлега фонариками, чтобы при стрельбе по собакам в сумерках не было несчастных случаев.

О затруднении с жильем мне рассказывал заместитель председателя муниципалитета Карачи господин Хабибула. Строительство ведется довольно медленно, не хватает материалов, главным образом цемента. У муниципалитета недостаточно средств.

— У вас, в Советском Союзе, города растут гораздо быстрее,— говорит господин Хабибула.— До 1919 года я жил в Ташкенте и Бухаре, хорошо их знал; когда приехал в 1962 году, не узнал: большие стали, красивые. Я видел у вас домостроительный завод. Очень интересное предприятие. В Советском Союзе жилищное строительство ведется индустриальными методами. Видимо, это самый верный способ решения жилищной проблемы. Хорошо бы и у нас создать такие заводы.

...Тропические джунгли. Огромные деревья, густо переплетенные лианами, стоят непроницаемой стеной. Только неширокая речка проложила себе дорогу и течет словно в зеленом тоннеле. Шлепая по воде, вверх по течению идут наши геологи. На них костюмы из плотной материи, брюки заправлены в резиновые кеды. У каждого на поясе шприц и ампула с противозмеиной сывороткой. Геологов окружает охрана — охотники с винтовками. Вдруг один охотник вскидывает винтовку, стреляет...

Экран гаснет, и главный консультант группы советских геологов в Пакистане Иван Максимович Живица зажигает в комнате свет. Он демонстрирует мне собственный фильм, снятый в восточном Пакистане, где советские специалисты ищут нефть и газ.

— Охотник стрелял в тигра,— объясняет Иван Максимович,— но дальше я не снимал: пленка кончилась. Тигров много, да и змей тоже. Есть очень ядовитые. Но самое страшное — дикие слоны. Против стада лесных великанов наша охрана бессильна, слоны уничтожают все на своем пути. Однажды мы едва не попали им под ноги. Шли по джунглям и вдруг слышим треск ломающихся деревьев, тяжелый топот. В одно мгновение наша охрана оказалась на верхушках пальм. Они побросали винтовки и кричали, чтобы мы быстро лезли к ним. К счастью, слоны прошли стороной.

— Однако в нашей жизни не одни тернии, есть и розы,— улыбается Иван Максимович.— Отношения с пакистанскими коллегами самые сердечные, полное взаимопонимание в интересной работе, общее стремление выполнить ее как можно лучше.

— Перспективы разведок обнадеживающие. Будем проводить глубокое бурение — до 4 тысяч метров. Для этого нужно сложное и громоздкое оборудование. Собственно, надо строить целый завод. Вышка-то будет более 40 метров, а отдельные блоки механизмов весят по 12 тонн. Попробуйте-ка это все доставить в джунгли. Приходится прорубать просеки, строить дороги. А в том, что нефть и газ есть в Пакистане, я не сомневаюсь. И мы их обязательно найдем. Это только вопрос времени.

В успехах советских геологов уверен и генерал Хаяуддин — директор-резидент государственной корпорации по развитию нефтяных и газовых месторождений в Пакистане. Генерал с восхищением говорил о наших специалистах, об их упорстве, знаниях, умении преодолевать трудности. Главное же — советские геологи оказывают бескорыстную помощь пакистанским коллегам, делятся с ними опытом.

— Мы уже направляли наших геологов в краткосрочные командировки к вам в Москву,— сказал генерал.— Надо, чтобы между нашими странами было больше деловых контактов. Это принесет пользу народам Пакистана и Советского Союза.

— Едемте в порт, пришел советский теплоход «Суджа» с товарами для Пакистана,— предлагает мне наш торгпред Леонид Васильевич Козьмин.

Наш теплоход ошвартовался. Разгрузка уже идет полным ходом.

— Мы доставили сюда много грузов,— рассказывает капитан теплохода Борис Георгиевич Крылов,— в том числе станки для глубокого бурения — это в адрес корпорации по развитию нефтяных и газовых месторождений,— сталь, химикаты, автоцистерны...

— Часто наши суда заходят в Карачи? — спрашиваю я.

— Нет, не очень. Но торговля с Пакистаном расширяется,— рассказывает Леонид Васильевич.— В восточную часть страны мы доставляем цемент, шпалы, древесно-волокнистую плиту. Здесь закупаем высококачественный джут. В развитии торговли заинтересованы деловые круги Пакистана. Вы поговорите с кем-нибудь из местных коммерсантов.

Я встретился с директором Государственного банка Пакистана господином Алави. В 1952 году он возглавлял экономическую делегацию, ездившую в СССР, несколько лет был членом пакистанской делегации в ООН.

Господин Алави принял меня в своей конторе. Попивая крепкий кофе, говорил о старых культурных и деловых связях между Пакистаном и среднеазиатскими республиками Советского Союза. Алави приветствовал открытие прямого воздушного сообщения Москва—Карачи.

— Я,— рассказывает господин Алави,— передал в наше министерство торговли свои предложения по развитию экономических связей с Советским Союзом. Я бы лично хотел покупать у вас станки, цемент и сталь. Торговля — это верный барометр отношений между государствами. И надо, чтобы он всегда показывал «ясно».

Об этом же говорил и господин Самин Хан, президент культурной ассоциации Пакистан — СССР, которая объединяет главным образом интеллигенцию и бизнесменов, заинтересованных в расширении культурных и экономических связей между нашими странами. Ассоциация организует выступления людей, побывавших в СССР, устраивает выставки советской литературы, просмотры советских фильмов. Предполагается открыть филиалы ассоциации в больших городах страны.

— Мы понимаем,— говорит Самин Хан,— что Пакистан мог бы многому поучиться у Советского Союза, тем более что между нами и вашими среднеазиатскими республиками много общего.

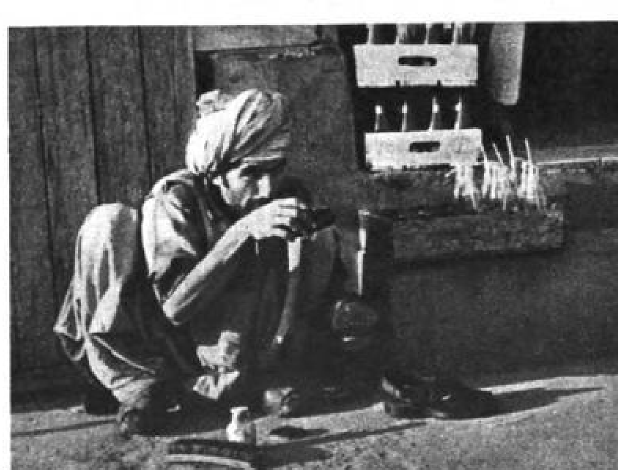
Самин Хан подчеркнул стремление пакистанского народа к миру и осудил намерение США послать 7-й американский флот в Индийский океан.

— Ведь такие действия превращают этот район в ядерную зону. А ядерную опасность надо отвести от человечества. Я считаю,— сказал Самин Хан,— что успешные шаги в этом направлении уже сделаны. Подписан Московский договор о запрещении атомных испытаний в атмосфере, в космосе и под водой. Это путь к уничтожению всех запасов ядерного оружия на земле. Народы должны жить в мире и дружбе, и мне хочется надеяться, что связи между нашими странами будут крепнуть и расширяться.

Студенты университета.

Чистильщик обуви.

ТЕМА

с вариациями

Можно ли самому выработать в себе особое глубинное зрение, как бы проникающее сквозь поверхность предметов в их сердцевину, сущность? Можно. И один из способов — поучиться тому, как это делают другие. Как они смотрят на жизнь, каково их отношение к миру.

Книга Вл. Орлова «Сто вариаций на тему старой сказки» дает такую возможность.

Паровоз бежит по рельсам. Все в нем обыкновенно: дым, искры из топки. Обыкновенно и устарело — в наш век мощных электровозов, с трубным гласом проносящихся по стальным магистралям. А тень, а эхо в лесах, а солнечный зайчик, а пыль, вихрящаяся на путях? Это и вовсе из категории «вечных» явлений. И все же...

Когда тема «О дыме» или «О тени» начинает разворачиваться, множиться в вариациях, возникает ощущение необыкновенности обыденного, привычного. Хочется с удивлением ощупать самые привычные мелочи.

Тень от ваших домов вырастает в проблему градостроительства. Тени от ваших рук ведут к изобретению бестеневых ламп — верных помощников хирурга. Тени воздушных струй в аэродинамической трубе, тени скелета — на экране рентгеновского аппарата, фотосинтез и искусственная радиоактивность, урожай и кинематограф — всюду тени, труженики или враги. И еще трагические тени, выжженные на камнях Хиросимы,— следы сгоревших людей.

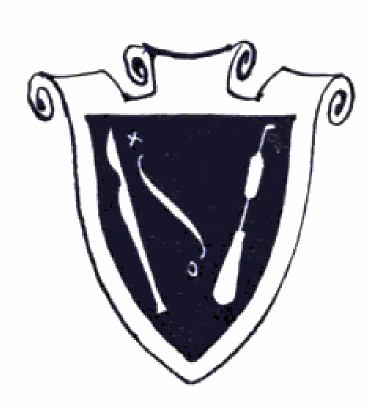
Так рождаются неожиданные вариации обыкновенной темы.

В книге Вл. Орлова сто коротких главок. Поток фактов. Политика, искусство, мифология, военное дело. Случаи из жизни ученых, исторические анекдоты, новейшие научные достижения. Такое повествование обладает свойствами мозаики: нужно отойти, охватить взглядом всю картину, чтобы из разноцветного ковра возникло целое, родился образ. Главный образ книги — величественный, я бы сказал, торжествующий поток знания. Книга Вл. Орлова учит оглядывать мир вокруг зорко и удивленно.

К. БАКШИ

Вл. Орлов. Сто вариаций на тему старой сказки. Журнал «Знамя» №№ 10, 11, 12. 1963 год.

РАССКАЗЫ О НОВЫХ НАУКАХ

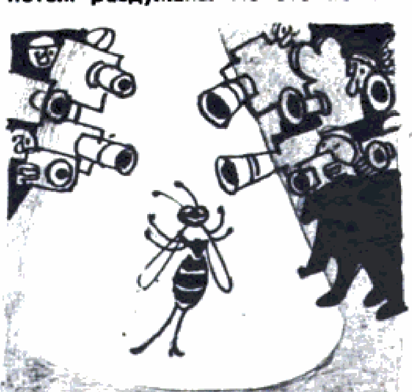
СКАЛЬПЕЛЬ, ПАЯЛЬНИК, ИНТЕГРАЛ

М. КОНСТАНТИНОВСКИЙ

Читатель, поймайте муху! Ту самую назойливую муху — переносчика болезней, к борьбе с которой призывают плакаты Санпросвета. Поймайте и посмотрите на нее с уважением.

Обратите внимание на лапки мухи. Они покрыты волосками. Недавно ученые обнаружили, что эти волоски—замечательная лаборатория, о какой химики могут лишь мечтать: химический анализ в ней выполняется без всяких реактивов и практически мгновенно. Как? Окончательно это еще не выяснено. Во всяком случае, едва тронув волосками поверхность, муха уже обладает сведениями о ее составе.

Взгляните на спинку мухи. Позади крыльев — два маленьких придатка. Словно муха решила отрастить еще одну пару крыльев, да потом раздумала. Но это не зачатки крыльев. Это жужжальца— замечательный навигационный прибор. Он помогает мухе свободно ориентироваться при полете.

А сам полет мухи — разве это не поразительно? Можете ее отпустить. Она взлетела с места без разгона. Притом побывав у вас в руках.

Не правда ли, вы с ней не очень церемонились? Пока ловили, держали за крылышки, изрядно намяли ей бока. Если бы некий сказочный великан проделал такую же процедуру с вертолетом, вертолету понадобился бы основательный ремонт.

А мухе хоть бы что. Смотрите, как она висит над посадочной площадкой. Она может сесть на отвесную стенку или вверх ногами. Вертолету до таких летных возможностей далеко!

Можно было бы долго еще петь мухе дифирамбы, восхваляя и другие ее необыкновенные качества. Но, думаю, и этого хватит.

В наши дни мухе посвящают научные доклады, технические отчеты и даже конференции. Поистине «нынче Муха-Цокотуха именинница»!

Другими глазами

Итак, обычное, всем надоевшее насекомое предстает перед нами настоящим кладезем технических шедевров — стоит только всмотреться, взглянуть на него другими глазами.

Какими это другими?

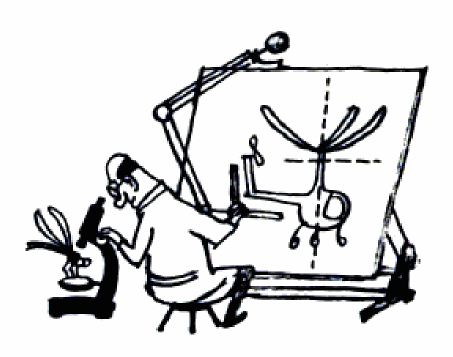
Человек всегда удивлялся совершенству живых организмов. До Дарвина это совершенство ставилось в заслугу богу, после Дарвина — эволюции. Но удивление было созерцательным. Взять хотя бы полет в живой природе. Вначале людей поражал сам факт: птицы, насекомые могут летать. (Кстати, этой способностью обладают три четверти всех видов живых существ, населяющих сушу.)

Затем человек сам осуществил полет, сам прочувствовал его трудности и проблемы. Постепенно удивление из созерцательного становилось активным. Вот тогда-то и удалось посмотреть на живых конкурентов самолета и вертолета другими глазами. И эти глаза увидели необычайные вещи. Оказалось, например, что крыло птицы при полете не испытывает лобового сопротивления. А крылья совы оборудованы специальными глушителями, поэтому сова летает настолько бесшумно, что услышать ее невозможно, даже если она пролетит почти у самого лица.

Страшным бичом сверхзвуковой авиации был флаттер — вибрации, от которых самолеты разваливались в воздухе. Конструкторы научились бороться с этим бедствием: крылья стали делать с утолщением на конце. И уже потом, задним числом, нашли точно такие же утолщения — птеростигмы — на концах крыльев стрекозы.

Мы говорили о полете. Но на какое бы живое существо ни посмотрели инженеры и ученые другими глазами, повсюду оказывается, что почти все, что человек считал своими открытиями, давным-давно открыто природой.

Гидравлика? Пожалуйста! У паука. Пневматический отбойный молоток? Вот он — у земляной осы. Принцип реактивного движения? У множества морских животных.

Кальмар с таким двигателем развивает скорость до 55 километров в час. Ультразвуковой гидролокатор? У дельфина, кашалота, морской свинки...

Невольно возникает вопрос: не слишком ли дорогой ценой платит человечество, заново изобретая самовар? Почему давно уже не посмотрели на животных и растения другими глазами?

Чтобы пользоваться неисчерпаемой патентной библиотекой природы не от случая к случаю, а регулярно и целеустремленно, понадобились достижения многих наук самых последних лет. Но была еще одна причина. Она прямо-таки заставила инженеров обратиться к живой природе.

Союз трех

В известной английской песенке рассказывается, как из-за того, что в кузнице не было гвоздя, упала подкова, захромала лошадь, был убит командир, разбита конница и вся армия.

Такие случаи, к сожалению, есть и в технике. Из-за какого-нибудь гвоздя — крошечной детальки — выходит из строя электронная вычислительная машина. А ведь в ней миллионы деталей, и каждая может испортиться. Так возникает проблема надежности, которая стала в последнее время одной из самых важных проблем техники. Машины, системы, аппараты настолько сложны, что устройство, собранное из сравнительно надежных кирпичиков, становится ненадежным, потому что этих кирпичиков великое множество.

Поиски выхода из этого тупика и заставили инженеров приглядеться к исключительно надежным конструкциям природы. В каких только труднейших условиях не работает, например, наш мозг! Даже сотрясения и травмы не выводят его из строя. Десятки лет он служит нам безотказно.

Но легко сказать — приглядеться. Расспрашивать природу можно лишь языком кропотливых исследований с помощью новейшей аппаратуры — электронной, киносъемочной, химической... Этим занялись биологи, которым пришлось не только пригласить на помощь инженеров, но и самим постигать технику.

Чтобы повторить живую систему

в металле, промоделировать, нужны были новейшие успехи радиоэлектроники: полупроводники, микроминиатюрные схемы. Необходимо было открыть общие законы, по которым действуют и живые и искусственные автоматы. Это заслуга кибернетики. Она позволила впервые по-настоящему их сравнить. И живые устройства оказались не только неизмеримо надежнее, компактнее, легче и экономичнее, но и намного чувствительнее и точнее, о чем раньше ученые и не подозревали. Все это потребовало новых идей, небывалых решений. Так союз биологии, радиоэлектроники и кибернетики вызвал к жизни юную науку бионику, которую иногда определяют даже как искусство: искусство применять принципы и методы живой природы при решении инженерных задач.

Новая наука, словно рыцарь, сразу же обзавелась эмблемой и девизом. Ее эмблема: скальпель и паяльник, соединенные знаком интеграла.

Ее девиз: живые организмы — ключ к новой технике!

«Лишние детали»

Казалось бы, чему можно поучиться у медузы? Кусок студня — вот и все. Но медуза издавна славится тем, что задолго до шторма чувствует его приближение и уходит от берега.

Оказалось, что она улавливает инфразвуки, которыми сопровождается шторм. У медузы под колоколом подвешен на стебельке сосуд—резонатор в форме колбы. Внутри сосуда плавают камешки. Голос шторма — инфразвук — заставляет колебаться колбу, а вместе с ней и камешки, которые периодически давят при этом на окончание нерва. Это и воспринимается медузой как сигнал опасности.

Советские ученые создали по такому же принципу прибор. Он предсказывает шторм за 15 часов, а не за два часа, как барометр.

Помните замечательный навигационный прибор — жужжальца? Им обладают не только мухи, но и другие двукрылые насекомые, например, комары. Искусственные жужжальца сейчас работают на скоростных самолетах, позволяя ориентироваться на самых крутых виражах.

А ведь долгое время подлинное назначение жужжалец насекомых было неизвестно, считалось, что это лишние детали.

К таким деталям относили причудливые наросты на голове летучих мышей, пока не выяснилось, что это необходимейшая часть их локатора. С его помощью ультразвук собирается в узкий пучок.

Непонятной была функция бурого жира у животных, впадающих в спячку. Совсем недавно открыли, что этот особый жир не просто шуба, как думали раньше, а своего рода автоматическая печка: окисляясь, он нагревает кровь тем сильнее, чем холоднее воздух. Если же мороз становится опасным для жизни, бурый жир играет побудку — выдает мозгу специальный сигнал, чтобы животное проснулось, иначе оно может замерзнуть во сне. Небольшое количество бурого жира есть и у человека, хотя он и не впадает в спячку. Роль его пока не выяснена.

Ученые все больше убеждаются, что у творений природы нет лишних деталей. Такой взгляд открывает захватывающие дух перспективы. Если тщательно изучить непонятные ныне детали живых существ, не поможет ли это открыть неизвестные, ни с чем не сравнимые органы чувств? Ведь до сих пор остается, например, непостижимым, каким образом некоторые животные задолго предчувствуют землетрясение и другие стихийные бедствия...

Что же дальше?

О чем говорит наше восхищение слепым творчеством эволюции? О слабости науки и техники? О тщетности попыток добраться до высочайших вершин, достигнутых природой?

Как раз наоборот! Человек теперь восторгается деловито, как специалист. И нет никакого сомнения в том, что он не только повторит самые выдающиеся инженерные шедевры природы, но и превзойдет их. Ведь это факт, что созданный людьми термолокатор в два раза чувствительнее термолокатора гремучей змеи. Недавно предложена радиолампа диаметром в один микрон! Специалисты считают, что технические возможности изготовлять такие лампы появятся уже через несколько лет. Электронная вычислительная машина, собранная на таких лампах, будет иметь плотность элементов выше плотности нервных клеток мозга человека.

Совсем недавно в бионике появилось новое направление: разработаны удивительные гибриды живых организмов и электронных схем. Вместо того, чтобы моделировать глаз таракана, чувствительный к инфракрасным лучам, используют готовый глаз живого таракана — снимают биотоки, усиливают их и анализируют.

Насекомое в этом случае составляет неотъемлемую часть устройства.

Разработан прибор, который сигнализирует о появлении ядовитых газов, в него встроена живая муха с ее исключительно тонким обонянием.

Но пока человек подражает живым механизмам, так сказать, внешне. Вместо жужжалец — металлические пластинки, вместо глаз — фотоэлементы, вместо нервных клеток — полупроводниковые схемы... Когда же биологи доберутся до сокровенных тайн живого, подчинят себе механизм наследственности, научатся управлять процессами жизни, тогда, возможно, создадут невиданные машины — бионические. Изделия в таких машинах будут выращиваться, как плоды, только неизмеримо быстрее. Изготовление материалов, их обработку, сборку, все эти привычно сменяющие друг друга технологические процессы заменит один — выращивание по специальной программе. Возможно даже, что бионической машине будет выдаваться самое общее задание и затем она сама разработает и изготовит изделие так, чтобы оно наиболее отвечало нуждам людей.

Бионика обещает неслыханный расцвет производительных сил человечества, новый взрывообразный взлет науки и техники.

Устройств, созданных учеными по образу и подобию природных, сейчас уже десятки. С каждым днем их число увеличивается. И все же человек перенял пока у природы немного. Неисчислимы в природе технические секреты.

Можно позавидовать

КОТОРЫЙ ЧАС?

У большинства животных и растений хорошо развито чувство времени. Ученые назвали это свойство «биологическими часами», но от этого их механизм не стал понятнее. Такие часы есть даже у бактерий. Классический пример обладателя биологических часов — наш петух. А по хохоту австралийского зимородка можно проверять часы, словно по радиосигналам точного времени. (Кстати, крик кукабарры — позывные австралийского радио.)

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

Живущая в Ниле рыбка мормирус имеет на вооружении подводный локатор. В сети эту рыбу поймать очень трудно. Известно, что под водой обычные локаторы не действуют. Загадка мормируса не дает спокойно спать радиоинженерам.

БЕЗ КОМПАСА

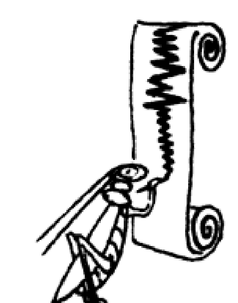

Буревестник перелетает из Антарктики на Северный полюс. Пингвины адели, переброшенные на самолете с научной станции Уилкс на базу Мак-Мёрдо, за 2 400 километров, безошибочно находят дорогу домой. Морские черепахи проплывают для кладки яиц более пяти с половинной тысяч километров.

Какими малогабаритными должны быть приборы, по которым они находят правильную дорогу!

Раскрытие их тайны означало бы переворот в навигационном приборостроении.

ЧУВСТВИТЕЛЬНЕЕ СЕЙСМОГРАФА

Водяной жук ощущает своими волосками на поверхности воды волны высотой в четыре стомиллионных доли миллиметра.

Саранча чувствует механические колебания, равные диаметру атома водорода.

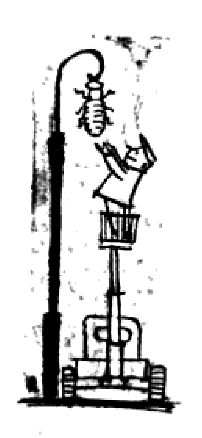
ЖИВЫЕ ЛАБОРАТОРИИ

Многие растения и животные концентрируют в своем теле те или иные химические элементы, добывая их из почвы или из морской воды. Изучив эту способность, человек, возможно, организует в будущем добычу полезных ископаемых (в особенности редких) на совершенно новых принципах.

Великое множество животных — морских и сухопутных — имеет свои лампы холодного света. Они очень экономичны, а цвет любой, на выбор.

Некоторые бактерии вырабатывают электрический ток, разлагая сахар на углекислый газ и воду. Используя это явление, ученые создали биоэлектрический бактериальный элемент мощностью в 10 ватт.

ЖУК-ХИМИК

Рисунки Ю. Черепанова.

У жука-бомбардира имеется две железы: одна вырабатывает гидрохинон, другая — перекись водорода. Эти вещества хранятся в отдельных камерах. Когда жуку грозит опасность, он смешивает обе жидкости в специальной, третьей камере — происходит бурная реакция окисления гидрохинона в хинон, с выделением кислорода. Давлением кислорода едкая струя хинона выбрасывается в противника. Любому химику известно, как трудно хранить перекись водорода высокой концентрации: она крайне неустойчива и разлагается со взрывом. Каким образом жуку удалось разрешить проблему, над которой давно бьются во многих химических лабораториях и на предприятиях? Ученые предполагают, что организм жука вырабатывает какое-то вещество, которое предотвращает быстрое разложение перекиси водорода. Сейчас ведутся поиски этого вещества.

Школа промышленного шпионажа в Токио.

Александр ГОРБОВСКИЙ

ШПИОНАЖ МОНОПОЛИЙ

За семью печатями хранится рецепт соуса, который в миллионах бутылок вывозится во многие страны.

Хранить тайны фирмы приходится и монахам-картезианцам, которые знают секрет приготовления ликера шартрез.

Секретная комната. Сюда имеют доступ лишь немногие доверенные лица компании.

Фото из журнала «Тайм».

Выгоднее украсть

На борт самолета, отправлявшегося из Нью-Йорка в Лондон, поднялись три бизнесмена. Это были представители крупнейшей американской фармацевтической фирмы «Мерка». Их озабоченный и встревоженный вид выдавал, что поводом для путешествия послужило событие чрезвычайной важности.

Несколько часов назад в лондонском отделении фирмы раздался телефонный звонок. Из разговора выяснилось, что неизвестный завладел секретом нового лекарственного препарата, выпускаемого «Меркой». Теперь этот человек требовал, чтобы его молчание было оплачено.

Поиски препарата, о котором шла речь, стоили фирме примерно миллион фунтов стерлингов. Если тайна производства станет известна конкурентам, это будет непоправимым ударом. Вот почему представители фирмы «Мерка» срочно вылетели в Лондон, имея полномочия предложить неизвестному любую сумму до десяти тысяч фунтов стерлингов.

Встреча состоялась в отеле «Рассел». Обладателем секрета оказался двадцатичетырехлетний технолог, незадолго перед тем уволенный фирмой. Деловые люди сразу сообразили, что перед ними птица невысокого полета, не представитель профессионального шпионажа, а любитель. Молодой человек запросил всего 50 фунтов наличными и потом согласился на 30!

Когда шпион-любитель выходил из отеля, его незаметно сфотографировали. Следом за ним отправился частный детектив. В конце концов жулик был обвинен в шантаже и оказался за решеткой.

Это лишь один эпизод той экономической войны, которую ведут между собой конкурирующие монополии и концерны.

Для того, чтобы вытеснить противника и завоевать рынок, нужно производить продукцию лучшего качества и более дешевую, чем конкурент. Над этой проблемой в лабораториях и научно-исследовательских институтах в величайшей тайне работают тысячи людей. Но исследования стоят огромных денег. Не проще ли украсть секрет?

Нередко в качестве скупщиков краденого фигурируют итальянские фармацевтические фирмы. В Италии закон совершенно не гарантирует охраны патентов на лекарства. В таких условиях заниматься поисками новых медикаментов оказалось фактически невозможным. Это означало бы, по сути дела, работать на конкурента. Поэтому так часто следы похищенных фармацевтических открытий ведут в Италию.

Ряд американских фармацевтических фирм заявил протест правительству против того, что Пентагон систематически закупает за границей медикаменты, рецепты которых были похищены у американских фирм. Армия — крупный покупатель, и фирмы рассудили, что этому покупателю не мешало бы быть несколько более патриотичным.

Военное ведомство не отрицало,

что отечественным лекарствам и препаратам оно часто предпочитает иностранные. Объяснялось это просто: медикаменты, ввозимые из-за границы и составленные по украденным рецептам, стоят гораздо дешевле американских! Например, стоимость 10 таблеток одного редкого лекарства американского производства— 16,76 доллара, а эти же таблетки, выпущенные в Италии, стоят всего 8,13 доллара.

Как отмечает один американский журнал, промышленный шпионаж стал в настоящее время большим бизнесом. Прибыли, которые приносит эта отрасль бизнеса, поистине фантастичны.

Так, убытки американской фармацевтической фирмы «Ледерл» в результате промышленного шпионажа оцениваются в 15 миллионов долларов. Выигрыш ее итальянских конкурентов должен соответственно приближаться к этой цифре. Сколько же пришлось заплатить за похищение рецептов, принесших такую прибыль? Оказывается, всего 60 тысяч долларов! За эту сумму итальянская фирма приобрела у сотрудника «Ледерла» формулы ауреомицина, ахримицина и декломицина.

Иногда секреты обходятся несколько дороже. Некий сотрудник фирмы «Мерка» продал (тоже итальянским конкурентам!) секреты своей фирмы за 500 тысяч долларов. Можно только догадываться, сколь велика была прибыль в данном случае!

Черная биржа похищенных тайн

Подобно большому бизнесу, шпионаж не знает государственных границ. Нередко похищенные секреты проходят через несколько рук, прежде чем попадают к покупателю.

Известно о существовании двух центров международного промышленного шпионажа. Один из них находился «где-то в Швейцарии», другой «где-то в Японии». Черные биржи украденных секретов имеют своих эмиссаров, которые разъезжают по всему миру. Говорят, что нет такого секрета, который нельзя было бы купить на этой бирже. Ее агенты вездесущи. Они располагают полной информацией о финансовых и торговых возможностях той или иной фирмы, о ее контрактах и дальнейших планах, о том, над чем работают ее лаборатории и какую продукцию собирается она выпустить на рынок. Едва подобная информация поступает на черную биржу, она сразу же приобретает определенную стоимость и котируется в зависимости от конъюнктуры.

Естественно, любители покупать краденое предпочитают не появляться в этом злачном месте. Солидные люди, директора компаний, руководители фирм направляют для этого «куда-то в Швейцарию» доверенных лиц, чаще всего юристов, состоящих у них на службе.

«Воровство будет продолжаться,— сетует американский журнал деловых кругов «Бизнес Уик»,— пока не станет возможным ловить и наказывать международных похитителей». Нетрудно догадаться,— такой возможности не предвидится.

Асы за работой

На помощь большому бизнесу приходят частные детективные агентства. В отличие от тайных бирж международного промышленного шпионажа в Швейцарии и Японии это вполне респектабельные официальные организации. Они имеют свои вывески, занимают обширные особняки. Одно из крупнейших таких агентств, международное детективное агентство «Бэрнс», имеет специальное отделение для выполнения заданий в области промышленного шпионажа.

Только в Токио в настоящее время существует 380 детективных агентств и бюро, которые занимаются исключительно похищением секретов различных фирм. Свыше 10 тысяч шпионов работают по заданиям этих агентств.

Детективные агентства располагают разведывательными кадрами высшей квалификации. Так, в английском агентстве «Секьюритор», в бюро, занимающемся шпионажем в области бизнеса, работают 27 бывших офицеров службы безопасности.

Вот, например, как описывает работу одного такого агента американский журнал «Ньюсуик».

Одетый так же, как и другие рабочие, этот человек вместе с утренней сменой пришел к воротам фабрики. Как и остальные, отбив свою карточку на автоматических часах, он сразу направился в цех. Походив по цеху деловой походкой, человек вскоре через те же ворота вышел на улицу. Здесь он вынул блокнот и стал быстро делать какие-то заметки.

Среди шпионов от бизнеса этот агент считается асом № 1, его имя Элмонт Камминг. Шестидесятипятилетний король шпионажа, несмотря на свой возраст, полон профессионального оптимизма. Он утверждает, что нет такого промышленного секрета, к которому он не мог бы найти путей. «Шпионаж,— говорит он,— это часть большого бизнеса, и я его делаю лучше других».

Выполняя нередко опасные и трудные задания различных концернов, Камминг постоянно путешествует. Появляясь в разных странах под различными именами, за год он проезжает иногда огромные расстояния — до 100 тысяч миль, то есть совершает четыре кругосветных путешествия. Иногда, проникнув на завод, Камминг быстро переодевается в форму пожарного, что обеспечивает ему доступ во все цеха. Или же он выдает себя за репортера, электромонтера или инспектора.

Однажды он беспрепятственно обошел все цеха одного предприятия в сопровождении полицейского!

Накануне Камминг поздно ночью появился в полицейском управлении и заявил, что на него было совершено нападение. Нападавший был не один, и из обрывков фраз Камминг якобы понял, что тот работает на этом предприятии.

— А вы видели его лицо? — спросил дежурный офицер.

— Так же, как ваше сейчас.

— И смогли бы опознать этого человека?

— Безусловно.

И в сопровождении скучающего полицейского чемпион шпионажа совершил детальнейший осмотр интересовавшего его предприятия.

«Самые богатые края для шпионов,— пишет журнал «Тайм»,— это нефтяная промышленность Соединенных Штатов, где за геологические карты можно получить фантастическую сумму денег». Нефтяной король, имени которого американская пресса не называет, платил геологам пяти соперничающих с ним компаний по 500 долларов ежемесячно каждому. За это он систематически получал секретную информацию о новых залежах нефти.

Когда же не удается купить сами документы, можно попытаться купить живого носителя ценной информации. Так обычно и делается.

Одному высококвалифицированному специалисту по электронике предложили перейти на работу к конкуренту, посулив 75-процентную прибавку к жалованью. Через шесть месяцев, когда из этого специалиста удалось выжать все, что он знал об экспериментах своей прежней лаборатории, его уволили.

Школа наемников бизнеса

Существуют специальные учебные заведения, готовящие шпионов для бизнеса.

Такая школа открылась в декабре 1962 года в Токио при Институте защиты промышленности. На первый курс было принято 50 молодых людей, направленных сюда различными компаниями, которые оплачивают их обучение. Возглавляет это заведение бывший кадровый разведчик Такео Исида, начинавший свою карьеру еще в тридцатые годы. Все преподаватели—в прошлом профессиональные военные. В течение четырех месяцев слушатели проходят полный курс тайных наук.

Нетрудно догадаться, что совместное обучение шпионов различных фирм порождает для них и ряд неудобств. Ведь этим людям, каждый из которых знает всех остальных в лицо, фактически предстоит работать друг против друга. Президент Института защиты промышленности, семидесятилетний Табаки Курихара, комментирует это так: «По крайней мере все наши слушатели будут иметь равные возможности. Они явятся достойными соперниками».

Контрразведка вступает в игру

В штатном расписании многих крупных фирм есть должность контрразведчика. На нее приглашается обычно бывший служащий военной разведки. Иногда в качестве такого «офицера безопасности», охраняющего секреты фирмы, выступает полицейский в отставке или следователь, имеющий доступ к полицейской картотеке и сохранивший деловые контакты со своими коллегами. Он обязан принимать все меры, чтобы конкурент не мог получить интересующую его информацию.

В Англии подобный «офицер безопасности» получает от 4 до 5 тысяч фунтов стерлингов в год. Сумма немалая, но фирмы идут на это, лишь бы секреты производства не стали достоянием конкурента. «Японские промышленники жалуются,— пишет журнал «Тайм»,— на ежегодные потери миллионов долларов из-за того, что шпионы передают секреты их новой продукции конкурентам».

Порой руководители компании догадываются о том, что кто-то предает их, но не могут поймать этого человека. Если собственная контрразведка оказывается бессильной, приходится обращаться к детективным агентствам.

Вот что говорит по поводу подобной ситуации глава английского детективного агентства «Секьюритор» Дж. Валш: «Мы засылаем нашего человека в фирму, например, в качестве помощника главного управляющего или на другую подобную должность. Ему приходится действительно выполнять свои служебные функции. Иначе он сейчас же будет разоблачен. Другая проблема: как убрать его потом с этого поста? Иногда мы инсценируем арест, или он якобы попадает в катастрофу, или заболевает».

Только при помощи такого подосланного агента американскому контрразведчику Харвею Дж. Вольфу удалось, например, выследить трех инженеров электронной фирмы, которые, действуя по заданию конкурента, систематически похищали чертежи и даже готовые образцы. Когда в конструкторском бюро появилась новая секретарша, пожилая женщина в очках, никому не могло прийти в голову, что перед ними опытный агент. Не догадались об этом и три инженера, за что и поплатились тюремным заключением. Как и следовало ожидать, конкурентная компания, пользовавшаяся их услугами, не пожелала быть скомпрометированной и тут же отреклась от них.

Глухая ночь. Конструкторское бюро, административное здание и лаборатории — все погружено во мрак. Двери тщательно заперты, а ведущие в особо важные помещения даже опечатаны. Ничто не говорит о том, что в эту минуту где-то на четвертом этаже одного из зданий находится человек.

Бесшумно и уверенно он идет по коридору. Расположение кабинетов ему хорошо известно. Одна за другой после недолгого сопротивления перед ним распахиваются двери. Человек все ближе подходит к святая святых—специальному помещению, где в сейфах уникальной конструкции хранится особо важная техническая документация.

А в это время в подвале, скрытый от посторонних глаз, сидит человек. Перед ним огромный пульт с планом здания. По нему медленно движется красная точка. Она повторяет путь незваного визитера. Вот рубиновая лампочка погасла в одном квадрате и тут же зажглась в следующем. Значит, на четвертом этаже кто-то перешел из одной комнаты в другую.

Время от времени дежурный снимает телефонную трубку и говорит несколько слов. Потом он снова продолжает следить за медленно движущейся красной точкой.

Между тем неизвестный проник наконец в помещение, куда он так стремился. В полумраке перед ним выросли вороненые туши сейфов.

И в ту же секунду в лицо ему ударил яркий свет.

— Руки вверх!

Но человек, к которому была

обращена эта магическая фраза, повел себя неожиданно.

Он полез в карман за сигаретами и спросил:

— Это ты, Джексон?

Щелкнул выключатель. То, что происходило здесь сейчас, было лишь проверкой системы сигналов оповещения.

Такие системы получают все более широкое распространение. Ими снабжают все служебные помещения, могущие привлечь внимание шпионов в нерабочее время. Передвигаясь из комнаты в комнату, вор, сам того не зная, включает различные сигналы, которые поступают на пульт оповещения, где круглосуточно находится дежурный.

Секреты остаются нераскрытыми

Фирмы делают все, чтобы сохранить свои производственные секреты. Принимая, например, новых служащих, их предварительно проверяют, пользуясь услугами детективных агентств. Агентство «Бэрнс» использует для этого «детектор лжи». Цель такой проверки — установить, не является ли человек шпионом, подосланным конкурентом.

Миллионы людей во многих странах мира пьют кока-колу. Состав этого напитка держится в строжайшей тайне и застрахован на 43 миллиона долларов. Рецепт кока-колы хранится в единственном экземпляре в сейфе главного химика компании. Кроме него, к сейфу имеет доступ только его помощник. И то он может воспользоваться этим правом только, если с самим главным химиком что-нибудь случится.

Конкурирующая с «Кока-Колой» компания «Д-р Пеппер» столь же тщательно хранит тайну своего напитка. Из многих тысяч людей, занятых на ее заводах, только четырем человекам известен состав напитка. Этим посвященным запрещается, например, летать одновременно в одном самолете.

Ценители тонких вин во всем мире хорошо знают изделия итальянской винодельческой фирмы «Кампари». Вина с этой этикеткой вывозятся в 97 стран. Но только одному человеку известна их рецептура. Основные производственные процессы ведутся под его личным руководством. Все сведения, связанные с ними, он предпочитает хранить в голове, считая, очевидно, это более надежным.

* * *

День за днем идет скрытая от глаз жестокая борьба. «В этой новой войне,— пишет журнал «Нейшн»,— войне между промышленным шпионажем и контршпионажем, не существует приемов, которые можно было бы считать недостойными».

По словам главы международного детективного агентства «Бэрнс» Ховарда Винтера, «в нашу эру высокой конкуренции невозможно существование компаний без разведывательной работы».

Эту войну ведут люди, чьи имена и дела обычно неизвестны широкой публике. Но они и не претендуют на это. Еще меньше это нужно тем, кто их нанимает Есть вещи, которые монополии хранят так же тщательно, как свои производственные секреты!

РАЗГОВОР БЕ

О. КУПРИН

Фото Д. УХТОМСКОГО.

Интересно! Стоит на столе целый цех химического завода! Колонны, емкости, затейливые переплетения трубопроводов, даже лесенки с перильцами. Забавно смотреть, как рождаются такие цеха из крошечных деталей. Я видел, как на стройках мощные краны с трудом поднимают этих крошек, а тут любую можно просто взять рукой, а многотонную емкость уместить на ладони.

Я дал зарок не распространяться особенно о Гулливерах и стране Лилипутии, но именно книга Джонатана Свифта приходит на память, когда попадаешь в царство миниатюрных химических гигантов.

Царство называется «Гипрокаучук». И знаменито оно тем, что здесь предприятия химической промышленности проектируют макетно-модельным методом, или, проще, объемным. Сейчас на институтских столах монтируются одновременно одиннадцать цехов.

Я долго путешествовал от цеха к цеху. Не часто приходится вот так, запросто, побродить по заводам, которых еще нет. Постоять около цеха Омского завода. Шагнуть разок-другой и потрогать насосную станцию в Сумгаите. Еще шаг — и, пожалуйста, бери интервью о технологических тонкостях, которыми когда-то будут хвастаться стерлитамакские химики. Трудно где-либо еще реальнее представить будущее, чем здесь, и увидеть, разглядеть в деталях. И в этом, оказывается, основной смысл нового метода проектирования.

— Вы не задумывались, зачем в театрах делают макеты декораций? — спросил Владимир Наумович Цоглин, руководитель инженерно-методической группы.

Действительно, зачем нужны макеты? Наверное, для того, чтобы иметь представление о всей обстановке, в которой должны произойти события. Декорация — это театральный пейзаж, это тоже художественный образ, создающий у зрителя какое-то настроение. Если есть макет декорации,

— Смотрите, — и ткнул пальцем в чертеж,— идет трубопровод.— Развернул еще несколько листов. — И здесь идет. И здесь... А тут нет. Ну куда он мог деться? Ракетой обернулся и на Марс махнул, не иначе...

— Наверняка виноваты проектировщики, где-то на полпути забыли о трубопроводе,— заметил В. Н. Цоглин.— Знакомая история. На каждом из нескольких сот листов все как будто правильно, а соединил их вместе — получается ерунда. И соединять-то нужно опять-таки в своем воображении. Играть вслепую в шахматы по сравнению с этим — пустяковое занятие. Ошибки в чертежах неизбежны.

Начальник отдела новой техники проектирования Анатолий Сергеевич Шаронов рассказал такую историю. В институте сделали любопытный эксперимент. По готовым рабочим чертежам построили макет одного цеха. Обнаружили около двухсот ошибок и неувязок. На макете их нельзя было не заметить. Устранить — пустяковое дело: сделать небольшую перестановку крошечных деталей, проволочку, изображающую трубопровод, довести до места назначения. Если бы, ошибки обнаружились, когда начались монтажные работы, то вылетели бы на воздух десятки тысяч рублей. Дорого обходятся государству ошибки переводчика с языка плоскостного на объемный — воображения.

А так ли уж необходимо языковое двоевластие? В «Гипрокаучуке» двоевластие похоронили. Чертежи, правда, остались, но их стало куда как меньше, и они до предела упростились. Чертежи теперь — подручные при макете. Проектировщики не разрезают свои идеи на три проекции, а мыслят вполне реальными, объемными конструкциями и прекрасно, без всяких путаников-переводчиков ведут задушевные беседы с монтажниками. Да и друг друга понимают быстрее.

И какие пошли разговоры! Четкие, быстрые. Обычно чертежи одного цеха монтажники и строители изучали два-три месяца, прежде чем приступить к работе. В проектные институты приезжали, чтобы отвести душу, поругаться. И было за что. Теперь беседы проходят, как пишут в газетах, в обстановке дружбы и взаимопонимания. Одну такую встречу вы видите на нашем снимке (справа внизу). В упрощенном виде подобный разговор может звучать примерно так.

— Иван Иваныч (он проектировщик), компрессор тут стоит, конечно, красиво, но практически смонтировать его именно в этом месте трудновато,— говорит Петр Петрович, монтажник.

то легче представить, как пойдет театральное действие.

— А как вы думаете, монтажник сможет представить цех, который надлежит построить, если проектировщики пришлют ему сотни три сложнейших чертежей?

На стройках я часто видел прорабов, которые часами ломали голову над какой-нибудь одной самой незамысловатой линией в чертеже, а потом объясняли монтажникам на пальцах, что и как нужно делать. Если не хватало пальцев, в ход шли спички, папиросы, расчески. Сферическую емкость на строительстве Ферганского завода изображала даже авторучка, которой написан этот репортаж. Я присутствовал на консилиумах инженеров, где выяснялся один-единственный вопрос: что хотел сказать проектировщик? Казалось, что проектировщик и монтажник говорят на разных языках.

Так оно и было. Один говорил языком плоскостного изображения на бумаге. Другой должен был то же самое перевести на язык объемный. Переводчиком служило воображение. Такой переводчик сидит в каждом человеке, но не у каждого он достаточно квалифицированный, особенно если нужно переводить на объемный язык сложнейшие чертежи химических цехов.

Однажды на строительстве нефтеперерабатывающего завода опытный прораб жаловался:

— Хорошо,— отзывается Иван Иванович,— подумаем. Учтем. А что, если мы вот этот трубопровод пустим чуть пониже? Это выгоднее по технологии. Как в смысле монтажа?

Потом непременно вступит в разговор будущий хозяин цеха — эксплуатационник. На макете все видно. Тут не требуется специальной технической подготовки, чтобы понять, удобно будет работать в этом цехе или нет. Эксплуатационник попросит, например, поставить дополнительную площадку к аппарату. И это будет учтено.

И так далее в том же духе. Разговор идет конкретный, быстрый, очень полезный для всех собеседников. Глядишь, за несколько часов решены такие вопросы, на которые раньше нужно было ухлопать недели, а то и месяцы.

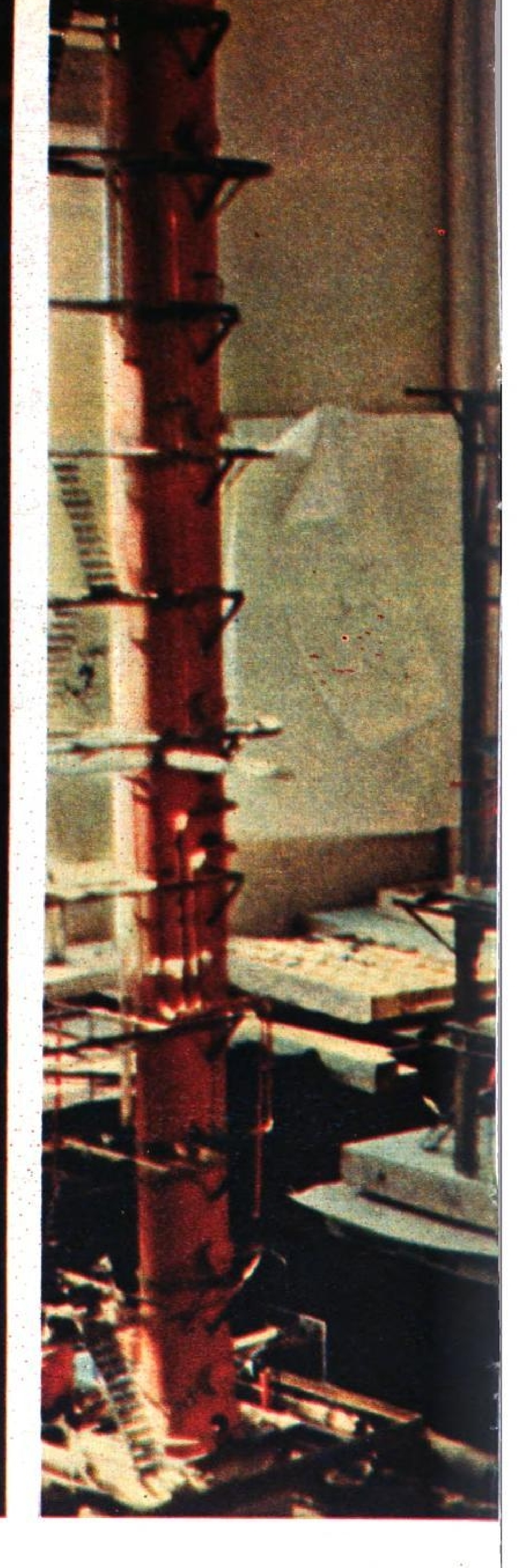
...Опять я хожу мимо цехов, которых еще не существует ни в Омске, ни в Сумгаите, ни в Стерлитамаке. Впрочем, там уже есть примерно такие же, похожие на те, что стоят на столах в «Гипрокаучуке». Те, существующие, очень красивые. Особенно ночью, когда зажигаются на них яркие огни. Эти скоро тоже вспыхнут нарядными фонариками. В институтских коридорах стоят большие ящики, в которых карликовые цеха поедут в далекие и близкие края, чтобы там обернуться химическими гигантами. Это будет скоро. Проектировщики и монтажники учатся говорить на одном языке.

Заместитель начальника механико-технологического отдел
К. И. Свирская и руководитель монтажной группы Е. И. Андр
ева. Их волнует сейчас пятая очередь Омского завода

З ПЕРЕВОДЧИКА

Беседа в обстановке дружбы и взаимопониман

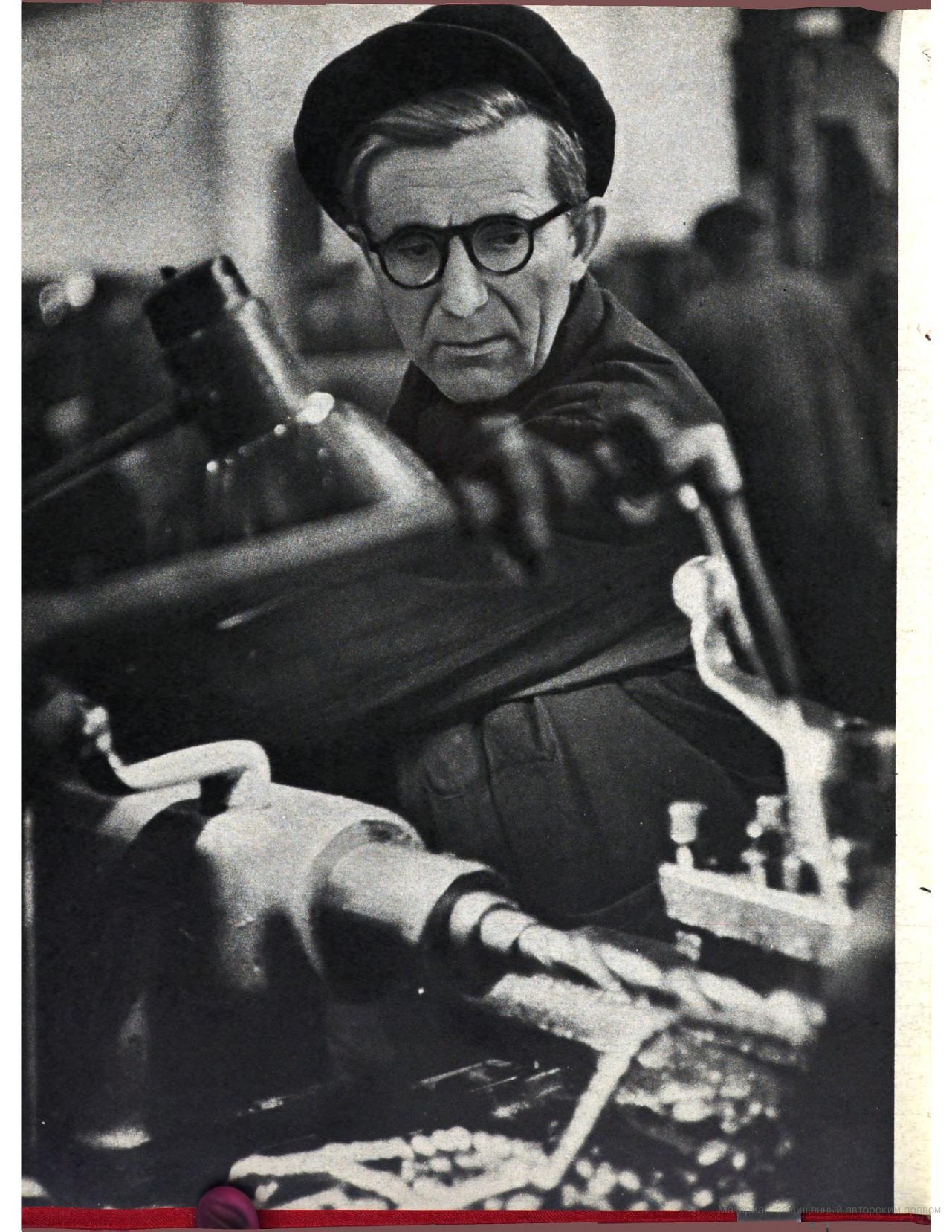

Огни омской химии.

Гулливеры из Гипрокаучука.

← Даже станок поет в музыкальных руках Барсукова.

— Ну, как дела институтские? — спрашивает Барсуков своего «старичка» Анатолия Хоружникова. →

Руки рабочего, сердце музыканта

Борис КУЗЬМИН

Фото автора.

Музыка. Духовой оркестр, торжественное «Славься» Глинки: «Славься, Русь! Славься!..»

В цехе стоят литейщики и кузнецы, токари и слесари, газосварщики и газорезчики. Стоят. И стоя слушают музыку. Это обеденный перерыв.

Сегодня механическому цеху Канашского вагоноремонтного завода в Чувашии вручается заводское переходящее знамя. По такому случаю и происходит концерт.

Взметается и падает тоненькая дирижерская палочка. Дирижер— невысокий пожилой человек в синей рабочей куртке.

— Кто такой?

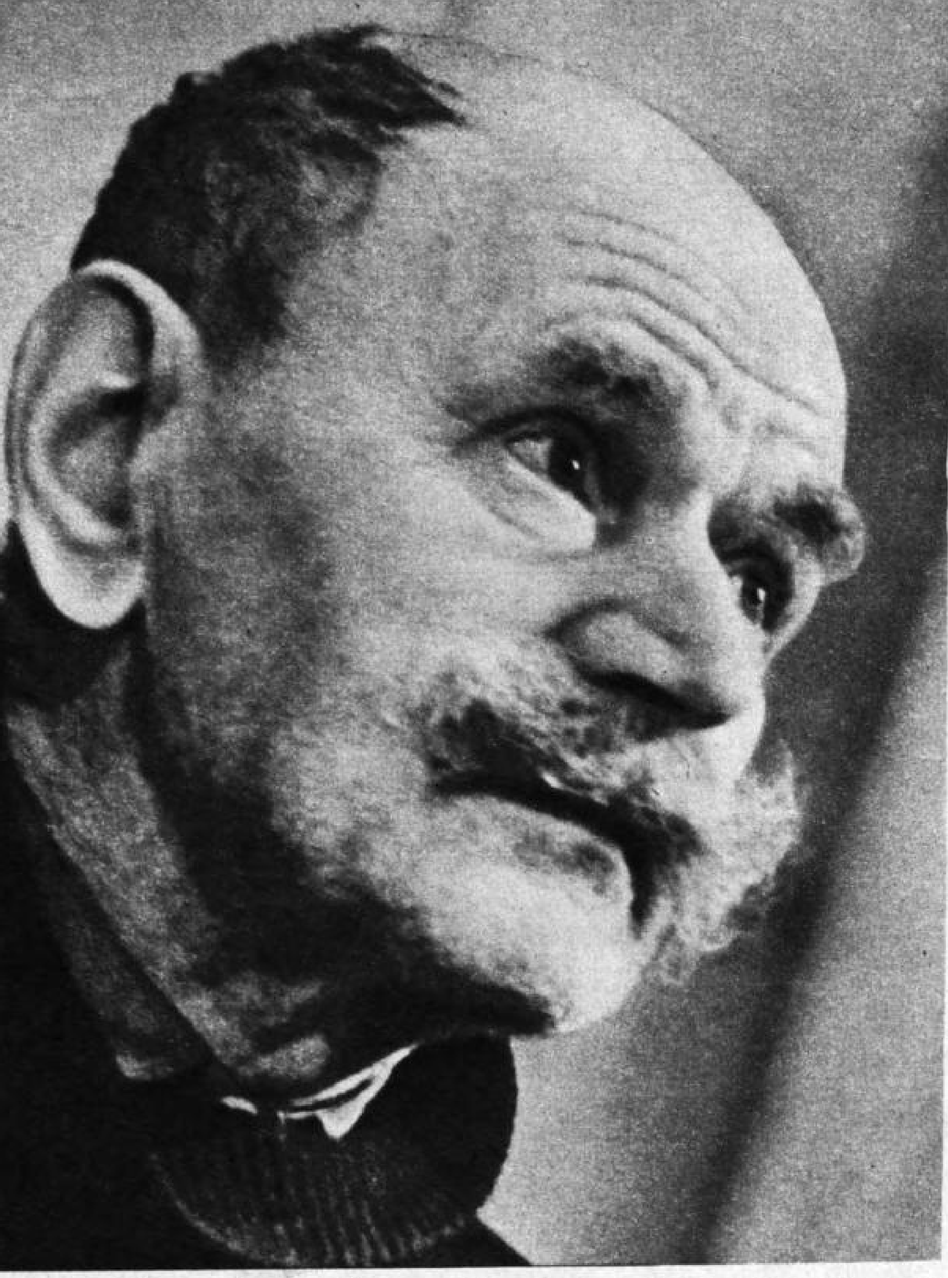
— Помолчи.

Вальс Штрауса. Еще вальс. Потом — Чайковский. Взрыв аплодисментов...

Когда слушатели разойдутся, а оркестранты наденут чехлы на инструменты и тоже займут свои рабочие места, вы можете спросить:

— Так откуда же дирижер?

— Да это наш слесарь! Здесь, в литейном, работает. Николай Лукьянович Барсуков. Между про-

Михаил Иванович Банкович. Без него ни одна репетиция, ни один концерт не проходят...

чим, заслуженный деятель искусств Чувашской республики!..

Барсуков идет к токарному станку: сегодня он не слесарь, а токарь — это его вторая рабочая профессия. Он ударник коммунистического труда. «Руки рабочего, сердце музыканта»,— сказано о нем в газете.

На заводе он более двух десятков лет; четырнадцать лет руководит оркестром.

Принимать оркестр было боязно: ведь специального музыкального образования Барсуков не имел. И завком послал Барсукова в Казань, на курсы руководителей духовых оркестров.

Ежедневно в музыкальной комнате Дворца культуры собираются к шести часам вечера все, кто свободен от работы и учебы. Нестройно звучат трубы. Каждый разучивает свое. Постороннему от такой музыки становится не по себе.

Николай Лукьянович подходит к одному, другому парню и терпеливо ведет по нотным дорожкам. Ребята разные. Больше «старички», играющие в оркестре по восемь—десять лет.

Сегодня они все в сборе, хотя, кроме завода и оркестра, у каждого есть еще институт или техникум. Анатолий Хоружников и Виктор Федоров учатся во Всесоюзном заочном институте инженеров железнодорожного транспорта. Слесарь по оборудованию, первая труба, Анатолий Адеев — студент вечернего техникума.

Тут и совсем юные музыканты...

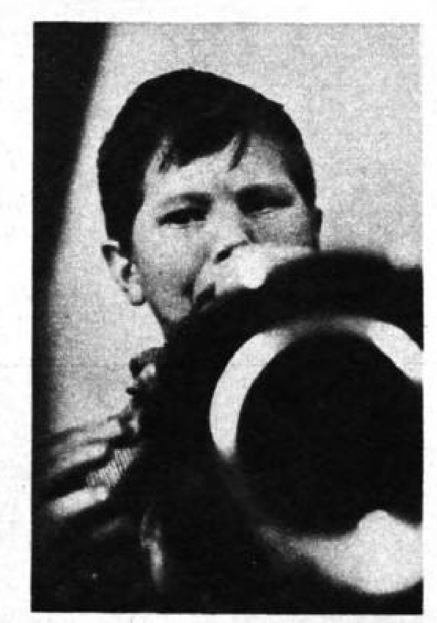
Около двухсот произведений разучил и сыграл рабочий оркестр. В репертуаре — народные и современные песни, чувашская национальная музыка, Глинка, Чайковский, Верди, Бизе...

Играли не только в Канаше. Выезжали в Чебоксары, Казань, Горький. И всегда на смотрах художественной самодеятельности завоевывали первые места.

...Друзья Николая Лукьяновича поздравляют его с почетным званием заслуженного деятеля искусств. А он отвечает: «Это награда всем нам!..»

Руки рабочего, сердце музыканта. Может, и прежде так бывало, что человек труда самозабвенно любил музыку. Но чтобы это увлечение стало деятельной, творческой жизнью, потребовалось другое время. Новое, наше!

Своими руками отвоевал его себе и своим товарищам Николай Барсуков, рабочий Советской страны.

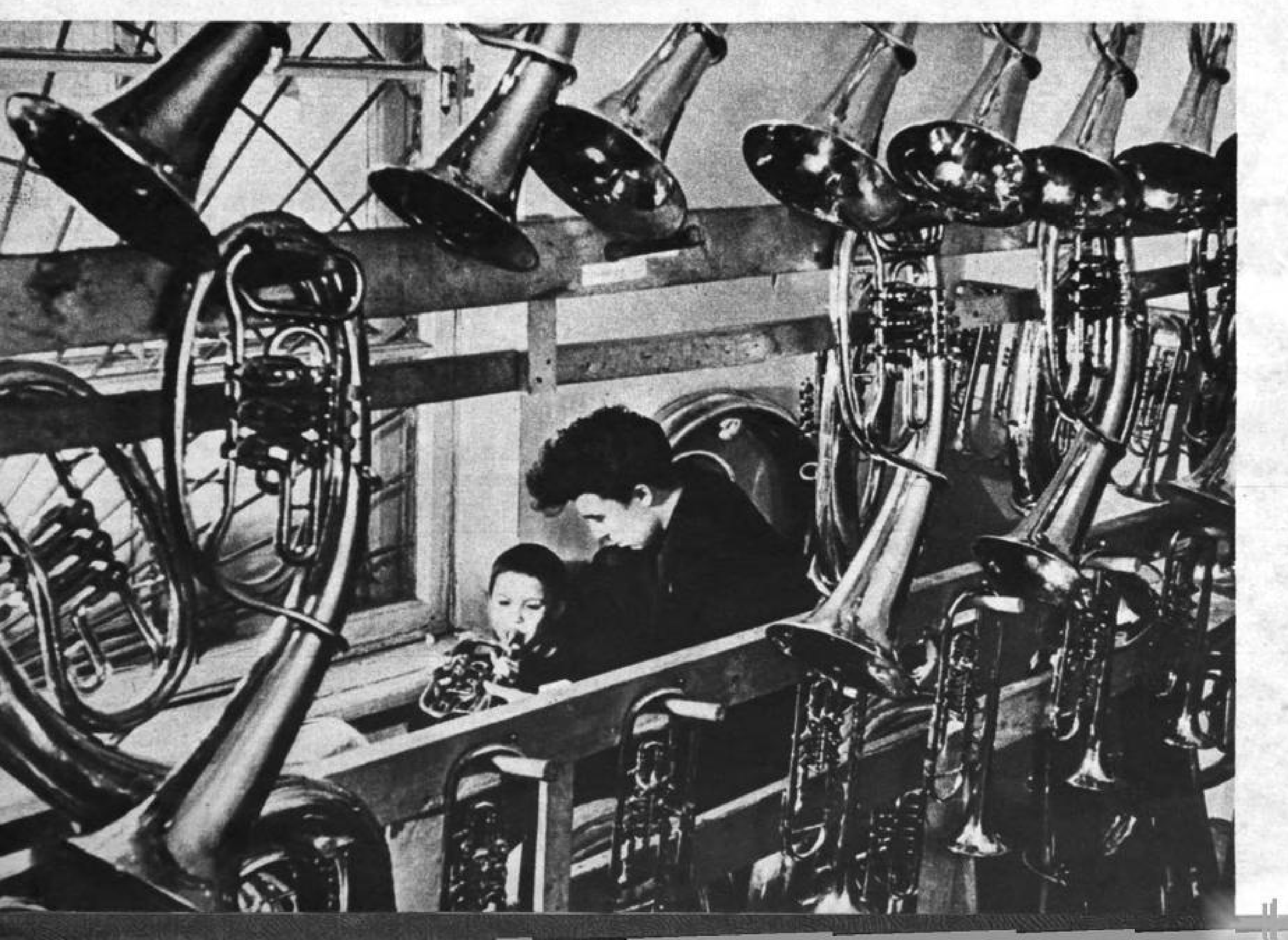

Витя Кириллов — трубач с трехлетним стажем.

Воспитанник Барсукова, слесарь-автоматчик П. Степанов уже сам руководит оркестром в профтехучилище № 2.

Электромонтер Анатолий Лукин играет в оркестре восемь лет, а его братишка Генка только начинает.

→ «Славься, Русь! Славься!»

ДОКУМЕНТЫ О «КРАСНОМ»

Недавно в Центральном государственном военно-историческом архиве СССР обнаружены документы, рассказывающие о приезде Джона Рида в Россию в 1915 году.

Гневные статьи Рида, разоблачающие ужасы империалистических войн, вызывают ненависть и злобу правящих классов, и жизнь в США становится для него невыносимой. Рид решил снова поехать военным корреспондентом в Европу, но правительство Франции отказало ему в визе. Тогда Джон Рид в сопровождении художника Бордмана Робинсона выезжает в Восточную Европу.

Весной 1915 года Рид и Робинсон, рискуя жизнью, переплыли на плоскодонке реку Прут и пробрались в Россию, на Западный фронт.

Перед нами телеграфная лента, тревожный текст сообщения обеспокоенного царского генерала:

«Из штаба Юго-Западного фронта направлены в Петроград англичанин Робинсон и американец Рид — оба журналисты, проникшие из Румынии в Галицию на наш фронт и задержанные в Холме. За нарушение правил посещения фронта вместо предания полевому суду подлежат выезду из России через Владивосток... Во время их путешествия они должны быть под наблюдением...»

Царское командование стремится как можно скорее избавиться от Рида, на документе категорическая резолюция: «Надо разработать способ отправки. 17/VI—15 г.».

«По доставлении в Петроград англичанина Робинсона и американца Рида,— сообщается в следующем документе,— считал бы необходимым предложить им немедленно выехать из Петрограда на Владивосток, воспретив им сношения с окружающими лицами, для наблюдения в пути командировать двух агентов от Петроградского охранного отделения, вменив им в обязанность не допускать названным лицам отправлять с пути корреспонденции, в чем отобрать от Робинсона и Рида подписки».

Рид и Робинсон решают бежать от преследований царских шпиков и отправляются киевским поездом в Румынию.

Документы позволяют проследить все действия охранки. Одна из телеграмм сообщает о выезде Джона Рида через Вильно в Киев, к румынской границе, и здесь же категорическое предписание: «...по повелению Верховного главнокомандующего должны были выехать за границу только через Владивосток. Прошу их задержать и вернуть в Петроград...»

8 июля следует новое повеление Верховного главнокомандующего. Выезд теперь разрешается через румынскую границу и дается категорическое указание «сопровождать их наблюдением».

Кроме переписки, в материалах архива сохранились дневники филеров, державших под наблюдением каждый шаг Джона Рида и Робинсона, остановившихся в Петрограде в гостинице «Англия». В материалах царской охранки они значились под кличками: «Красный» — Джон Рид и «Бордовый» — Робинсон.

В заключение переписки Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в Петрограде доносит, что «...великобританский подданный Бордман Робинсон и американский гражданин Джон Рид 9-го сего июля с поездом в 11 час. вечера из Петрограда выбыли за границу... Под наблюдением филеров Отделения и, как уведомил начальник Витебского губернского жандармского управления телеграммой от 10-го сего июля за № 147, названные иностранцы им приняты в гор. Витебске и отправились дальше под наблюдением филеров вверенного ему Управления».

Возвратился Джон Рид в Россию уже после свержения самодержавия.

О. НИКИТИНА,
Р. ФЕДОТОВА,
старшие научные
сотрудники ЦГВИА СССР

ЖИВЕТ В СЕЛЕ СЕМЬЯ...

На днях я получил письмо и фотографию: десять ребятишек, муж и жена. Посмотрит иной и скажет: эка невидаль! Бывает и больше.

Бывает. И все же мне хочется, чтобы об этой семье, а вернее, об Анатолии Пузыч и Анне Несговоровой, вырастивших десятерых детей, знали у нас в стране.

...Не так давно Анатолий Пузыч получил письмо из Советского комитета ветеранов войны. «Дорогие друзья, Анатолий и Аня! Извините меня, что так просто обращаюсь к вам. Я прочитал повесть о вас «Я люблю тебя, жизнь» и горжусь вами. У вас необычная судьба, но вы замечательные советские люди. На вашу долю выпала большая тяжесть, но вы сумели найти в себе силы и, как видно, после многих физических и душевных испытаний приобрели уверенность в жизни и поддержку друг в друге. Я рад, что вы живете хорошо, что у вас большая и дружная семья.

От всего сердца желаю вам всего самого наилучшего, передавайте привет от меня вашим ребятам.

С уважением А. Маресьев».

Это письмо хранится в семье вместе с другими письмами, которые приходят из разных концов страны. Идут и посылки: игрушки для детей и книги для библиотеки, которой заведует Анатолий.

Так что же это за люди — Анатолий и Аня, живущие в селе Темта, Уренского района, Горьковской области?

Они познакомились в бакинском госпитале в 1945 году. Боец морской пехоты Анатолий и разведчица-связистка Аня. Молодые люди полюбили друг друга и решили пожениться и жить в Темте, откуда была родом Аня.

С помощью соседа Федора Малышева Анатолий осушил болотистый луг возле своего дома и задумал разбить на нем сад. Скептики пророчили неудачу: земля здесь, кроме ржи да картофеля, ничего не родит...

Анатолий выписал книги по садоводству, раздобыл саженцы, удобрения, а спустя несколько лет и маловеры лакомились фруктами. Каждого в селе оделил Анатолий саженцами из своего сада. А на околице плодоносит общественный сад, выращенный по почину и с участием этого неугомонного человека..

Мы сидим с Анатолием на крыльце библиотеки, которой он заведует. Вечереет. В клуб идут люди. Сегодня очередное занятие народного университета культуры. Пузыч — председатель совета университета.

— Очень стоящее дело, — рассказывает Анатолий,— говорим здесь о музыке, литературе, живописи. И о делах колхозных тоже не забываем. Колхозные инженеры лекции о новинках производства читают. Потом обязательно киножурнал, чтобы сразу люди видели, как внедрять у себя...

Я слушаю Анатолия и вспоминаю, как в первые послевоенные годы Пузыч организовал ребятню на сбор ракушек из речки, чтобы подкармливать птицу. А за электродвигателем ездил к самому министру сельского хозяйства.

Казалось бы, какое дело инвалиду-библиотекарю до колхозных забот? Своих хватало: почти каждый год по ребенку появлялось. Сад, огород тоже требовали ухода. Но в том-то и сила характера Анатолия, что не мог он оставаться в стороне.

Узнал от жены, что односельчанка Шура Грязнова начала слепнуть, пошел в сельсовет, настоял, чтобы отправили девушку в Одессу. Сам вместе с Шурой поехал, добился приема у профессора В. П. Филатова.

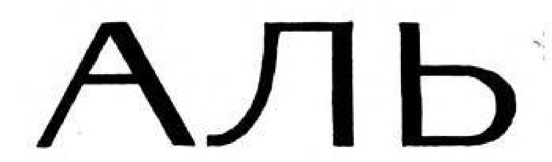
Жаловалась молодежь на скуку. Анатолий хор сколотил, да такой, что первые места на областных смотрах завоевывали голосистые темтовские доярки.

А семья росла. Тесно стало в старом доме. Задумал строиться Анатолий. Узнали об этом в райцентре. Помогал почти весь район. Курсанты училища механизации за лето возвели вместительный дом.

Что еще сказать об Анатолии и Анне? Хоть и лишились они оба на войне ног, но не чувствуют они себя обездоленными, живут большой, полнокровной жизнью. Потому-то и любят их люди.

Виктор ИЛЬИН

9

Непрестанно ощущая тревогу, Иван оглядывался и вслушивался, боясь, чтоб немцы не пустили собак, но время шло, а кругом было тихо. Тогда возникла уверенность, что австриец их все же не выдал, а мотоциклисты их следов не нашли и пока оставили беглецов в покое. К тому же, видимо, они забрали труп сумасшедшего,— было с чем возвратиться в лагерь. От таких мыслей тревожное возбуждение постепенно улеглось, уступив место другим заботам и помыслам.

Выйдя из-за поворота, они увидели, что приютившая их расселина оборвалась, упершись в крутую скалу. Надо было вылезать наверх — на голые, открытые ветру скалы.

Иван повернул на крутой склон, вскарабкался почти до самого верха и, опустившись на одно колено, подождал Джулию. Она лезла несколько медленнее, опустив голову; Иван оперся ногой о выступ, подал ей руку. Девушка вцепилась в нее своими мягкими холодными пальцами, и он потащил ее вверх.

Они выбрались на голый каменистый гребень. В грудь им ударил упругий ветер, сверху нахлынули, обволокли все вокруг рваные клочья тумана, закрыли небо, словно холодным паром окутали их. Правда, туман не был сплошным — в редких его разрывах там и сям мелькали мрачные скалы, далекие синеватые просветы, но рассмотреть местность было нельзя. Тогда они остановились. Джулия прислонилась плечом к выступу скалы, ветер рвал ее одежду, трепал волосы. Стало еще холоднее. Иван развернул на земле потертую тужурку, вынул из нее хлеб и шагнул к Джулии.

— О, нон... Нет! Я тепло,— сверкнула она на парня оживившимися вдруг глазами и вскинула навстречу руку.

Иван молча накинул на худые, острые плечи куртку, девушка, закутавшись в нее, зябко съежилась, вобрала в воротник голову. Он присел рядом.

— Иль панэ — хляб! — поняв его намерение, сказала она и проглотила слюну.

Он сперва осмотрел буханку, прикинул на руке, будто определяя вес и ту самую минимальную норму, которую они могли позволить себе в этот раз, и вздохнул: уж очень мизерной оказалась она. Джулия опустилась на землю. Боясь раскрошить буханку, Иван не стал отламывать от нее, а поднял острый обломок камня и, примерившись, начал осторожно отрезать кусочек. Девушка с каким-то радостным умилением в глазах покорно следила за движениями его пальцев, глядя, как он режет и как делит отрезанное, отламывая от одной половины и прибавляя к другой.

— Хорошо?

— Си, си. Карашо.

Иван еще раз подравнял куски и лишь тогда сказал девушке:

— А ну, отвернись.

Она поняла, быстро повернулась, и он прикоснулся пальцем к кусочку с добавкой.

— Кому?

— Руссо! — с готовностью сказала она и обернулась.

Иван бережно взял маленький кусочек, чуть быстрее схватила свой она.

— Гра... Спасибо, руссо.

— Не за что,— сказал Иван.

— Руссо! — торопливо жуя и кутаясь в тужурку, позвала Джулия.— Как имеется твой имя? Иван, да?

Продолжение. См. «Огонек» №№ 12, 13.

ПИЙСКАЯ

Повесть

Василь БЫКОВ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

— Иван,— слегка удивившись, подтвердил он.

Она заметила его удивление и, откинув голову, засмеялась.

— Иван! Джулия угодаль! Как ето угодаль?

— Нетрудно угадать.

— Все, все руссо — Иван? Правда?

— Не все. Но есть. Много.

Она оборвала смех, устало вздохнула, крепче запахнула тужурку и незаметно поглядела на остаток буханки. Иван, медленно доедая свой кусок, заметил ее красноречивый взгляд и взял буханку, чтобы сунуть ее за пазуху. Но не успел он расстегнуть куртку, как Джулия вдруг вскрикнула и в изумлении застыла на месте.

Поодаль в прогалине, опершись на расставленные руки, сидел на скале страшный хефтлинг. Лысый череп его на тонкой шее торчал из широкого воротника полосатой куртки, на которой чернел номер и метка, а темные глазницы-провалы, будто остановившись, неотрывно глядели на них. Увидев в руках Ивана хлеб, он встрепенулся и, подпрыгивая на месте, начал хрипло выкрикивать:

— Брот! Брот! Брот!

Потом вдруг оборвал крик, поежился и полным отчаяния голосом потребовал:

— Гиб брот!

— Хе, захотел чего! — саркастически усмехнулся Иван, глядя на него.

Сумасшедший несколько секунд выждал и с неожиданной злобой начал кричать:

— Гиб брот! Гиб брот!.. Их бешайнэ гестапо!.. Гиб брот! [1]

— Ах, гестапо! — Иван поднялся на ноги.— А ну марш отсюда! Живо!

Он угрожающе двинулся к безумцу, но не успел сделать и нескольких шагов, как тот соскочил со скалы и с удивительной ловкостью отбежал вниз.

Заметив на лице девушки тревогу, Иван бросил:

— Никуда он не пойдет. Врет все.

Он успокаивал ее, но сам уверенности в этом не испытывал. Черт знает, от каких только субъектов зависит жизнь человека! Вот ведь больной, а выжил, прорвался в горы, ускользнул от облавы, убежал из-под пуль, разве удалось бы это кому-нибудь стоящему? А этот жив и еще замахивается на жизнь других. Они уже двинулись было в обход огромного выступа, когда Иван оглянулся и сунул руку за пазуху. Джулия также посмотрела назад, но сумасшедшего нигде не было видно. И все же Иван достал кусок хлеба, вернулся и, поискав удобное место, положил его на камень, у которого они недавно сидели.

— Ладно! Пусть подавится! — будто оправдываясь, проговорил он.

Джулия согласно молчала, хотя она слишком хорошо знала, что такое предательство.

---

[1] Дай хлеба! Дай хлеба!.. Я донесу в гестапо!.. Дай хлеба! (Н е м.)

10

Ветер гнал и гнал бесконечные космы тумана, куртка на Иване отсырела, дрожь то и дело сотрясала тело.

Вскоре они обошли гигантский выступ, взобрались выше. Вдруг туманное облако перед ними разорвалось, и беглецы увидели впереди голый каменный склон и взбегавшую на него тропку. Вверху, в высоком затуманенном небе, горел освещенный солнцем пятнистый, густо заснеженный хребет.

Задрав голову, Иван с минуту всматривался вверх, в этот порог на их пути в будущее, страстно надеясь, что погони больше не будет, что самое страшное они преодолели, что люди уже не встретятся на их пути,— теперь им противостояла только природа, для борьбы с которой нужна была лишь сила и выносливость. Затем посмотрел на притихшую спутницу, которая, будто зачарованная суровым величием гор, также вглядывалась в снежные хребты. И тогда, пожалуй, впервые у него появилась тихая радость оттого, что перед грозной неизвестностью природы он не одинок, что рядом есть человек. Почувствовав душевное удовлетворение, он с легким сердцем произнес любимое с детства слово:

— Айда!

Вряд ли она знала это слово, но поняла его и подхватила:

— Айда!

И они пошли по тропке, что опоясывала голый скалистый косогор. Вверху, в разрывах тумана, неудержимо ярко блеснуло низкое солнце, под его лучами клочья облаков преобразились и ослепительной белизной засияли на склонах гор; по скалам и безднам быстро помчались черные лоскутья теней и, чередуясь с ними, яркие пятна света. Ветер не утихал. Джулия подняла кожаный воротник тужурки. Иван взглянул вниз и остановился: на том месте, где они сидели недавно, топтался безумный хефтлинг.

— Гляди ты — привязался!

— Траджико человек,— сказала Джулия.— Пеккато — жалко!

— Чего жалеть? Сволочь он.

— Он хочет руссо идет. Но руссо бёзе. Он бояться.

— И правильно делает,— коротко заметил Иван.

Он двинулся дальше, мысленно отмахнувшись от сумасшедшего, хотя иметь сзади такой хвост было не очень приятно. Но что поделаешь с больным — и отогнать не отгонишь и убежать некуда. Придется, видно, потерпеть до ночи.

— Иван,— сказала девушка, делая ударение на «и».— Ты не имель зло Джулия?

— А чего мне злиться?

— Ты нон бёзе?

— Можешь не бояться.

— Нон бояться, да? — улыбнулась она.

— Да.

Однако улыбка скоро сбежала с ее усталого лица, которое стало сосредоточенным, видимо, отразив невеселый ход ее мыслей.

— Джулия руссо нон бояться. Джулия снег бояться.

Иван вздохнул: в самом деле, снег и такой скудный запас хлеба все больше начинали беспокоить его. Он подумал, что надо было у лесника взять еще что-нибудь и обязательно обувь: ведь с голыми ногами было глупо лезть в такой снег. Вначале они, конечно, не думали, что доберутся до снежных вершин,— тогда счастьем казалось ускользнуть от облавы. Утешать, уговаривать спутницу он не хотел, только сказал:

— Куртка у тебя есть. Чего бояться? Манто не жди.

Девушка вздохнула и, помолчав, вспомнила с грустью:

— Рома Джулия много манто имель. Фир манто — черно, бело...

Он насторожился и замедлил шаг.

— Что — четыре манто?

— Я. Фир манто.

— Ты что, богатая?

Она засмеялась.

— О, нон богата. Бедна. Политише хефтлинг.

— Ну, не ты — отец. Отец твой кто?

— Отец?

— Ну да, фатер. Кто он?

— А, ла падрэ! — поняла она.— Ла падрэ — коммерсанто. Диретторе фирма.

Он тихо присвистнул: ну и ну! «Не хватало еще, чтобы этот фатер оказался фашистом, вот была бы прогулочка по Альпам!» — подумал он и резко обернулся.

— Фатер фашист?

— Си, фашисто,— просто ответила Джулия, живо взглянув в его посуровевшие глаза.— Командор милито.

— Еще лучше!

Он сошел на край тропки, дал девушке поравняться с собой и впервые с интересом оглядел ее стройную фигурку. Она покорно и преданно посматривала на него, руки держала сцепленными в рукавах тужурки и привычно постукивала по тропке своими неуклюжими клумпесами.

— А ты что ж... тоже, может, фашистка? — с внутренней настороженностью спросил Иван.

Девушка, наверно, почувствовала плохо скрытое подозрение и кольнула его глазами.

— Джулия фашиста?! Джулия коммуниста! — объявила она с упреком и с чувством достоинства.

— Ты?

— Я!

— Врешь! — после паузы недоверчиво сказал он.— Какая ты коммунистка?

— Коммуниста. Си. Джулия коммуниста.

— Что, вступила? И билет был?

— О, нон. Формале нон. Моральмэнтэ коммуниста.

— А, морально!.. Морально не считается.

— Почему?

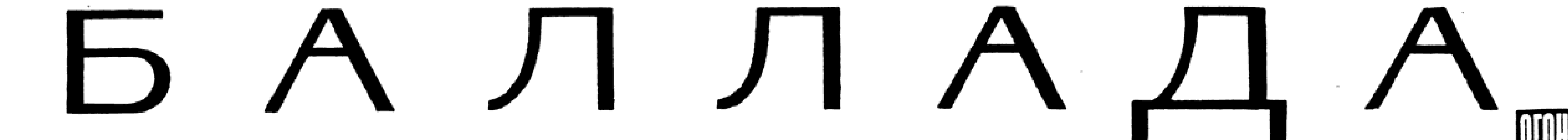
— У нас тогда считается, когда билет дадут.

— А, Русланд? Русланд иначе. Я понимайт.

— Ну, конечно. У нас не то, что у вас, буржуев.

— Советика очен карашо. Эмансипационе. Либерта. Братство. Да?

— Ну.

— Это очэн, очэн карашо,— проникновенно говорила она.— Джулия очэн, очэн уважаль Русланд. Нон фашизм. Нон гестапо. Очэн карашо. Иван счастлив свой страна, да? — Она по тропке подбежала к нему и обеими руками обхватила его руку выше локтя.— Иван, как до война жиль? Какой твой дэрэвня? Слюшай, тебя синьорина, девушка любиль? — вдруг спросила она, испытующе заглядывая ему в глаза.

Иван отвел глаза, но руки не отнял: от ее ласковой близости у него вдруг непривычно защемило внутри.

— Какая там девушка! Не до девчат было.

— Почему?

— Так. Жизнь не позволяла.

— Что, плёхо жиль? Почему?

Он вовремя спохватился, что сказал не то: о своей жизни он не хотел говорить.

— Так. Всякое бывало.

— Ой, неправдо, неправдо!— Она хитро скосила на него быстрые глаза.— Любиль много синьорино.

— Куда там!

— Какой твой провинция? Какой место ты жиль? Москва? Киев?

— Беларусь.

— Беларусь? Это провинция такой?

— Республика.

— Республика? Это карашо. Италия монархия. Монтэ, горы ест твой республика?

— Нет. У нас больше леса. Пущи. Реки, озера. Озера самые красивые,— невольно отдаваясь воспоминаниям, заговорил он.— Моя деревня Терешки как раз возле двух озер. Когда в тихий вечер взглянешь — не шелохнутся. Словно зеркало. И лес висит вниз вершинами. Ну, как нарисованный! Только рыба плещется. Щуки — во!

Растревоженные воспоминанием мысли упрямо цеплялись за далекий родной край, и теперь в этом диком нагромождении скал ему стало так невыносимо тоскливо, как давно уже не было в плену. Она, видно, почувствовала это, когда он умолк, попросила:

— Говори еще. Говори твой Беларусь.

Солнце к тому времени опять скрылось за серыми облаками. На гладкий косогор надвинулась стремительная тень, дымчатые влажные клочья быстро понеслись поперек склона.

Сначала не очень охотно, часто прерываясь, будто заново переживая давнишние впечатления, он как о чем-то далеком, дорогом и необыкновенном начал рассказывать ей об усыпанных желудями дубравах, о бобровых хатках на озерах, о прохладном березовом соке и целых рощах ароматной черемухи в мае. Давно он не был таким говорливым, давно так не раскрывалась его душа, как сейчас,— он просто не узнавал себя. Да и она с ее неподдельным интересом ко всему родному для него сразу стала ближе, будто они были давно знакомы и только сейчас встретились после долгой нелегкой разлуки.

Наконец он замолчал. Она медленно высвободила его руку и спокойно спросила:

— Иванио, твой мама карашо?

— Мама? Хорошая.

— А ла падрэ — отец?

Она мечтательно поглядывала на склон и не заметила, как дрогнуло его мгновенно помрачневшее лицо.

— Не помню.

— Почему? — удивилась она.

— Умер отец. Я еще малый был.

— Морто? Умиор?

Джулия зашла сбоку, ожидая, что он скажет что-то важное, но он уже не хотел ни о чем говорить.

11

Они долго молча взбирались по склону. Между тем на величественные громады гор спустился тревожный ветреный вечер. Горы начали быстро темнеть, сузились и без того сжатые тучами дали; исчез серебристый блеск дальнего хребта, туманное марево без остатка поглотило его. На фоне чуть светлого неба чернела ближняя вершина, а за ней — другая, пониже. В седловине, вероятно, был перевал, туда и вела тропа.

Обычно вечер угнетающе действовал на Ивана. Ни днем, ни ночью, ни утром он не чувствовал себя так тоскливо, так тревожно и тягостно, как при наступлении сумерек.

— Иванно!..— неожиданно позвала сзади Джулия.— Иванно!

Иван вздрогнул и остановился.

Ничего больше не говоря, Джулия молча плелась меж камней, и он без слов понял, в чем дело.

— Иванно,— сказала, подойдя, Джулия.— Очен, очен уставаль.

Он переступил с ноги на ногу — ступни болели, саднили, но теперь он старался не замечать этого и озабоченно посмотрел на Джулию.

— Давай как-нибудь... Видишь, хмурится.

Из-за ближних вершин переваливалась, оседая на склонах, густая темная туча. Небо постепенно гасило свой блеск, тускло померцала и исчезла в черной мгле крошечная одинокая звезда.

— Почему нет перерваль? Где ест перерваль?

— Скоро будет. Скоро,— обнадеживал девушку Иван, сам не зная, как долго еще добираться до седловины.

Вскоре совсем стемнело, громады скал слились в одну непроглядную массу, черное беспросветное небо сомкнулось с горами. Стало так темно, что Иван то и дело начал оступаться, несколько раз больно ушиб ногу, и тогда впервые им овладело беспокойство: где тропа? Он нагнулся, внимательно вгляделся, попробовал нащупать тропу ногами, но кругом были одни камни, и он понял, что они заблудились.

Выпрямившись, он отвернулся от ветра и стал ждать, пока подойдет девушка. Когда она доковыляла до него, Иван бросил: «Постой тут»,— а сам пошел в сторону. Джулия сразу опустилась на землю и скорчилась от холода. Он же, сдерживая в душе тревогу, отошел еще дальше, глядя внимательно под ноги,— тропы не было. Постепенно в воздухе что-то замерцало, он протянул руку и понял: это пошел снег. Мелкая редкая крупа косо неслась из ветреной черной мглы, понемногу собираясь в ямках и щелях. Иван стоял, вглядываясь в темноту и напряженно думая, что делать дальше. Снег, однако, сгустился, внизу постепенно белело, и вдруг он увидел неподалеку извилистую тропу.

— Эй, Джулия! — тихо позвал он.

Она не ответила, и он, выругавшись про себя, с неохотой, осторожно ступая на мокрые холодные камни, пошел туда, где оставил ее.

Джулия сидела на камне, скорчившись в три погибели, прикрыв колени тужуркой. Она не отозвалась, не подняла головы при его приближении, и он, предчувствуя недоброе, остановился перед ней.

— Конец, Иванно!—тихо проговорила она, не поднимая головы.

Он промолчал.

— Как это конец? А ну, вставай!

— Нон вставай.

— А ну, поднимайся! Еще немного — и перевал. А вниз ноги сами побегут.

— Финита[1]. Джулия нон марш. Нон.

— Понимаешь, нельзя тут оставаться. Закоченеем. Видишь, снег.

Как заставить ее идти? Подумав немного, он достал из-за пазухи помятую краюшку хлеба и, отвернувшись от ветра, бережно отломил кусочек мякиша.

— На вот хлеба.

Джулия встрепенулась, сразу подняла голову. Он сунул ей в руки кусочек, и она быстро съела его.

— Еще хляб!

— Нет, больше не дам.

— Малё, малё хляб. Дай хляб! — как дитя, жалобно попросила она.

— На перевале получишь.

— Нон перевал!

— Какой черт нон?— вдруг закричал Иван, стоя напротив.— А ну, вставай! Ты что надумала? Замерзнуть? Кому ты этим зло сделаешь? Немцам? Или ты захотела им помочь: в лагерь вернуться.

— Нон лагерь!

— Не пойдешь в лагерь? Куда же ты тогда денешься?

Она замолчала и снова поникла.

— Замерзнешь же! Чудачка! Загнешься к утру,— смягчившись, сказал он.

Хотя снег был мелкий, все вокруг постепенно светлело. Без движения, однако, тело быстро остывало и содрогалось от стужи.

— А ну, вставай! — Иван рванул ее за тужурку и по-армейски сурово скомандовал:— Встать!

Джулия, помедлив, поднялась и тихо поплелась за ним, хватаясь за камни, чтобы не упасть. Иван, насупившись, медленно шел к тропе. Он уже начал думать, что все как-нибудь обойдется. Вдруг уже возле самой тропы сильный порыв ветра стеганул по лицам снежной крупой и так ударил в грудь, что они задохнулись, а Джулия упала.

Иван попытался помочь ей, взял девушку за руку, но она не вставала, закашлялась и долго не могла отдышаться. Наконец, сев на камень, тихо, но твердо, как об окончательно решенном, сказала:

— Джулия финита. Аллес! Иванно — Триесте. Джулия — нон Триесте.

Иван отошел в сторону и тоже сел на выступ скалы.

— А еще говорила, коммунистка,—упрекнул он.— Паникер ты!

— Джулия нон паникор!— загорячилась девушка.— Джулия партиджяно.

— Так что, пошли?

— Нон!

— Ну какого черта? — весь дрожа от холода, начал терять терпение Иван.— Замерзнешь же, глупая. Стоило убегать! Столько лезть под самое небо?!

[1] Конец (итал.).

Она молчала.

— На кой черт тогда они себя подорвали! — сказал он, вспомнив погибших товарищей.— Надо, чтоб хоть кто-нибудь уцелел. А ты уже и скисла. Так не пойдешь?

— Нон, Иванно.

— Ну, как хочешь. Пропадай,— сказал он и тут же потребовал: — Снимай тужурку.

Она слабо зашевелилась, сняла с себя тужурку, положила ее на камень. Потом сбросила с ног колодки и поставила их перед ним. Иван застывшей ногой отодвинул колодки в сторону.

— Оставь себе... в лагерь бежать.

Он напялил на свои широкие плечи тужурку, запахнулся, сразу стало теплей. Иван чувствовал, что между ними что-то навсегда рушится, казалось, будто она в чем-то обманула его. И все же он не мог не понимать, что Джулии было очень трудно и что она по-своему была права, так же, как в чем-то был несправедлив он. Иван чувствовал это, и его злость невольно утихала.

Он сделал шага два по тропинке и повернулся к ней.

— Что ж, прощай!

— Чао! — сжавшись на камне, тихо и совсем безразлично сказала она.

Это слово сразу напомнило ему их вчерашнюю встречу, и радостный блеск в ее сверкающих глазах, и ее безрассудную смелость под носом у немцев, и Ивану стало не по себе.

Он торопливо взбежал на крутизну, будто спеша отрешиться от мыслей о ней, но совладать со смятением своих чувств так и не смог. Джулия едва заметным пятном темнела на склоне. И ее покорная беспомощность перед явной гибелью вдруг сломала недавнее его намерение. Иван, сам того не желая, обернулся и побежал вниз. Джулия, услышав его, вздрогнула и испуганно вскинула голову.

— Иванно?

— Я.

Видимо, догадываясь о чем-то, она насторожилась.

— Почему?..

— Давай клумпесы!

Она покорно вынула из колодок ноги, и он быстро натянул на свои застывшие ступни эту немудреную обувь. Затем скинул с себя тужурку.

— На. Надевай.

Все еще не вставая с места, она быстро запахнулась в тужурку. Он схватил ее, вскинул на плечо, она рванулась, как птица, затрепетала, забилась в его руках, что-то заговорила, а он, не обращая на это внимания, передвинул ее за спину и руками ухватил под колени. Она вдруг перестала биться, притихла, торопливо обвила его шею руками, и он ощутил на щеке ее теплое дыхание и горячую каплю, которая, защекотав, покатилась ему за воротник.

— Ну, ладно. Ладно... Как-нибудь...

12

Сначала он не чувствовал тяжести ее маленького тела. Но скоро порыв его все же ослабел, появилось желание остановиться, выпрямиться, вздохнуть. Правда, зато согрелся, разгоряченному телу нипочем стал горный ветер, внутри тоже горело.

Перевал, пожалуй, был близко: подъем постепенно выравнивался, тропинка уже не петляла по заснеженному скалистому взлобью, справа возвышалось что-то серое, очевидно, громада другой горы, значит, они добрались уже до седловины. Ветер по-прежнему безумствовал в своей неуемной ярости, вокруг, будто в невидимой гигантской трубе, выло, стонало, даже звенело,— впрочем, звенело, возможно, в ушах.

Надо было отдохнуть, но Иван чувствовал, что если присядет, то больше уже не поднимется. И он брел час или больше, медленно поднимаясь по извилистой тропке. Только бы хватило силы, он согласен нести ее так, покорно припавшую к нему, далеко, далеко.

Когда уже стали подкашиваться ноги и он испугался, что упадет, из снежной, мятущейся мглы выплыл огромный черный обломок скалы. Иван направился к нему. Джулия молчала, крепко прижимаясь щекой к его шее. Возле камня Иван повернулся и прислонил к нему девушку. Руки ее под его подбородком раз-

нялись, плечам стало свободнее, и только тогда он почувствовал, какая она все же тяжелая.

— Ну, как? Замерзла?

— Нон, нон.

— А ноги?

— Да,— тихо сказала она.— Ноги, да.

Все время она казалась необычно тихой, будто в чем-то виноватой перед ним. Он чувствовал это, и ему хотелось успокоить ее.

Не оборачиваясь, Иван нащупал руками ее ноги, они совсем окоченели — были холоднее, чем пальцы его рук. Он удобнее посадил ее на камень и набрал с земли пригоршню снежной крупы.

— А ну, давай разотрем.

— Нон, нон.

— Давай, чего там нон,— незлобиво, но настойчиво сказал он, взял одну ногу, зажал ее в своих коленях, как это делают кузнецы, подковывая лошадей, и стал тереть ее снегом. Джулия дернулась, заохала, застонала, а он засмеялся.

— Ну что? Щекотно?

— Болно! Болно!

— Потерпи. Я тихо.

Как можно бережнее он растер ее маленькую, почти детскую стопу, потом принялся за другую. Сперва девушка стонала, ойкала, потом, однако, притихла.

— Ну как, тепло? — спросил он, выпрямляясь.

— Тепло, тепло. Спасибо.

— На здоровье.

Она укутала ноги полами тужурки, а он, на минуту прислонившись спиной к настывшему камню, выровнял дыхание. Но без движения сразу стало холодно, ветер насквозь пронизывал его легкую куртку, почти не державшую тепла.

— Хлеба хочешь? — спросил он, вспомнив их прежний разговор внизу.

— Нон,— сразу же ответила она.— Джулия нон хляб. Иванио эссен хляб.

— Тогда побережем. Пригодится,— сказал Иван, и они почти одновременно проглотили слюну.

Чувствуя, что замерзает, он с усилием заставил себя встать и подставил ей спину.

— Ну, берись!

Молча, с готовностью она обхватила его за шею, прижалась, и ему сразу стало теплее.

— Иванио,— тихо сквозь ветер сказала она, дохнув теплом в его ухо.— Ду вундершон [1].

— Ну, какой там вундершон!

Однако она уже несколько освоилась у него на спине, чувствуя к себе его расположение, и спросила:

— Руссо аллес, аллес вундершон! Да?

— Да, да,— согласился он, так как говорить о себе не привык, к тому же тропинка, казалось, вот-вот выведет их на пологое место, и он хотел одолеть крутизну как можно быстрее.

— Правда, Иванио хотель пугать Джулия? Да? Иванио нон бросат?

Он смущенно усмехнулся в темноте и с уверенностью, в которую сам готов был поверить, сказал:

— Ну, конечно...

— Тяжело много, да?

— Что ты! Как пушинка.

— Как это — пушинка?

— Ну, пушок. Такое маленькое перышко.

— Это малё, малё?

— Ну!

Гибкие тонкие пальцы ее вдруг погладили его по груди, и он слегка вздрогнул от неожиданной ласки.

— Ты научит меня говорить свой язик?

— Белорусский?

— Да.

Он засмеялся: такой странной показалась ему сейчас эта просьба.

— Обязательно. Вот придем в Триест и начнем.

Эта мысль вдруг вызвала в нем целый рой необыкновенно радостных чувств. Неужто и в самом деле им посчастливится добраться до Триеста, найти партизан? Если бы это случилось, они бы ни за что не расстались: пошли бы в один отряд. Как это важно на чужой земле: близкий человек рядом! Только теперь, пробыв с нею эти два дня, он почувствовал, как одиноко прожил все годы войны,— солдатская дружба все же была совсем иной. Ее теплота и участие чем-то напоминали сестринское, даже материнское, тут не нужны были особенные слова, одно ощущение ее молчаливой близости наполняло его тихой радостью.

Они вошли в седловину, по обе стороны которой высились склоны вершин, тропинка еще немного попетляла между ними и заметно побежала вниз. В ночной темени сыпал редкий снежок.

— Перевалъ? — встрепенулась на его спине Джулия.

— Перевал, да.

— О мадонна!

— Ну, а ты говорила: капут! Видишь, дошли.

Он остановился, нагнулся, чтоб взять ее поудобнее, но она рванулась со спины.

— Джулия будет сам. Данке, грацие, спасибо!

— Куда ты рвешься? Сиди!

— Нон сиди. Иванио усталь.

— Ладно. С горы легко.

Он не отпускал ее ног, и девушке, чтобы не свалиться, снова пришлось обхватить его шею. Она припала щекой к его плечу и пальцами шутливо потрепала давно не бритый шершавый подбородок.

— О, риччио — ёж!

— В Триесте побреемся.

— Триесте!.. Триесте!..— мечтательно подхватила она.— Партиджян Триесте. Джулия тэдэско тр-р-р-р, тр-р-р. Фашисто своляч!

Он со сдержанной усмешкой слушал ее, старательно выбирая в темноте дорогу. Однако спускаться было ненамного легче, чем идти вверх; колодки часто скользили, от напряжения начали ныть колени; в груди, правда, стало свободней. Все время рискуя упасть, он изо всех сил держался на ногах и, где скорым шагом, а где и бегом, стремительно спускался с перевала. Джулия на его спине то и дело испуганно вскрикивала:

— О, о, Иванио!

— Ничего. Держись!

Ветер тут стал тише, и оттого, казалось, потеплело. Куда вела тропа и что их ждало впереди, увидеть было невозможно.

Через некоторое время ветер почти стих, перестали мелькать снежинки, повсюду, насколько было видно, теснились запорошенные снегом скалы. Тропа кидалась то вправо, то влево, причудливо изгибаясь на каменистых склонах, которые тут стали более пологими, чем на той стороне. Сильно устав, Иван пошел ровнее, не оглядываясь и только стараясь не сбиться с тропы. Джулия умолкла. Однажды он попробовал заговорить с нею, но девушка не ответила.

Незаметно задремав у него за спиной, она мерно посапывала, руки ее мягко и нежно лежали на его плечах. Тужурка, видимо, распахнулась, и Иван почувствовал на своих острых лопатках тепло ее груди. Кажется, он и сам задремал на ходу, вдруг перестав понимать, где находится и кто у него за спиной. Но это длилось всего несколько коротких секунд, он тут же пришел в себя, почувствовал ее дыхание и успокоился. Откуда-то снизу потянуло сыростью, порой доносился смолистый запах хвойного леса, где-то далеко сбоку шумел водопад, очевидно, там было ущелье.

Под утро они спустились в зону лугов.

Снежные пятна вокруг исчезли, будто растаяли; стих ветер, стало тепло, только в воздухе прибавилось сырости; по камням из долины поползли влажные клочья тумана. Еще ниже на них пахнуло устоявшимся ароматом трав, цветов, густым хвойным настоем, и он понял: самое трудное позади. Тропа где-то пропала, но идти было легко, и он не следил за ней. Пройдя еще немного, Иван почувствовал под ногами густую мягкую траву и подумал, что вот-вот упадет. Высокие, до колен стебли тугими бутонами цветов хлестали его по ногам. Джулия спокойно спала. Тогда он тихонько, чтоб не разбудить девушку, стал на колени и осторожно опустился вместе с ней на бок.

Она не проснулась.

Продолжение следует.

---

[1] Ты чудесный (н е м.).

ДОРОЖЕ ВСЕГО НА СВЕТЕ

Алексей Михайлович Грицай говорит о себе: я художник «всепишущий»!..

Он работал и над портретом, и над жанровой картиной, и над большим тематическим полотном. Однако мы, зрители, больше всего знаем Грицая-пейзажиста, автора поэтических, трогательных, задумчивых, иногда даже печальных картин родной природы. Думается, в них наиболее полно выразился талант художника.

Вместе с картиной «Вручение акта на вечное владение землей» — дипломной работой в Ленинградской академии художеств — молодой живописец показал экзаменационной комиссии еще три пейзажа, заслуживших тогда же одобрение К. Ф. Юона. Было это в 1939 году. Войну Грицай встретил в Карпатах. Отступал с боями до самой Волги. Восемь раз выходил из окружения. Пережил и увидел такое, чего даже вообразить не мог.

— Понял цену жизни и человека...

На первой послевоенной выставке в 1946 году художник снова показал пейзажи. Дорогая сердцу лирическая тема властно заявляла о себе. И таким счастьем было снова наблюдать мирную, благодатную жизнь природы! Разливалась половодьем весна, дышало ароматами лето, загоралась золотая осень. Ветер шелестел листвой, величаво плыли облака в голубом просторе.

Это по-прежнему забирало в плен художника. Но как же трудно оказалось все запечатлеть! Помогало то, что Грицай даже в годы войны следовал совету И. И. Бродского: тренировать зрительную память. Художник должен постоянно «писать» глазами, только тогда он будет запоминать облик мира.

— Без зрительной памяти,— говорит теперь и сам А. Грицай,— художник не может творить. Чуть натура выйдет из поля зрения, тут же растеряешься!.. Поэтому на натуре я пишу очень быстро, мобилизуя себя на такую работу, когда за короткий срок тратишь всю творческую энергию. Зато в мастерской все идет страшно медленно. Этюд, сделанный с натуры, дома для меня только напоминание о ней...

Отправляясь за город, я не ставлю себе задачу писать. Бывало, час, месяц, год ходил мимо одного места, а желания писать не было. И неожиданно словно прозреешь. Тогда не удержать себя, так захочется поделиться всем, что увидел, что понял, отчего заволновался! Собирается в тебе много самого разного: и воспоминания детства и то ощущение, когда на фронте всем телом приникал к земле...

Когда А. Грицай писал «Жигули», то передвинул горы на холсте, не стал писать отдельные вершины... В картине «Над Волгой» и без того великая река оказалась шире, чем на самом деле, раза в два... Но этого никто не замечает. Наоборот, люди часто говорят художнику: «Как вы все точно написали! Сразу узнаешь эти места».

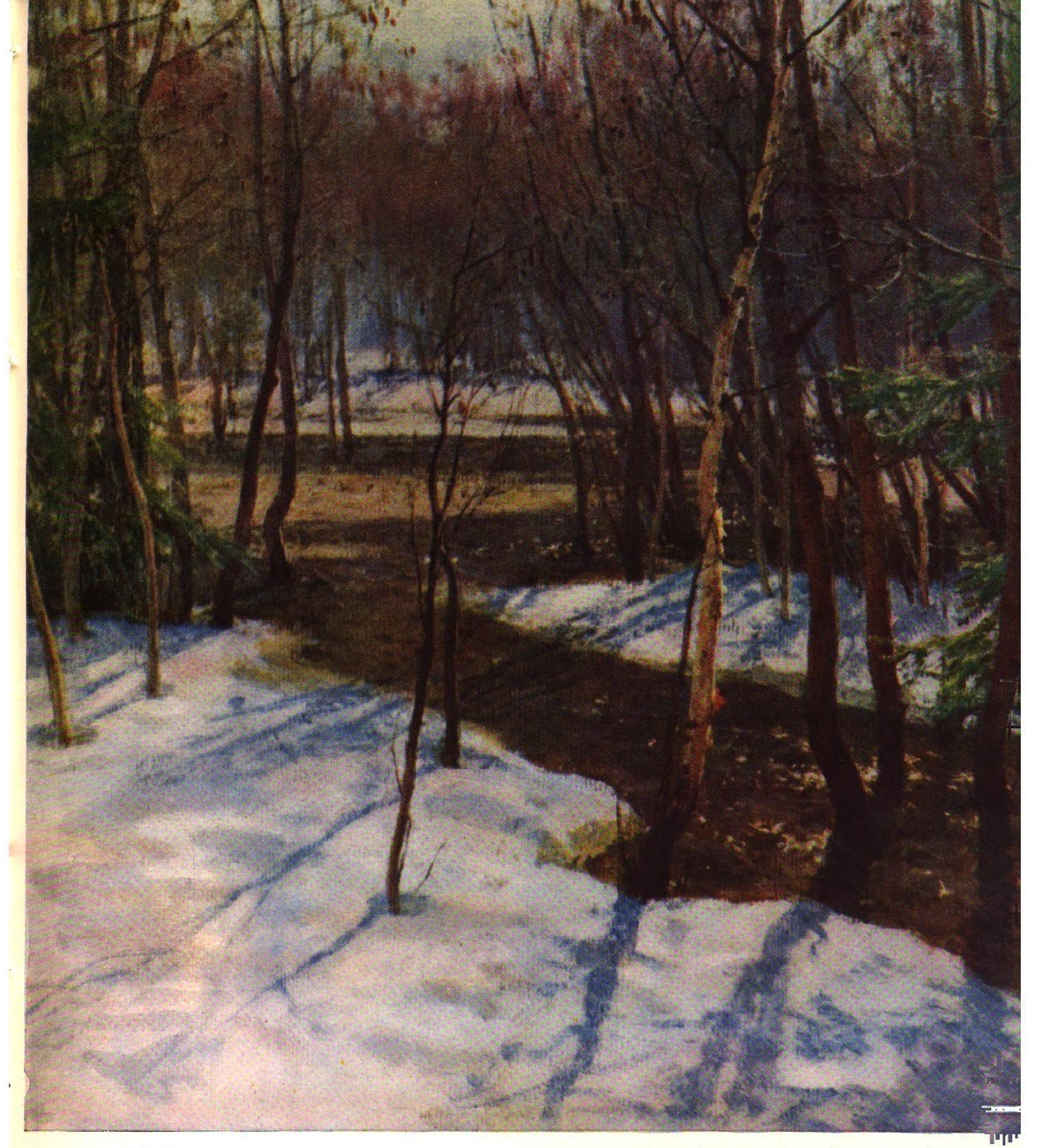
Ведь наши зрительные ощущения зачастую субъективны.

— Приходилось ли вам слышать рыбацкие рассказы о том, как срывалась с крючка самая большая рыба? Над такими рассказами принято подшучивать. Но это не просто выдумка, не просто ложь. Представьте себе: городской человек всю неделю ходит на работу, а дома по вечерам с любовью и увлечением налаживает снасть — леску, перемет, удилища. В пятницу покупает мотылей, укладывает рюкзак. В электричке мечтает о богатом улове. И, когда рыба клюнет, он тащит не только ее, но вместе с ней всю неделю ожиданий, предвкушений, сборов, надежд... А уж если она срывается, то разве можно передать постороннему человеку всю меру рыбачьего разочарования, показав ее подлинный размер?!

Перед каждым только что натянутым, чистым холстом я всякий раз думаю, что напишу самую прекрасную свою картину... Но оказывается, сама работа дороже всего на свете!

Недавно Грицаю исполнилось пятьдесят лет, в эти дни Алексей Михайлович избран действительным членом Академии художеств СССР.

Эльвира ПОПОВА

А. Грицай. РУЧЕЙ.

А. Грицай. СЕВЕРНАЯ ВЕСНА.

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР.

Сегодня открывается Клуб здоровья «Огонька». В связи с этим в редакции собрались видные деятели здравоохранения и медицинской науки, читатели, журналисты.

Каким должен быть наш новый клуб? Директор Центрального научно-исследовательского института санитарного просвещения Е. Г. Карманова, заместитель министра здравоохранения СССР Ю. Е. Данилов, главный редактор журнала «Здоровье» В. С. Ершов выразили общее мнение: он должен откликаться на самые животрепещущие проблемы здравоохранения и медицинской науки, быть добрым советчиком читателей, рассказывать о том, как сохранить здоровье, высокую работоспособность, обеспечить гармоничное развитие детей. И, разумеется, в этом клубе должно быть интересно.

В общественное правление клуба вошли заместители министра здравоохранения СССР И. Г. Кочергин и Ю. Е. Данилов, вице-президент Академии медицинских наук СССР профессор В. В. Парин, директор Центрального научно-исследовательского института санитарного просвещения Е. Г. Карманова, руководитель главной редакции научно-популярных материалов по медицине и биологии этого института журналист А. Л. Черняховский.

Членом нашего Клуба здоровья может быть каждый читатель «Огонька». Вступительный «взнос» — активное участие в его работе. Присылайте вопросы, отзывы, пожелания.

ЗАГАДКИ ОБМЕНА ВЕЩЕСТВ

Первое заседание Клуба здоровья посвящено болезням обмена веществ. Открывает его вице-президент Академии медицинских наук СССР профессор **В. В. Парин.**

— На протяжении веков,— говорит он,— люди свыклись с казавшейся очевидной мыслью, что между медициной, биологией и точными науками — физикой, химией, математикой — нет да и не может быть ничего общего. Биологи и врачи исследуют самое непостижимое, самое удивительное творение природы — жизнь с многокрасочным калейдоскопом ее превращений и неожиданностей, а в поле зрения физика и химика, дескать, замысловатые формулы, холодные металлы, стеклянные пробирки. Однако в последние десятилетия именно на стыке этих полярных отраслей знания родились дочерние науки — биохимия, молекулярная биология, биофизика. И разом рухнули многие устоявшиеся догмы. Стало очевидно, что корни большинства недугов кроются в искажении сотен и тысяч химических реакций, ежесекундно протекающих в организме человека.

Болезни сердца и печени, поражения кровеносных сосудов, ожирение и слабоумие, авитаминозы, врожденные и приобретенные пороки развития детей, опухоли — среди их причин всегда присутствуют те или иные поломки обменных процессов.

Биохимические ключики к болезням

— Я имею счастье представлять как раз ту науку,— говорит действительный член Академии медицинских наук СССР профессор **С. Е. Северин,**— которая и пытается воздействовать на работу нашей внутренней лаборатории. Детально изучить структуру веществ, входящих в состав человеческого тела — белков, углеводов, жиров, витаминов и т. д.,— титанически сложная задача. Установлено, например, что все белки состоят из 20 первичных кирпичиков — аминокислот, повторяющихся в молекуле много раз в различных сочетаниях. Общее число возможных композиций достигает астрономической цифры — более двух квинтильонов. Но нам мало знать количество участвующих в построении данного белка кирпичиков, нужны еще достоверные сведения о последовательности их расположения в молекуле.

И все-таки биохимики не спасовали перед трудностями. Опираясь на последние достижения математики и техники, они создали новейшие приборы и методы исследования.

Более близкое познание структуры каждого нового белка — и сегодня целая эпоха в науке. История этих исследований не насчитывает еще и 10 лет. Лишь в 1955 году удалось сделать первый решительный шаг вперед: биохимики нашли шифр и синтезировали один из гормонов человека — он состоит всего из 8 аминокислот. Через 6 лет исследователи определили строение другого гормона — адренокортикотропного, состоящего уже из 39 аминокислот. Выдающейся победой закончилась расшифровка первичной структуры инсулина — вещества, дефицитом которого вызывается диабет. Теперь реализовано то, что еще вчера казалось безумной мечтой: в лабораторных условиях удалось построить искусственный инсулин.

Все эти успехи позволили биохимикам выйти из тиши своих лабораторий и окунуться в работу больниц, клиник, стать локоть к локтю с врачом у постели больного, нуждающегося в помощи. Биохимия накопила множество ценных данных, облегчающих также раннюю диагностику болезней. Врачам часто трудно бывает, например, на первых этапах точно определить характер сердечного приступа. Недавно установлено, что в первые же часы после инфаркта миокарда в крови больного резко возрастает активность особого вещества — креатинкиназы. Значит, достаточно будет осуществить биохимический анализ крови, чтобы безошибочно поставить диагноз.

— Благодаря успехам нашей науки,— вступает в беседу член-корреспондент Академии медицинских наук СССР профессор **А. А. Покровский,**— намечается реальная возможность победить ряд болезней, которые в недалеком прошлом считались неизлечимыми.

Неумолимая и неподкупная статистика свидетельствует: на каждые 25 тысяч новорожденных во всем мире, как правило, приходится один больной олигофренией, что значит врожденное слабоумие. На протяжении веков медицина не знала причины болезни и потому не могла прийти на помощь матери, проливающей слезы над своим ребенком. И только недавно биохимики установили: губительное действие на мозг при олигофрении оказывает отсутствие в организме новорожденного лишь одного маленького винтика — вещества, участвующего в превращении фенилаланина в тирозин. В самое последнее время удалось искусственно создать сложные диетические продукты, в которых фенилаланин заменен тирозином. Достаточно перевести малыша на такую диету, и мозговые клетки избегнут деформации.

Но как выявить больного ребенка — одного среди 25 тысяч здоровых? Ответ подготовлен наукой. Пройдет немного времени, и встанет вопрос о том, чтобы всем без исключения детям еще в родильных домах делали довольно простую диагностическую пробу. И тогда страна навсегда избавится от таких больных.

Кто-нибудь махнет рукой: мол, все это редкие исключения, медицинская экзотика! Но за каждым таким исключением тысячи судеб человеческих.

Полнеть — значит стареть!

— В этом зале,— улыбается профессор В. В. Парин,— присутствуют практически здоровые люди. Но, заметьте, скольким из нас настоятельно необходимо подумать о нормализации обмена! Давайте посмотрим беспристрастно друг на друга: излишне округлые очертания щек, полные талии, ставшие узкими воротнички сорочек — все это предательские симптомы.

— Излишняя полнота,— продолжает ту же мысль профессор А. А. Покровский,— снижает срок жизни в среднем на семь лет. И это отнюдь не умозрительный вывод, он основан на тщательных многолетних наблюдениях американских страховых компаний. А там, где речь идет о прибылях, им можно верить.

Здоровье человека зависит от систематического подвоза с пищей около 60 основных химических веществ. Я особо подчеркиваю: систематического,—поскольку организм должен получать пищевые вещества в определенных соотношениях. Представьте себе кулинара, взявшегося за приготовление пирога. Уже в духовку сажать надо, а тут говорят: сахар дадим только к вечеру, масло и соль — завтра утром. Легко представить, что получится! Наш желудочно-кишечный тракт — тот же кулинар, и он готовит сразу не одно, а многие десятки блюд для самых разных органов и тканей.

Тема обмена веществ неисчерпаема, коснусь сегодня только наиболее важного. Часто спрашивают: друг нам или враг холестерин? Нелепа сама постановка вопроса. Холестерин — составная

ИНТЕРЕСНО, ПОЛЕЗНО, ЛЮБОПЫТНО

Белип — новый продукт, созданный недавно в Институте питания Академии медицинских наук СССР из нежирного творога, трески, растительного масла. Кулинары сделали эту смесь вкусной. Белип содержит в наиболее оптимальных соотношениях почти все необходимые организму вещества и притом очень дешев.

• • •

Тело человека состоит из 35 триллионов клеток. Если бы из ядер наших клеток извлечь нуклеиновую кислоту и соединить ее молекулы в нить, то ею можно было бы опоясать земной шар по экватору.

• • •

У людей старше 25—30 лет интенсивность обмена веществ снижается за каждое последующее десятилетие в среднем на 7—8 процентов.

• • •

В клетках человеческого организма представлена почти вся периодическая система Менделеева.

• • •

В усвоении организмом одного маленького кусочка сахара участвует более 20 ферментов, и при этом последовательно образуется до двух десятков разных соединений.

• • •

Врачи подсчитали, что если ежедневно съедать сверх того, что необходимо организму, лишь по одному бутерброду, то через год в теле отложится 7 килограммов лишнего жира.

• • •

Своеобразный рекорд установил американец Брис Рэнделл: меняя пищевой режим и характер силовой тренировки, он за два года повысил свой вес на 100 килограммов, значительно увеличив при этом силу, а спустя полгода сбросил всю до грамма прибавку и полностью восстановил прежнюю форму.

• • •

На построение белковой молекулы из 150 аминокислот наш организм затрачивает всего полторы минуты.

часть клетки, значит, следует не изгонять его из рациона, а только держать в узде. Две трети всего холестерина синтезируется самим организмом, и только одна треть поступает с пищей. Пока человек молод, здоров и внутренняя лаборатория действует исправно, холестериновые бляшки не возникают в сосудах — атеросклероза нет. Но когда здоровье нарушено (а это часто связано с возрастом) и уровень холестерина в крови высок, надо меньше есть некоторых продуктов — мозгов, икры, жирных сортов мяса...

Голос с места. Яиц.

Профессор **А. А. Покровский.** И яиц. Но их аминокислотный состав чудесен, и вовсе отказываться от яиц не стоит.

Голос с места. Съел пяток, и хватит.

Профессор **М. С. Маршак.** Да, в неделю.

Профессор **А. А. Покровский.** У многих нет ясности в том, как относиться к жирам — животным и растительным. Здоровому организму нужны и те и другие, но, конечно, в разумных пределах. Некоторое время назад среди населения разнеслась молва о чуть ли не целительных свойствах кукурузного масла. Его стали пить до еды и после нее, ложками и даже рюмками. В таких дозах масло играет роль разве что мягкого слабительного, и только! 25—30 граммов в сутки растительного масла, подсолнечного, того же кукурузного, в виде приправы к салатам, селедке, соусам вполне достаточно для взрослого человека. Растительные масла богаты веществами, в которых нуждается, в частности, наша кожа. Хотите иметь хорошую, мягкую, красивую кожу — не избегайте растительных масел!

Профессор **М. С. Маршак.** А чтобы не полнеть, надо следить за своим весом, систематически взвешиваться. Началась прибавка — немедленно увеличьте физическую активность, прибавьте несколько упражнений к утренней зарядке, часть пути на работу и с работы проделывайте пешком. И вообще больше ходите пешком, бегайте на лыжах, плавайте.

Голос с места. В городах нет медицинских весов. Где же взвешиваться?

Профессор **М. С. Маршак.** Вопрос уместный. Во многих странах, в частности в Чехословакии, выпускаются портативные пружинные весы, ими очень широко пользуются. Почему бы и нашей промышленности не наладить выпуск таких весов? Уверен, они не залеживались бы в магазинах. Кроме того, весы-автоматы должны быть в каждой аптеке, можно установить их и на улицах. Пора кому-то заняться этим делом.

Голос с места. Располагает ли медицина проверенными методами раннего обнаружения нарушений обмена веществ?

Профессор **В. В. Парин.** На этот вопрос лучше всего ответит присутствующий среди нас опытный клиницист.

Профессор **М. Н. Егоров.** Для таких целей широко применяются так называемые пробы с нагрузкой. Если есть подозрение, что у человека нарушен, скажем, обмен сахаров, ему дают к завтраку сразу пятьдесят граммов сахара, а потом делают соответствующие анализы.

Голос с места. Как все-таки простому смертному определить свою индивидуальную норму жиров, углеводов, белков?

Профессор **А. А. Покровский.** Институт питания разработал и передал в производство удобное, миниатюрное приспособление для этого — номограф, пользоваться им легко и просто. Было бы также очень хорошо, если бы в столовых, прежде всего диетических, рядом с ценой в меню проставлялись и данные о калорийности каждого блюда, его химическом составе.

— Насколько известно из истории,— говорит один из присутствующих в зале,— наши предки не пользовались ни услугами биохимии, ни номографами и были крепки здоровьем, обладали отличным аппетитом. Верите ли вы в регулирующие силы самого организма?

— Не понимаю, зачем вам потребовались экскурсы в историю?— в свою очередь спрашивает, смеясь, профессор Покровский.— Медведи и сегодня превосходно обходятся без номографов, а куда здоровее нас с вами! (Смех в зале.) Но если говорить всерьез, то в нас заложены весьма чуткие и тонкие регуляторы — жажда, аппетит, вкус. Человеческий организм — действительно великолепно сбалансированная система, но, к сожалению, она часто портится, и тогда мы начинаем полнеть. Биохимия переводит все это регулирование с уровня животных инстинктов на уровень точных понятий. В этом ее величайшая заслуга!

Питание и цивилизация

— Мне хотелось бы добавить нечто, на первый взгляд совсем парадоксальное,— говорит профессор М. С. Маршак.— Одна из задач науки об обмене веществ — спасать людей от последствий цивилизации. Да, да, я не обмолвился, именно так! На протяжении тысячелетий организм человека приспосабливался к вполне определенному (и не слишком богатому!) набору продуктов — тех, какие могли раздобыть на месте его далекие и менее далекие предки. Однако за последние полстолетия рацион большинства жителей цивилизованных стран резко изменился. Люди едят завезенные издалека яблоки, виноград, заморские апельсины и бананы, консервы, изготовленные где-нибудь за тридевять земель, рыбу из всех океанов. У всех этих относительно новых для человека продуктов особый химический состав, и организм не всегда в состоянии плавно, без срывов приспособиться к ним. Тут-то подчас и нужны бывают врач и биохимик.

— Роль нашей науки,— продолжает ту же мысль профессор А. А. Покровский,— нельзя, понятно, ограничить лишь обороной от теневых сторон цивилизации. Надо наступать! Широкое применение в сельском хозяйстве химикатов должно, на наш взгляд, оказать самое существенное влияние не только на валовой выход продукции, но и на повышение ее биологической ценности. Хорошо известно, что насыщенность того или иного продукта витаминами, качество его углеводов, белков, жиров в значительной мере зависят от условий производства. Значит, наша задача — вместе с селекционерами, агрономами, работниками колхозов и совхозов повышать пищевые достоинства злаков, фруктов, овощей, продуктов животноводства. Для кого же, как не для человека и во имя человека, мы развиваем большую химию!

Профессор **В. В. Парин.** Наш новый клуб поможет нести в массы научные знания о здоровье и мерах его укрепления.

Член правления клуба
А. ЧЕРНЯХОВСКИЙ

ТЕНН

С. ТОКАРЕВ

О Дмитриевой пишут, что у нее хорошая техника и агрессивная манера. Что играет она в теннис мощно и смело — по-мужски. Но, быть может, еще не это самое главное?

Вот она рассказывает, что любит играть с Галиной Бакшеевой и в паре и против нее. Бакшеева — спортсменка яркая, широко одаренная. Аня любит с ней играть, потому что их теннисное мышление схоже. Обеим по душе остроумие комбинаций, неожиданность ходов, им нравится разгадывать загадки, которые ежесекундно задает соперница. И, наоборот, Ане скучно играть против другой известной и сильной теннисистки, у которой прямолинейная манера. «Попадет ей мяч под удар — пошлет его посильнее куда попало. Я думаю, как бы сыграла на ее месте, я хочу бежать в другой угол, а она и бьет-то туда, где я стою. И думаешь: хоть бы скорей кончить, господи, еще целый сет мучиться...»

Итак, Дмитриева играет в интеллектуальный теннис, ей доставляет удовольствие сам процесс игрового мышления. Я знал одного большого спортсмена, которому буквально мешали его ум, его тонкая душевная организация, его богатое воображение. Выходя на турнир, он уже все заранее себе представлял: как проиграет, как будут свистеть трибуны, что скажет тренер, что подумают друзья... Он был самым большим и трудным соперником самому себе, этот великолепный спортсмен.

Ане Дмитриевой все помогает: и книги и университет. Профессиональное качество филолога — способность к анализу — качество, которое старается воспитать в своих питомцах филфак МГУ. Это и образует рисунок, который мы можем именовать индивидуальным стилем Дмитриевой.

Вот она на корте. Выход к сетке. Если удержать, заставить замереть в эту секунду стремительную

ВНУЧКА ПОЭТА

ИС—ИГРА УМНАЯ

линию тела, ракетку, простертую навстречу мячу, и лицо, если рассмотреть это лицо, каждую его деталь: глаза, напряженно выставленные губы, челку, взлетевшую над лбом,— то мы увидим многое. Мы увидим напор. Яростное желание победить, выиграть этот мяч, именно этот, именно сейчас, в это мгновение. И еще — наслаждение.

Она вся в игре. Если вы ее видели, то помните, конечно, как после ошибки, после неудачи она ворчит на самое себя, быстро шевеля губами, и вопросительно, невидяще смотрит на трибуны. Вы помните, что она может иной раз и отшвырнуть ракетку и закричать, что ей мешают, все мешают: и фоторепортеры, и зрители, и уж я не знаю кто, да и сама она, наверное, не знает. Теннис — игра трудная, изматывающая нервы, и хотя это обстоятельство отнюдь не извиняет шероховатостей в поведении Ани на корте, но мы с вами не спортивные судьи и сейчас не зрители, нам понять ее легче. Аня из тех людей, которые умеют всю себя, весь темперамент, душевный жар отдать—щедро, не расплескивая,— любимому делу.

Она пришла на корт, когда ей было тринадцать лет. Родители считали, что ребенок должен заниматься спортом. Родители вовсе не думали о каком-то чемпионстве, просто спорт необходим для правильного развития.

Нина Сергеевна Теплякова, первый тренер Дмитриевой, вспоминает, что Аня испортила ей много крови. «Вот, смотрите, она какая была. Вот как та девчонка — видите, на разминке она сейчас будет всех задевать, шалить, черт-те куда заберется. И Анька тоже была огонь. Сколько раз родителей вызывали. Здесь уж все смеялись: «Опять суд идет». И она с гонором была. У нее кто-то спросил: «Девочка, как тебя зовут?» А она этак вот голову подняла: «Анна через два эн». И я ее с тех пор дразню: «Анна через два эн».

Теплякова ценит таких — с характером, с пружинкой. Она не выносит вялых, послушных тихонь, считает, что в спорте нужно своеобычие, темперамент. Аня была горячей, быстрой, с природной координацией. И Теплякова ее полюбила, сделала из нее мастера спорта и чемпионку страны.

А потом Аня перешла к другому тренеру — Сергею Андрееву. В происшедшем много трудного, много «взаимных болей, бед и обид». И я не стал бы касаться этой давней истории, если бы она тоже не оттеняла определенным образом характер Ани.

Теплякова любила свою ученицу. Может быть, слишком. И в какой-то период Дмитриевой-теннисистке стало недоставать в тренере суровости. И она решилась порвать уже почти родственные узы.

Сергей Андреев — человек жесткий и педантичный, всего себя отдавший теннису. Вот идет он по корту, идет, поглощенный своими мыслями, и все время непроизвольно делает какие-то игровые движения. Они с Аней очень разные: она размашистая, он методичный и упорный. Он ей что-то показывает, еще и еще, по десятку раз, и у нее не получается, и она злится, и их союз мог бы уже распасться, но, наверное, они оба хорошо понимают, как нужен сегодняшней Дмитриевой именно такой тренер.

Дмитриева-филолог многим обязана Дмитриевой-спортсменке. Она на своем недолгом веку объехала много стран, побывала в Англии и США, Венгрии и Чехословакии, Индии, Индонезии и даже Уганде. Эти поездки, кроме всего прочего, были хорошей практикой в языках — английском и французском. Попросту они помогли ей многое узнать и понять. Шесть лет подряд Аня приезжает в Лондон, где один за другим проводятся крупные теннисные турниры — Бэкнем, Куинсклаб, Уимблдон. Аня чувствует здесь себя уверенно: хорошо знает английский. Когда она мельком бросает: «Тренируемся с Лейусом, бегаем в Гайд-парке»,— для нее это звучит, как в Сокольниках или Измайлове. Дмитриева и Лейус могут запросто зайти вечером в маленькую рабочую таверну, посмотреть, как чистенько, но неказисто одетые лондонцы пьют пиво «Гинесс», кидают в мишень стрелки с резиновыми наконечниками и разговаривают о своем, повседневном, житейском.

А играет в зарубежных соревнованиях Дмитриева неровно. Как, впрочем, и остальные наши теннисисты. Это и понятно: их поколению выпала трудная задача — прорубить окно в большой теннисный мир. Им не хватает опыта, международного турнирного стажа. Их еще нередко охватывает на корте боязнь авторитетов, скованность, при которой, как Аня говорит, «мячи свистят мимо тебя, а ты только глазами хлоп-хлоп». Но время идет, опыт — дело наживное.

Аня Дмитриева на снимках выходит то лучше, то хуже. Но всегда непохоже. У нее очень подвижное лицо. Эмоционально подвижное.

Она и вообще очень разная. Чемпионка страны, обладательница обширной хрустально-металлической коллекции призов — словом, «Анна через два эн». И студентка, дрожащая перед экзаменами и тайно пишущая лирические стихи, Аня-скромница и Аня-гордячка. Порывистая и злая в игре, упорная или вялая и капризная на тренировках. Она вся в движении, она меняется, и писать о ней трудно.

Правда, меня утешает мысль о том, что о ней будут писать еще не раз. И, может быть, она сама о себе когда-нибудь напишет.

Анна Дмитриева на корте.

Фото А. Бочинина.

Бревенчатое здание, выходящее четырьмя окнами на Васильевский просек... Этот дом я знаю с детства. В двадцатых годах здесь, в Балашихе, бывал Сергей Есенин. В память о поэте усадьбу приобрела его жена Зинаида Райх. Дом перешел по наследству к их сыну Константину.

И вот мы сидим с Константином Сергеевичем Есениным в зеленой беседке. У куста крыжовника стоит девочка с карими глазами. Она срывает ягоды и тихо читает стихи:

Слушай, русское небо, слушай,
Как шумит, осыпаясь, рожь,
Как поет молодая груша
И как ветер разносит дрожь.
Слушай шепот листвы осенней,
Слушай драку весенних туч,
Слушай рек и потоков пенье,
Что, как птицы, несутся с круч.
Слушай шелест берез над крышей
В полной зноя июльской мгле.
Слушай, небо, и ты услышишь
Гимн свободной моей земле.

— Должно быть, по дедовским стопам пойдет моя Маринка,— говорит, улыбаясь, Константин Сергеевич.

Так я впервые познакомился со стихами Марины Есениной — внучки знаменитого поэта. Это было в 1960 году. Ей тогда шел четырнадцатый год.

Сейчас Марина учится в десятом классе. Она продолжает заниматься поэтическим творчеством. На этой странице печатаются еще два ее стихотворения.

Г. СИМАКИН

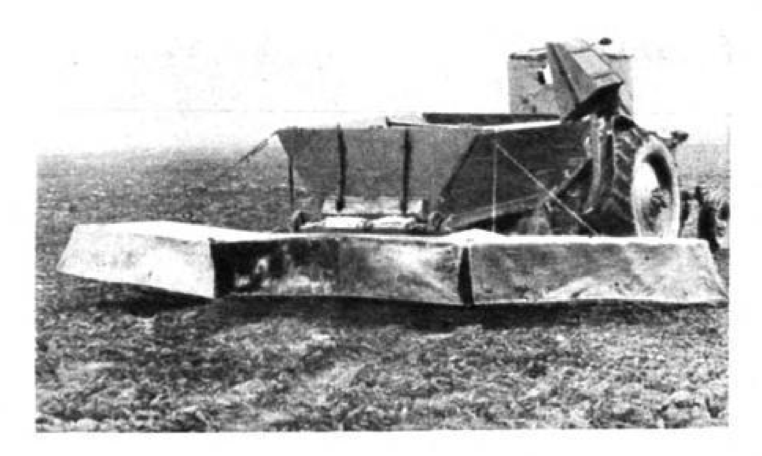
ОТЧЕГО Я ПИШУ СТИХИ

Двоюродному брату Сереже Есенину

Лишь березы колышутся мерно,
Да за лесом кричат петухи.
Ты, Сережа, не знаешь, наверно,
Отчего я пишу стихи.
Да и я-то сама не знаю,
Только я не могу без них,
Как не может весна без мая,
Как без солнца не могут дни.
Было б пусто на белом свете,
Если б не было звучных строф,
Если б их не подхватывал ветер,
Не вздымал бы до облаков.
Эти строки меня увлекают,
Словно волны большой реки...
Нет, Сережа,
Я, кажется, знаю,
Отчего я пишу стихи.

ПРЕДВЕСЕННЕЕ

Знаю, ты любишь май ярко-синий,
С мягкою проседью вешних садов.
Май! Он бывает таким лишь в России
После колючих и злых холодов;
После того, как распухшая почка
Лопнет салатным липким листком;
После того, как в прозрачной сорочке
Встанет березка в траву босиком.
Ну, а теперь лишь только начало
Серого марта в грязном снегу.
Песня метелей не отзвучала,
Хриплые ветры весну стерегут.
Но мы уверены, будет недолго
Белый подснежник мерзнуть в земле.
Опять у Кремля серебристая елка
На время забудет о студной зиме.
Дремлют сосулек прозрачные спицы,
Звонко касаясь продрогших ветвей.
Пусть же тебе этой ночью приснится
Синее кружево майских дождей.

МАШИНА ДЕРЖИТ ЭКЗАМЕН

Представим картину: по полю идет трактор. На первый взгляд кажется, что за собой он тянет обычную, одноосную тележку для перевозки грузов. Но вот агрегат делает поворот, и вы видите, что из-под тележки по сторонам бьет голубоватый поток, оставляя на земле десятиметровой ширины след.

«Удобрения вносят,— догадываетесь вы и тут же недоуменно пожимаете плечами: — Но что это за машина? Раньше такой не было!..»

Это разбрасыватель удобрений и извести «РУП-5-10». Создал его коллектив конструкторов завода «Красная звезда» Приднепровского совнархоза. О преимуществах новой машины нам рассказал инженер «Россельхозтехники» М. Х. Газеев.

Разбрасыватель удобрений и извести работает в прицепе к трактору «Беларусь».

В отличие от туковой сеялки, которой еще до сих пор вносят в почву удобрения, разбрасыватель в три раза производительней. За час он обрабатывает до шести гектаров. Сразу машина забирает до двух с половиной — трех тонн солей. Этого хватает на два часа бесперебойной работы. Загрузка в кузов разбрасывателя механизирована. В тележке имеется и специальный ковш. Он сконструирован на случай, если груз придется брать с земли.

А как работает разбрасыватель во время ветров? Удобрения могут распыляться? Это учли конструкторы. Они предусмотрели специальное, так называемое ветрозащитное устройство из брезента. Правда, когда оно опускается, то ширина захвата тогда сокращается вдвое, то есть становится пятиметровой. Следовательно, снижается и производительность.

— Разбрасыватель удобрений и извести «РУП-5-10» в прошлом году проходил государственные испытания под Москвой, в Курске, Калинине и зарекомендовал себя с хорошей стороны. Этой весной ему предстоит сдать еще один экзамен на полях колхозов и совхозов страны.

Н. ЛОХМАТОВ

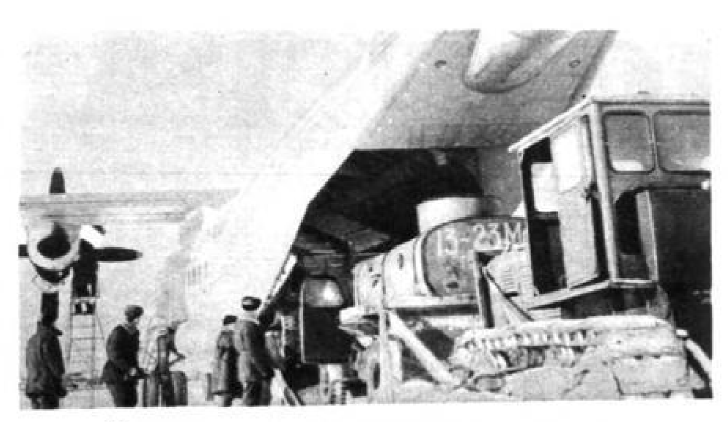
Самосвалы в полете

В Шереметьевском аэропорту на вопрос, где помещается подразделение полярной авиации, мне с улыбкой ответили:

— Это фирма Ступина-то?! Вон в крайнем здании.

Такая фирма была до революции — занималась перевозкой больших и тяжелых грузов. Все москвичи знали слоноподобных ступинских битюгов, запряженных в дроги с коваными колесами, здоровенных бородатых мужиков в белых фартуках — вдвоем концертный рояль на седьмой этаж без передыха. Но при чем здесь подразделение полярной авиации?

— Да прозвали нас так потому,— ответил на мое недоумение Герой Социалистического Труда Александр Сергеевич Поляков,— что мы, кроме ледовых разведок, полетов на дрейфующие станции и другой основной работы, занимаемся перевозкой по воздуху тяжелых крупногабаритных грузов. Наши самолеты для этого хорошо приспособлены, а экипажи прекрасно ориентируются в сложных метеорологических условиях.

Погрузка в самолет автомашины и трактора.

Наши летчики, например, доставляли из Одессы в Москву экран для кинотеатра «Россия». А когда в Тикси на ледоколе сломался гребной вал, полярные летчики привезли его из Мурманска. В тот раз груз был такой габаритный, что пришлось даже снять с самолета некоторые детали.

Ступинскую работу выполняют полярные летчики и за пределами Советского Союза. Когда организовывалась воздушная линия Москва — Дели, наши самолеты возили в столицу Индии оборудование, которое нельзя было разбирать.

— А что сейчас перевозят ваши летчики?

— Экипажи А. П. Кузьмина и В. А. Сысоева выполняют работу для Магаданского совнархоза. Возят самосвалы и тракторы на Чукотку. Они въезжают в кабину самолета своим ходом. Опыт таких перевозок у нас есть. В прошлом году на Чукотку отвезли 50 самосвалов, а оттуда тракторы для капитального ремонта. Одним словом, для воздушных тяжеловозов работа всегда есть.

А. АЛЕКСЕЕВ

С ПОЕЗДОМ ЗДОРОВЬЯ

Его называют по-разному: то «поездом здоровья», то «туристским лайнером», этот пассажирский состав из двенадцати вагонов. Внутри каждый из них напоминает салон реактивного самолета; глубокие откидные кресла, маленькие выдвижные столики, прекрасная вентиляция... Каждое воскресное утро эти уютные вагоны заполняют не совсем обычные пассажиры. На одних — теплые спортивные куртки, на других — лыжные костюмы. Чемоданов не видно. Багаж — лыжи да рыболовные снасти.

Всю дорогу не умолкают веселые песни, гремит музыка. В конце вагона, где обычно вывешивается расписание, особенно оживленно. Под стеклом вместо расписания — схема лыжных маршрутов. Их горячо обсуждают, перерисовывают в блокноты.

Поезд здоровья мчится из Челябинска в Кисегач. Полтора часа пути, и вот оно, Синегорье, живописнейший край голубых уральских озер, густых сосновых лесов, увлекательных лыжных прогулок.

В пути. Фото В. Георгиева и А. Ходова.

— Лыжные поезда здоровья,— сказал начальник пассажирской службы Южно-уральской железной дороги А. Я. Слипченко,— пользуются большой популярностью у жителей города. Часто билеты приобретают коллективно — целыми цехами, сменами, факультетами и семьями.

Летом в дальние маршруты туристский лагерь на колесах будет уходить из Челябинска в субботу после рабочего дня, а возвращаться к понедельнику.

А. ГРИГОРЬЕВ

Зеленый мир на камнях...

Не по дням, а по часам растут огурцы на гидропоне. Фото А. Бочинина.

Совхоз «Марфино» — старейшее хозяйство Подмосковья. Многие прогрессивные приемы выращивания овощей впервые были проверены и применены здесь. В дни, когда о гидропонике во многих хозяйствах страны только мечтают, в «Марфине» уже собирают плоды этого новшества.

Теплица — это целый мир под стеклянным небом. Со своим климатом и со своей особой землей. Впрочем, земли-то как раз тут и нет никакой — землю вывезли. Бетонные лотки заполнены чистым гравием. Сверху — щиты. В щитах — довольно просторные круглые отверстия. Из каждого поднимаются рослые, сочные растения: огурцы и помидоры.

Зеленый мир на гидропоне — это пчелы, снующие над цветками, ранние плоды огурцов и томатов, свежесть летнего дня. И лабораторная чистота в цехе гигантской фабрики дешевых овощей!..

ЧЕЛОВЕК ПРАЗДНИ

Ни один юбилей, ни одно торжество не обходится без продукции виноделов, людей праздничной профессии.

Не обошелся без армянского коньяка и праздничный стол Маргара Седраковича Седракяна в тот вечер, когда друзья собрались отметить его 55-летие.

Три с половиной десятка лет работает Седракян на Ереванском коньячном заводе. Пришел туда практикантом сельскохозяйственного института, а теперь он главный технолог.

Семь лет Маргар Седракович изучал коньячное производство, разгадывал его тайны. Мастер пришел к убеждению: у нас лишь копируют технологию французов. И Седракян решил придать коньячному производству Армении местный колорит, задумал создать напиток, который полностью отражал бы свойства здешнего винограда. И так же, как мастер-ювелир подбирает драгоценные камни для ожерелья, Маргар Седракович терпеливо искал букет для своего будущего напитка.

Четверть века назад родился коньяк «Юбилейный» — родоначальник советских марочных коньяков. Где только не побывал первый армянский марочный коньяк! Слава янтарного напитка облетела весь мир.

Вскоре путевку в жизнь получил коньяк «Армения», который удостоен трех золотых медалей, затем — «Двин», завоевавший четыре золотые медали, «Праздничный», награжденный двумя золотыми медалями.

Мы побывали на коньячном заводе, и Маргар Седракович рассказал нам о секретах трудного производства.

Процесс изготовления коньяка сложен. После выкурки коньячного спирта из молодого вина он выдержи-

События и характеры •

СЛУЧАЙНОСТЬ?

НЕТ, УПОРСТВО!

Говорят, что настоящие таланты обнаруживаются, как и золотые самородки, случайно. То, что произошло с Борей Сандуленко, учеником седьмого класса 108-й киевской школы, конечно, тоже можно отнести к счастливой неожиданности. Но на самом деле все решило упорство паренька.

Участники кружка художественной самодеятельности при кондитерской фабрике имени Карла Маркса уже давно приметили стройного, темноволосого мальчишку, который почти каждый вечер приходил в клуб. Однажды Борис пробрался за кулисы и, спрятавшись за портьеру, целый вечер слушал народные песни. Руководитель кружка Георгий Шаповал, студент киевской консерватории, прогнал нарушителя со сцены. Но после концерта Георгий согласился послушать его. Отзвучали последние аккорды итальянской песни «Мое солнышко»... Георгий удивился: у Бориса отличные артистические данные, почти абсолютный слух, голос его очень напоминает голос Робертино Лоретти.

Борис Сандуленко.
Фото А. Дмитриева.

Шаповал приходил почти каждый день на улицу Олега Кошевого и аккомпанировал начинающему певцу. Георгий учил мальчика нотной грамоте, знакомил его с основами музыки.

Юным певцом заинтересовались и преподаватели консерватории. А когда Бориса показали народному артисту СССР Натану Рахлину, прославленный дирижер не удержался от похвалы:

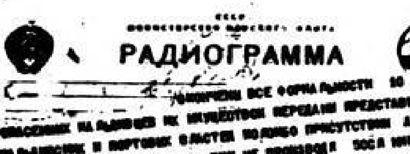
— Да у тебя, хлопче, талант! А петь по-настоящему мы тебя научим.

На прощание Рахлин подарил школьнику томик стихотворений А. С. Пушкина с надписью: «Желаем тебе в будущем проявить себя в музыке, песне так, как автор этой книги в литературе».

Известный советский фониатр — профессор И. Деражне, лечивший в свое время Иму Сумак и заочно консультирующий Робертино Лоретти, одобрительно отозвался о способностях Бориса Сандуленко и поддержал стремление мальчика серьезно заняться пением.

О. ГУСЕВ

«Аварийная»

РАДИОГРАММА

...ОКОНЧЕНЫ ВСЕ ФОРМАЛЬНОСТИ 10 ЧЕЛОВЕК

— Телеграммы с такой пометкой поступают к нам с разных морей и океанов,— рассказывает главный ревизор по безопасности мореплавания Министерства морского флота СССР Петр Николаевич Василевский,— в них сообщается о судах, терпящих бедствия.

Я беру у Петра Николаевича одну из телеграмм: датское судно «Ханс Бой» терпит бедствие у маяка Овиши. Для оказания помощи направляется теплоход «Гжатск».

— «Гжатск» не успел подойти,— рассказывает Петр Николаевич.— Датское судно затонуло, а всю его команду спас советский теплоход «Сырве».

А вот в этой телеграмме целая история, причем поучительная. Греческий пароход «Кимолос» сел на мель в Балтийском море. К месту аварии подошел наш спасательный буксир «Гермес», но капитан греческого парохода от помощи отказался, снялся с мели своими средствами и пошел в Ленинград самостоятельно. Однако авария была слишком серьезная. Пароход затонул, а его команда на шлюпке добралась до советского острова Осмусаар.

Просматривая телеграммы, я нахожу сообщение о том, как в Индийском океане дизель-электроход «Цимлянскгэс» подобрал шлюпку с людьми.

— Об этом нам подробно сообщил капитан дизель-электрохода товарищ Кудлайт. Это произошло близ экватора, в трехстах милях западнее Суматры. Вахтенный заметил шлюпку, подающую сигнал бедствия. Дизель-электроход изменил курс и пошел на помощь. Шлюпка старая, под двумя разорванными парусами. В ней находилось десять человек. Их быстро подняли на борт дизель-электрохода. Потерпевшие бедствие не знали ни одного европейского языка. По их документам удалось установить, что это жители одного из островов Мальдивского архипелага; закупив рис на острове Мале, они вышли в море и попали в шторм, который погнал судно на восток.

Оказалось, что спасенные провели в океане тридцать шесть суток, пройдя расстояние почти в 1 300 миль. Питались они рисом, строго экономя его. Запас воды был не велик и скоро кончился. Жажду утоляли мелкой свежей рыбой, которую ловили в океане.

Спасенным на дизель-электроходе был оказан самый радушный прием, а о том, как все кончилось, вот, пожалуйста, прочтите.

Я беру у Петра Николаевича бланк. На нем написано: «Вошли в порт Коломбо. Ошвартовались. Окончив все формальности, десять человек спасенных и их имущество передали представителям мальдивских и портовых властей. Все спасенные здоровы. Горячо нас благодарят».

А. ГОЛИКОВ

ЧНОЙ ПРОФЕССИИ

вается от трех до восьми лет в дубовых бочках для получения ординарных коньяков. Марочные выдерживаются от десяти до пятидесяти лет. Через стенки бочек, в которых миллиарды незримых пор, коньячный спирт обогащается кислородом.

Именно в бочках из дуба рождается коньяк. Происходит это медленно, незаметно для глаз.

— К сожалению, полностью раскрыть этот сложный химический процесс,— говорит Маргар Седракович,— нам еще не удалось. Установили только, что дуб придает коньяку букет: цвет, аромат и тонкий вкус.

После выдержки коньячный спирт купажируется (смешивается для получения однородной смеси) в железобетонных цистернах, покрытых изнутри специальным лаком.

— Могу вам раскрыть небольшой секрет,— улыбается Маргар Седракович.— При купаже, в зависимости от марки коньяка, добавляется обладающая прекрасными вкусовыми и химическими свойствами ереванская вода и яичный белок. Затем коньяк отправляется на санаторный отдых в дубовые буты на срок от трех до шести месяцев. После этого он фильтруется и разливается в бочки или бутылки.

— Сейчас идет большая реконструкция нашего завода,— говорит мастер,— в ближайшие годы мы думаем увеличить его мощность почти в два раза. А сам я работаю над созданием нового коньяка. Этот напиток, который отличается своим замечательным букетом, будет иметь полувековую выдержку, хочу назвать или «Араратом», или «Ани».

Т. КАРАПЕТЯН

Ее жизнь принадлежала театру

На 98-м году жизни перестало биться сердце замечательной актрисы Малого театра, почетного председателя Всероссийского театрального общества народной артистки СССР Александры Александровны Яблочкиной. Пятьдесят лет была она бессменным председателем ВТО, семьдесят шесть — украшала сцену Малого театра. Более четырехсот образов создала эта выдающаяся актриса!

Интересно воспоминание В. И. Качалова о Яблочкиной: «Необычайно красивая, изящная, простая — она поразила меня своим сценическим благородством, тонкостью исполнения, громадным чувством меры, великолепной дикцией, голосом — самым счастливым соединением прекрасных внешних и внутренних данных».

В пятидесятилетнем возрасте прославленная актриса Малого театра радостно встретила Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Она принимала участие в постановках новых, советских пьес, помогала утверждению современного репертуара.

Накануне Второго съезда писателей Яблочкина говорила драматургам: «Напишите героическую советскую пьесу. Неужели вы не видите всей героики нашей жизни, героики последней войны, героики борьбы за мир, борьбы за жизнь? Ведь это такая громадная тема! Это так поднимает нашу молодежь, воспитывает еще большую любовь к Родине. Это так необходимо нам, актерам».

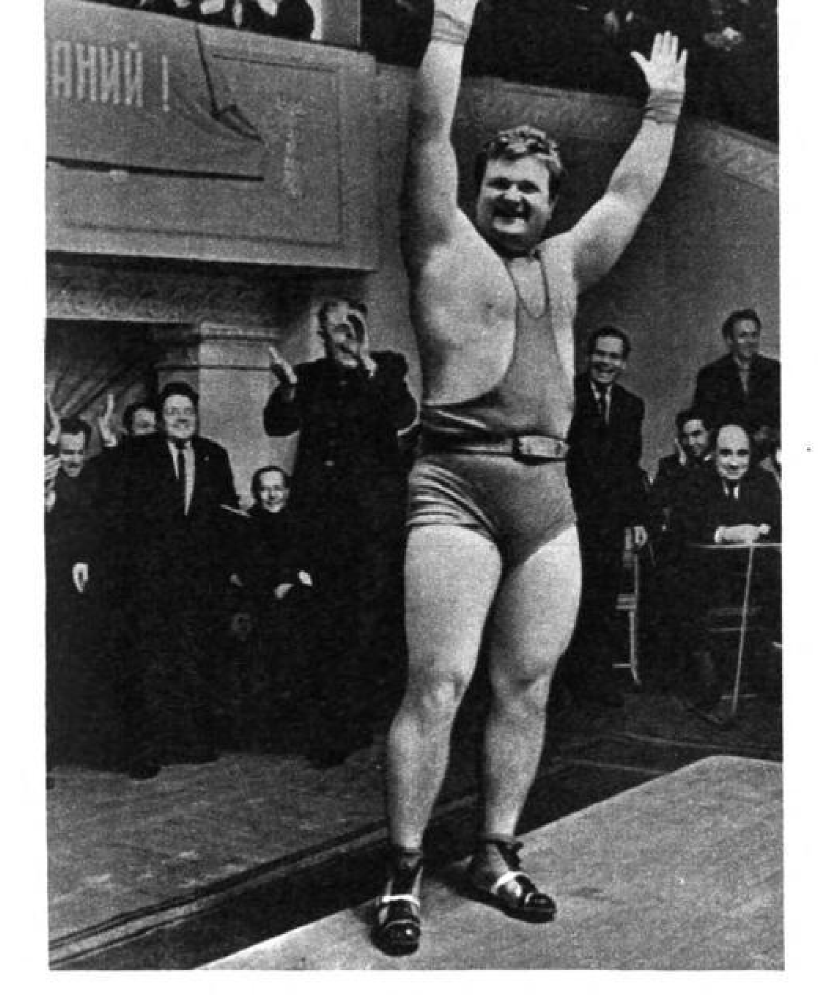
Шли годы, но желание воплотить на сцене характер советской женщины не оставляло актрису. И когда А. Е. Корнейчук принес в Малый театр пьесу «Крылья», Яблочкина, с интересом отнесшаяся к этому произведению, посетовала мне, тогда руководившему Малым театром: «А что же Александр Евдокимович обо мне забыл? Что же он меня в архив сдает? Мне ведь хочется в современной пьесе выступить. Хочется свое слово сказать, вложить свою лепту в общее дело. Вы уж передайте ему». Когда я сообщил об этом Корнейчуку (Александре Александровне было тогда 85 лет), он улыбнулся и, подумав, сказал: «Старую женщину с молодым сердцем, вот какую роль для Яблочкиной надо написать!... Хорошо бы...» И Корнейчук сдержал слово: специально для Яблочкиной написал роль учительницы Горицвет, которую с триумфом играла Александра Александровна. И, несмотря на свой возраст, запечатлела это свое замечательное создание в кинофильме «Крылья». Вслед за этой ролью блестящее, по пониманию стиля автора, ироническое, страстное исполнение мисс Кроули в «Ярмарке тщеславия».

В коллективе Малого театра и во ВТО Александра Александровна Яблочкина занимала особое место. Ее дружеское отношение к молодым дарованиям, забота о дальнейшем преуспевании театра, внимание к любому служителю искусства — будь то актер или технический работник — было удивительно и трогательно.

Работники искусства скорбят о смерти Александры Александровны. В памяти и в сердце они навечно сохранят облик этого благородного рыцаря театра. За свою деятельность, за верность реалистическим традициям русского театра, за патриотизм и служение своему народу правительство наградило Александру Александровну Яблочкину тремя орденами Ленина.

М. ЦАРЕВ,
народный артист СССР,
председатель Совета ВТО.

Фото С. Шингарева.

РЕКОРДЫ ЖАБОТИНСКОГО

На закончившихся в Москве соревнованиях сильнейших штангистов страны большой победы добился украинский штангист тяжелого веса Леонид Жаботинский. Он превысил три мировых рекорда самого сильного человека в мире олимпийского чемпиона Юрия Власова.

Два богатыря давно уже ведут спор в рывке. В январе Власов превысил мировой рекорд своего молодого соперника, подняв штангу весом 168 килограммов, теперь вес мирового рекорда стал тяжелее еще на полкило. Но Жаботинский не ограничился только этим. Он установил также новый мировой рекорд в толчке, подняв 213 килограммов, а в сумме трех движений (жим, рывок, толчок) поднял 560 килограммов. Это на 2,5 килограмма больше абсолютного мирового рекорда Юрия Власова, который он установил на чемпионате мира 1963 года.

Фото Л. Бородулина.

ПОЧЕТНЫЙ ПРИЗ

По приглашению телевизионной компании «Америкен Бродкастинг компани» Брумель в марте побывал в Нью-Йорке и получил там почетный приз, установленный этой компанией. На банкете в присутствии четырехсот гостей Валерию Брумелю была вручена фигурка дискобола, на подставке которой сделана надпись: «Лучшему спортсмену года, избранному из многих тысяч атлетов пяти континентов».

Всего четыре года назад мы впервые услышали о Валерии Брумеле. На XVII Олимпийских играх в Риме он победил американского прыгуна Джона Томаса и завоевал серебряную медаль. А вскоре после этого Брумель перекрыл мировой рекорд Томаса и начал свое восхождение на небывалые высоты.

Весь путь Брумеля проходил в борьбе с американскими атлетами. Три мировых рекорда установлены советским спортсменом на матчах легкоатлетов СССР и США. В 1961 году в Москве Брумель преодолел 2 метра 24 сантиметра, в 1962 году в Пало Альто (США) взял 2 метра 26 сантиметров, а в прошлом году снова в Москве довел мировой рекорд по прыжкам в высоту до 2 метров 28 сантиметров.

На что же рассчитывает Валерий Брумель теперь? Ответ на этот вопрос он дал во время своего пребывания в США. «Я надеюсь взять высоту 2 метра 31 сантиметр»,— заявил Брумель. Ну что же, будем верить, что ему удастся осуществить свою мечту, но уже сейчас нам есть с чем поздравить мирового рекордсмена. В эту зиму Валерий Брумель стал не только обладателем почетного приза «Лучшему спортсмену года», но и отцом. С семьей Валерия Брумеля вы можете встретиться на обложке этого номера.

Только три случая

И. ШАТУНОВСКИЙ

Фельетон

Сергей Иванович спасается от клеветников

В прошлую пятницу нас вызвали по междугородному телефону, и чей-то далекий взволнованный голос прокричал:

— Это редакция? Скажите, к вам не поступали клеветнические письма об инженере Сергее Ивановиче Горохове?

— А кто такой Горохов?

— Горохов — это я. Так, может быть, к вам подъехать, дать объяснения?

Нам никто не писал об инженере Горохове, поэтому и никаких разъяснений не требовалось. Тем не менее Сергей Иванович бросил все свои дела и наутро прикатил в Москву. За истекшую ночь никаких изменений не произошло, о чем мы и сообщили Сергею Ивановичу. Но это не принесло ему успокоения.

— Клеветники, которые почему-то именуют себя товарищеским судом, решили написать обо мне в газету! О! Они напишут...

— Так вас уже судили?

— Представьте себе, да. Клеветники откопали три дохленьких фактика. Первый имел место пятнадцать лет тому назад, другой — тринадцать, а последний совсем недавно — этим летом. Так вот, они свалили все в одну кучу. Раздули. Обобщили.

Сергей Иванович достал из дорожного саквояжа кипу разных бумаг и, как мы ни сопротивлялись, настоял, чтоб они оставались в редакции до получения клеветнических писем. Среди бумаг были подробные объяснения Сергея Ивановича, справки, характеристики, протокол суда.

— Полистайте, посмотрите,— убеждал нас Горохов.

Мы решили полистать, посмотреть.

Случай первый: Сергей Иванович играет свадьбу

Из судебного протокола было видно, что, будучи студентом последнего курса, Сергей Иванович решил жениться. Время не позволяло ждать: ходили слухи, что холостяков будут направлять в самые далекие места. На примете у Сергея Ивановича были две девушки — зубной врач Валя и студентка Юля. Сергей Иванович был в тупике. Когда он гулял с Валей, ему казалось, что лучше Юля, а когда видел Юлю, то Валя все-таки нравилась ему больше. Он сделал предложение и Юле и Вале, надеясь, что какая-нибудь ему откажет. Увы, обе девушки дали положительный ответ, и жених совсем потерял голову. Он мучался, страдал, не спал ночей и, наконец, решил жениться на Юле.

Решение это было настолько твердое, что Сергей Иванович даже отпечатал в типографии пригласительные билеты: «Уважаемый товарищ... Новобрачные Юлия и Сережа приглашают вас на свадьбу, которая имеет быть в столовой № 16. Начало в 19 часов».

Но тут совсем некстати приехала мама из Харькова. Она быстро сопоставила материальные возможности двух невест и решительно высказалась в пользу Вали. Мама посчитала, что только ветреный и совсем непрактичный человек может отказаться от квартиры и зарплаты и жениться на общежитии и стипендии.

Свадьба должна была состояться в той же столовой № 16. Но в самый последний момент разыгрался грандиозный скандал. Гости получили пригласительные билеты, в которых слово «Юля» было зачеркнуто, а сверху было написано слово «Валя». Выходить замуж за Горохова Валя категорически отказалась. Юля — тоже.

Сергею Ивановичу удалось жениться лишь через год на бухгалтере Елене Михайловне.

«Глуп я был, молод,— пишет в своем объяснении Сергей Иванович.— Мне бы надо было заказать новые пригласительные билеты на Валю. А я не сообразил, подумал, что сойдут и старые, на Юлю. Но ошибку свою я давно осознал, понял. Кому же сейчас на руку ворошить старое, пережитое?»

Случай второй: Сергей Иванович присутствует при рождении дочери

Свидетели, выступавшие на товарищеском суде, показали, что 5 декабря 1951 года в вестибюле родильного дома царила радостная суета. Только что вывесили сведения о младенцах, родившихся ночью. Новоиспеченные папаши в состоянии крайнего возбуждения пробивались к окошку, чтобы поскорее узнать, кто родился, сколько весит, берет ли грудь и как чувствует себя молодая мама.

И вдруг в зале появился Сергей Иванович. Был он бледен, плечи его дрожали; не стесняясь посторонних людей, он плакал громко, навзрыд. Наконец он утер слезы, засунул в урну букет цветов и со злостью швырнул под лавку игрушечный пулемет.

Вечером Сергей вновь побывал в родильном доме. Рыдая, он прочел еще раз, что у Елены Михайловны Гороховой родилась девочка. Вырвал листок из блокнота и написал:

«Здравствуй, Лена! Узнал еще утром. Возмутился до глубины души и готов был хоть сквозь землю провалиться. А сейчас решил, что винить тебя не в чем: разве ты можешь родить что-либо приличное?!»

Он отдал записку нянечке, сел на скамью и стал ждать ответа.

Елена Михайловна прочла послание супруга, и с ней случился обморок. Две дежурные сестры быстро спустились вниз, взяли под руки Сергея Ивановича и доставили к главному врачу. Главврач хотел ударить Горохова каким-то странным гинекологическим инструментом, но воздержался. Сбежавшиеся со всех отделений сестры и санитарки глядели на Сергея Ивановича с таким любопытством, точно перед ними был не человек, а ихтиозавр, откопанный в жарких странах.

«Не скрою, узнав, что у меня родилась дочь, я был сильно огорчен,— поясняет Сергей Иванович.— Хотя я и сейчас считаю, что только мальчик может быть продолжателем рода, признаю, что допустил тогда ошибку. Мне не следовало посылать записку жене, чтобы не давать материала в руки клеветников. Я бы мог дождаться, когда жена вернется домой, и заявить ей устно о моем неудовольствии результатом родов. Но тогда, в родильном доме, я разволновался и плохо понимал, что делаю. Вообще в роддоме многие чувствуют себя не в своей тарелке. Я видел собственными глазами, как один человек сунул папиросу табачным концом в рот и пытался прикурить через картонку. Но разве клеветники могут понять естественные человеческие чувства?»

Случай третий: Сергею Ивановичу опостылела семейная жизнь

Летом прошлого года Сергей Иванович после каких-то неясных рассуждений пришел к выводу, что брак никакого счастья ему не принес и неплохо бы пожить одному. Как видно из документов, Сергей Иванович надвое перегородил жилплощадь и написал в суд заявление о разводе. Елена Михайловна возмутилась, взяла дочь и переехала к своей маме на соседнюю улицу.

На 28 августа был назначен суд, а в ночь на двадцать седьмое мама внезапно умерла. Утром, когда у гроба собрались родные и знакомые, неожиданно появился Сергей Иванович. В руках он нес судебную повестку.

— Ты, наверное, сегодня будешь занята,— сказал он рыдающей Елене Михайловне,— так напиши здесь на повестке, что не возражаешь против слушания дела в твоем отсутствии.

«Клеветники пытаются меня обвинить в том, что я осквернил память покойной,— пишет Сергей Иванович.— Но есть ли предел наглости? Мне хотелось как можно скорее урегулировать наш семейный вопрос, а он, как известно, к смерти ее мамаши никакого касательства не имеет. И нечего искусственно связывать два обстоятельства. Конечно, я погорячился, поспешил и совершил ошибку. Мне не надо было при всех объясняться с Еленой Михайловной и показывать повестку. Надо было бы ее вызвать в соседнюю комнату, объясниться с глазу на глаз и не давать повода для сплетен и шантажа».

* * *

На днях Сергей Иванович снова позвонил нам.

— Не поступил материал? — кричал он в трубку.— Так поступит: клеветники не уймутся. Может быть, подъехать, привезти дополнительные документы: копию диплома, характеристику?..

Мы ответили, что привозить больше ничего не надо, так как все уже нам ясно.

— Вот и хорошо,— сказал Сергей Иванович.— А то, знаете, как иногда бывает: не разберутся, пустят статейку в печать, а потом ходи, доказывай...

Викторина

Дьердь МИКЕШ

Скажу кратко: по чисто педагогическим причинам я считаю неправильным передавать по радио викторины. Почему? Они подрывают родительский авторитет. Да что там подрывают! Дискредитируют!

Вот, например, случай со мной.

Однажды вечером мы сидели у радиоприемника — жена, мой сын и я. И вдруг по радио объявляют, что будут транслировать викторину.

— Это интересно! — сказал я сыну.— Слушай внимательно, многому можешь научиться.

Я спокойно ждал первого вопроса, крепко веря в свои способности. С приятным чувством я вспоминал, что знаю даже, когда была битва при Фермопилах. А это не каждый помнит!

К сожалению, спросили не о битве. Надо было назвать какой-то странно звучащий инструмент.

— Укулеле,— произнес я без колебаний и торжествующе огляделся.

С почтением смотря на меня, сын повторил слово. Однако минутой позже выяснилось, что это совсем не укулеле, а венгерский народный инструмент ненерэ. Жена иронически улыбнулась. Я не мог этого стерпеть. Покраснев, я объяснил, что, собственно говоря, вовсе не ошибся. Укулеле в переводе на венгерский означает ненерэ. Жена рассмеялась и вышла из комнаты. С раздражением я глядел ей вслед. Могу поспорить, что она не знает, когда была битва при Фермопилах!

Следующий вопрос я ожидал с беспокойством. Волновался, как когда-то на уроке арифметики. Горло у меня пересохло, сердце учащенно билось. Ох, только бы спросили про битву у Фермопил! Я чувствовал на себе пристальный, изучающий взгляд сына. Он все время смотрел на меня, держа во рту указательный палец. Было в его взгляде что-то непочтительное. Или мне так казалось? В голове у меня перепутались имена, даты, номера домов и телефонов. Второй вопрос звучал так:

«Назовите имя певца, голос которого вы слышите».

— Карузо,— сказал я после краткого раздумья.

Это был не Карузо.

По лицу сына проскользнула улыбка. Тонкая, тактичная улыбка. Другой бы, может, и не заметил. Но я разозлился и объяснил этому сорванцу, что не могу сконцентрироваться и потому даю неправильные ответы.

— Сконцентрироваться, сын мой, означает сосредоточиться,— сказал я нравоучительным тоном.— Сосредоточить мысли. Но я не могу сосредоточиться, потому что ты все время на меня смотришь и болтаешь ногами... Нет, так я не могу думать...

Хотя бы спросили о битве при Фермопилах. Но не спросят: мне всегда не везет. Может, и на радио не знают, когда была битва при Фермопилах? А мне известно. До нашей эры...

Так и есть, не спросили! Видно, нарочно хотят мне досадить. Теперь надо было ответить, когда изобрели телефон. Я не знал — ошибся на пять лет. Смущенный, я стоял у приемника, как когда-то у школьной доски. Жена в кухне театрально расхохоталась.

Сын уже открыто и дерзко ухмылялся. Прямо мне в лицо.

— Не ухмыляйся! — прикрикнул я на сына.— Прими к сведению, что я был прав. Радио ошиблось. Я потребую поправку! Радио тоже может ошибиться. Вспомни, сынок, однажды, когда мы собрались на экскурсию, радио предсказало, что будет дождь. А был дождь? Нет! Какая была погода? Прекрасная!

Сын молча выслушал меня. Я следил за выражением его глаз: верит ли он мне? Потрясенный, я заметил, что мальчишка смотрит на меня с подозрением.

— Собственно говоря, это вовсе не трудные вопросы,— запинался я.— Совсем не трудные. Учти, я не испугаюсь и более трудных вопросов. Спроси у меня, например... например... когда была битва при Фермопилах. Ну, спроси!

— Когда была битва?

— В четыреста восьмидесятом году до нашей эры. Вот видишь! Я даже это помню. Если не веришь, посмотри в энциклопедии. Показать тебе?

Признаюсь, я ожидал, что сын скажет: я тебе верю. Но он не сказал. Встал со стула и подошел к книжным полкам.

— В каком томе? — недоверчиво спросил он.

Я отыскал соответствующий том и показал ему дату. А сам грустно и оскорбленно думал: вот ребенок, с которого я сдуваю пылинки, защищаю даже от ветерка, которому приношу каждый день сласти, не верит своему доброму, дорогому отцу. Грустно, очень грустно.

— Ну, а теперь довольно радио! — сказал я тоном, не терпящим возражений.— Хватит! Уже поздно. Пора спать!

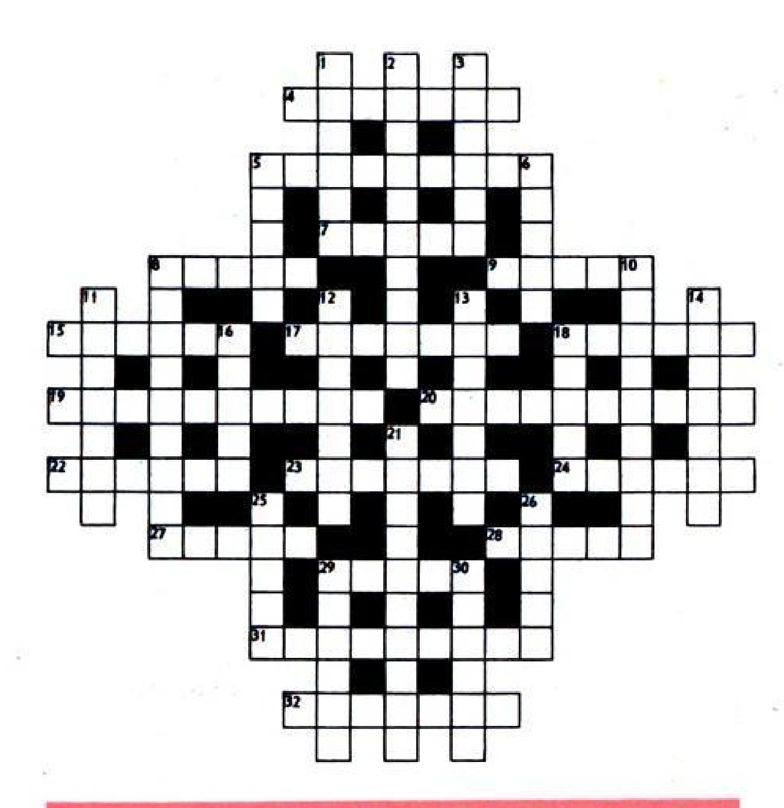
Сын послушно отправился в кровать, а я остался у приемника усталый, обиженный, с подорванным авторитетом.

Я был дискредитирован.

Перевела с венгерского
Е. ТУМАРКИНА.

Передатчик в деньгах

Недавно стало известно, как удалось американской полиции поймать гангстеров, похитивших сына известного певца Фрэнка Синатры. В пачке денег, которые отец передал вымогателям, был скрыт миниатюрный передатчик, посылавший сигналы в эфир.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Полтава». 5. Оптический прибор. 7. Река на Алтае. 8. Трос парашюта. 9. Учреждение связи. 15. Остров архипелага Северная Земля. 17. Медицинский работник. 18. Город-государство в Древней Греции. 19. Экс-чемпион мира по шахматам. 20. Клавишный музыкальный инструмент. 22. Степная лисица. 23. Союзная республика. 24. Метод научного исследования. 27. Тригонометрическая функция. 28. Рассказ А. П. Чехова. 29. Лист бумаги с печатным заголовком. 31. Глубоководная впадина Тихого океана. 32. Амфитеатр в Риме.

По вертикали:

1. Название журнала. 2. Автор оперы «Сорочинская ярмарка». 3. Хищная птица. 5. Спортивный снаряд. 6. Русский живописец и график XIX века. 8. Раздел грамматики. 10. Сплав металла с ртутью. 11. Промысловая рыба. 12. Сорт хрусталя. 13. Гранитный массив. 14. Пункт остановки транспорта. 16. Фарфоровый изолятор. 18. Инструмент скульптора. 21. Выразительное чтение. 25. Подставка для нот. 26. Чертеж земной поверхности. 29. Пролив между Европой и Азией. 30. Игра деревянными шарами.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13.

По горизонтали:

7. Эйзенштейн. 8. Кларнетист. 9. Мерседес. 10. Кардиган. 12. Рица. 13. Проректор. 14. Темп. 17. Струве. 20. Бревно. 21. Палитра. 22. Трансформатор. 25. Георгин. 26. Дикция. 27. Перила. 30. Ринг. 32. Блохинцев. 33. Шток. 34. Стилобат. 35. Васнецов. 36. Белорыбица. 37. Прогрессия.

По вертикали:

1. Узбекистан. 2. Сноска. 3. Серебро. 4. Кашалот. 5. Шевиот. 6. Филармония. 11. Лексикография. 15. Австралия. 16. Градобоев. 18. Рассвет. 19. Кремний. 23. Свиристель. 24. Волгодонск. 28. Алфавит. 29. Педагог. 31. Галера. 33. Шредер.

На первой странице обложки: Валерий Брумель с женой Мариной и сыном Александром.

Фото Дм. Бальтерманца.

На последней странице обложки: Звенят ручьи.

Фото Г. Макарова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00654. Подписано к печати 25/III 1964 г. Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 2 025 000. Изд. № 524 Заказ № 729.

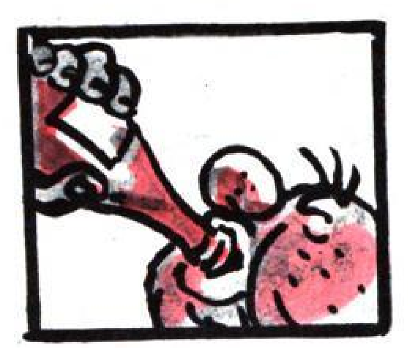
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

РЕДКОЗЕМЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ

Рисунки Вл. ГАЛЬБЫ.

Берилий.

Литий.

Плутоний.

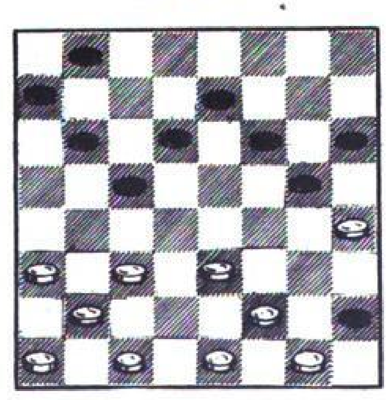
Тунеядий.

ШАШКИ

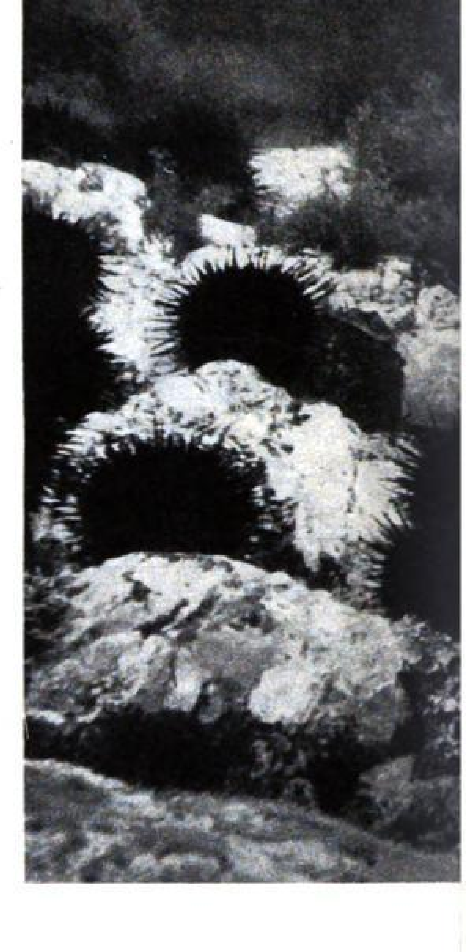
под редакцией мастера Г. Я. ТОРЧИНСКОГО

Концовка

Гроссмейстер З. И. Цирик (Харьков)

Белые начинают и выигрывают.

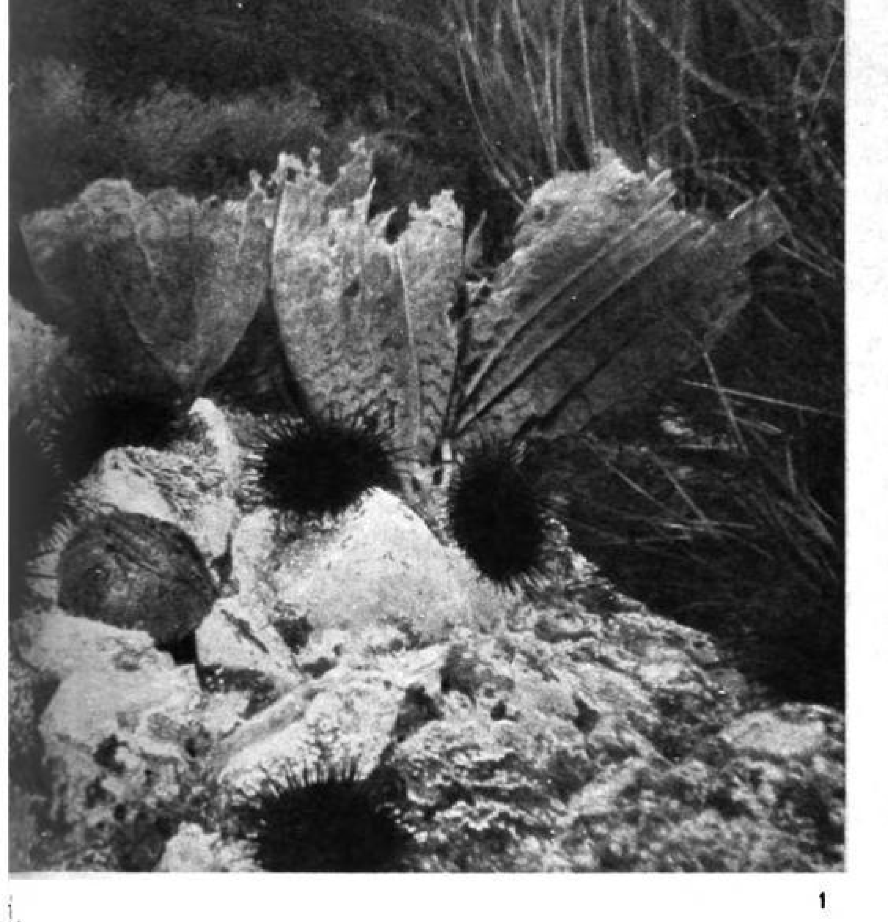
Охота за осьм

Несколько дней мы ищем осьминогов в Японском море у берегов острова Путятин, недалеко от Владивостока. У нас задача: поймать крупного осьминога и живым доставить его в лабораторию биофизиков.

Ученые решили изучить механизм зрения осьминога. Может быть, способность его глаз различать плоскость поляризации света будет использована в будущем для создания новых оптических устройств.

Пожалуй, ни одно морское животное не окружено таким количеством легенд и рассказов, как осьминог. Множество героев литературных произведений вступало с ним в смертельную схватку и гибло в неравной борьбе. Но нас не страшит предстоящая встреча. Мы знаем, что осьминог не нападает на человека, но на всякий случай вооружаемся длинными ножами. Последняя проверка аквалангов — и в воду.

...Плывем у самого дна. На его склонах зелеными купами вздыбились заросли морского льна, качаются веера морской капусты, видны россыпи темно-бордовых

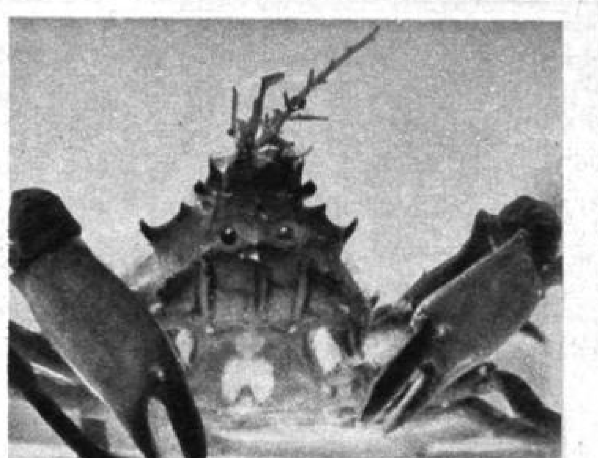
1

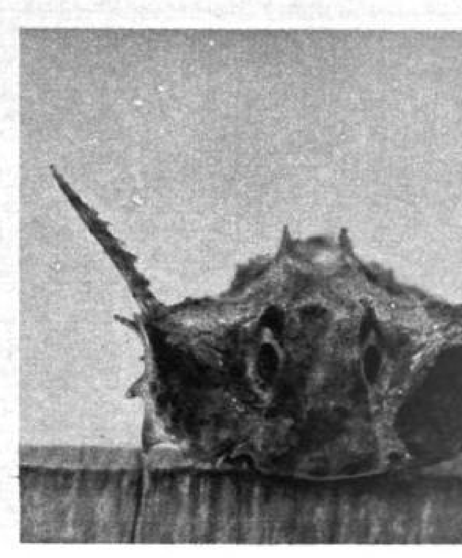
2

4

3

5

морских ежей. Здесь же множество различных звезд: васильковых, лиловых, красных, черных. Блики солнечного света сверкают на поверхности их тел, создавая красочное зрелище (фото 1).

Среди водорослей притаились рыбы-маслюки (фото 2). С явным любопытством следят они за нами. Наиболее смелые плывут навстречу и, стоя на хвостике, извиваются перед самым стеклом маски.

А вот на камнях и листьях морской капусты застыли водорослевые крабы. Их выдают лишь бусинки глаз (фото 3).

Рассматривая крабов, я оперся рукой на круглый зеленоватый булыжник. К моему удивлению, он оказался мягким и скользким, с испуганными бегающими глазами. Это крупный бычок

из них я предложил резиновый ласт. Пожевав его, она удалилась, смешно тряся головой. Видимо, ласт пришелся не по вкусу.

С осьминогом встречаемся внезапно. В нише под остроконечной скалой зашевелилась бесформенная глыба и вдруг взглянула на нас кошачьими глазами. Навстречу нам развернулись два щупальца. Мгновенно потемнев, осьминог стал волнообразно двигать телом. Но, убедившись, что нас не испугать, отступил в глубь ниши и развернул зонтиком все свои восемь щупалец. В центре, там, где сходятся щупальца, показался черный клюв (фото 7).

Нащупав концы щупалец, пытаемся вытащить осьминога из убежища. Но он словно прирос к камню.

ИНОГОМ

Брандта (фото 4). Беру его за хвост и отрываю от скалы. Бычок безжизненно повисает в руке, притворяясь мертвым. Но вот, видимо, решив, что игра зашла слишком далеко, он делает энергичное движение и выскальзывает из рук.

Среди рыб попадаются и рогатые бычки. Длинные острые рога придают им грозный вид (фото 5).

Плывем дальше. Теперь вокруг нас сплошная стена зарослей морской капусты — ламинарии. Ее широкие листья достигают длины до 4 метров (фото 6).

А сейчас видны черные отверстия гротов. Спускаемся вдоль стены. Яркие краски морского дна тускнеют и приобретают зеленоватый оттенок. Вода заметно похолодала — это чувствуется даже через гидрокостюм и теплое белье.

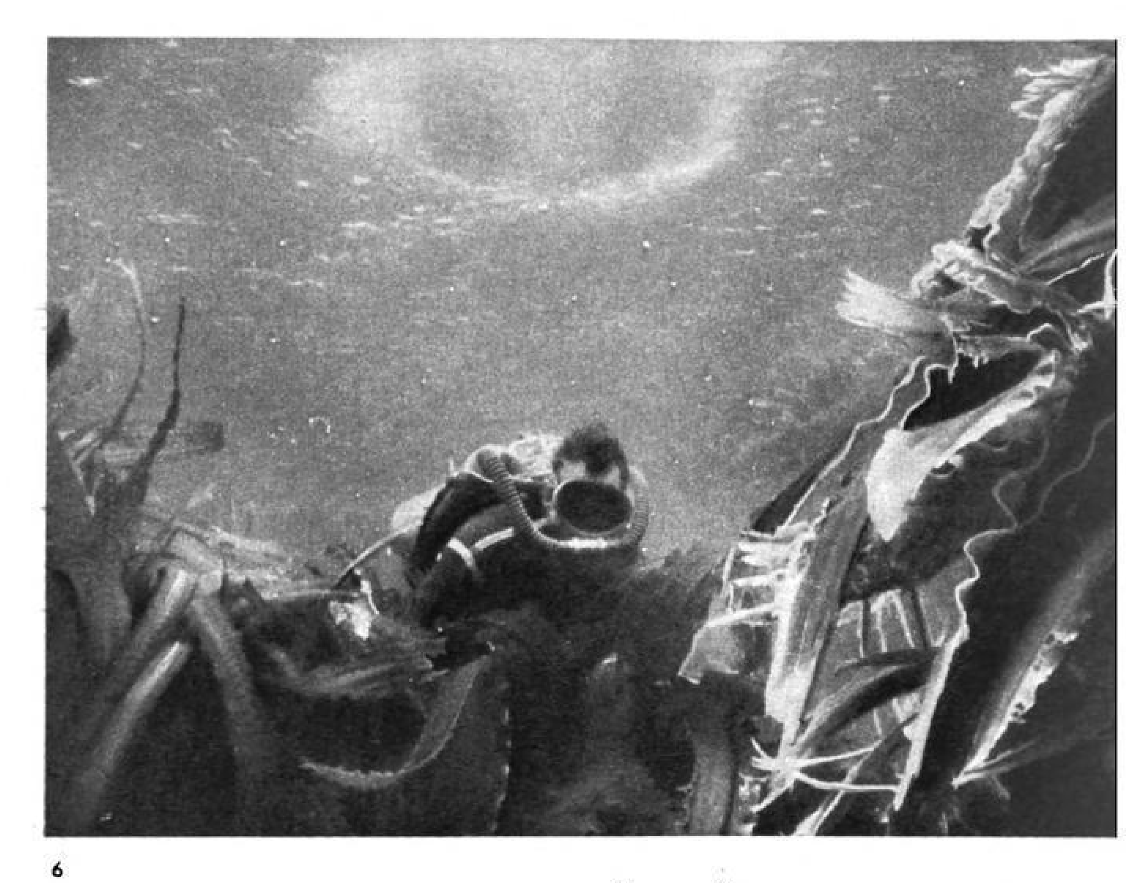
В одной пещере замечаем кучи пустых раковин. Здесь обедал осьминог. Немного ниже еще одна такая пещера. Из щелей выползают морские собаки. У них змееподобное тело, оскаленный рот полон мелких зубов. Стоит остановиться, как эти рыбы начинают тебя покусывать. Самой назойливой

На помощь приходит третий товарищ. Еще рывок — и вместе с осьминогом взмываем вверх. Животное пытается вырваться, но тщетно. И тогда осьминог применяет последнее средство — выбрасывает густое чернильное облако. Чернота с красноватым отливом затягивает стекла маски. Осьминог тянет вниз. Его щупальца обхватывают мои ноги. Осьминог быстро начинает менять краски тела. Из темно-коричневого делается белым, затем пунцовым, розовым, золотистым.

Медленно плывем к берегу. Здесь осторожно распутываем щупальца. Осьминог оказывается не таким уж большим, как в воде, и совсем не грозным.

Члены нашей экспедиции еще не раз опускались под воду. Были интересные встречи и находки. Однажды со дна моря подняли неизвестно как туда попавший обыкновенный резиновый сапог с маркой «Красный треугольник». Внутри него оказалось гнездо с яичками небольшого песчаного осьминога (фото 8).

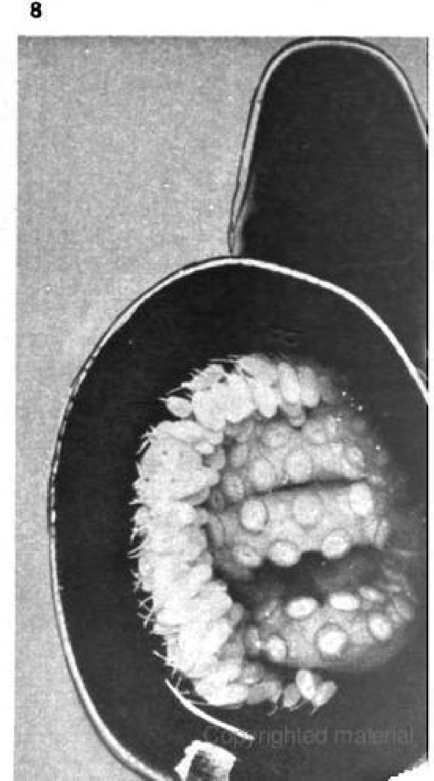
Ю. АСТАФЬЕВ
Фото автора.

6

7

8

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663

